

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

(C) KANDINSKY 3.0

1 | 2024

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Academic E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Vol. 9, No 1

<https://doi.org/10.46539/jfs.v9i1>

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Том 9, No 1

<https://doi.org/10.46539/jfs.v9i1>

Table of Content

RUSSIAN FRONTIER

Yuriy V. Ryabov & Andrey A. Gruzdev

Images of the Industrial Frontier in the Context of the Energetics' Development in Eastern Siberia 15

Andrey A. Avdashkin

The Vietnamese Market in a Post-Soviet City:
History, Social Boundaries, and Infrastructure (A Case Study of Magnitogorsk) 36

Angelina V. Saenko

"Own Foreign Land": The Transformation of Attitudes Towards the Pre-War Past
of the Region in the "Kaliningradskiy Komsomolets" Newspaper During the Perestroika Period 60

GENERAL QUESTIONS OF FRONTIER THEORY

Ellara U. Omakaeva & Ekaterina N. Badmaeva

The Role of Weather and the Natural-Climate Factor in the Daily Nomadic Life
of the Kalmyks in the Context of Traditional Nature Utilization: Effective Frontier Practices 82

Maksym W. Kyrchanoff

Inventing Traditions in Minority Nationalisms:
Political Sovereignty and Historical Trauma in the Iroquois Nationalist Imagination 101

THE GLOBAL FRONTIER

Mikhail Yu. Shlyakhov & Nina V. Starikova

Characteristic features of Reformation in Hungary and the Formation
of the Unitarian (Anti-Trinitarian) Church in Transylvania in the Second Half of the 16th Century 126

Lidia V. Antonova

From "Decisive Hostility" to "Cordial Agreement": "The Times"
on the Evolution of Britain's Image in Russian Press at the Beginning of the 20th Century 145

IDENTIFYING SELF AND THE OTHER

Rastyam T. Aliev

From Kimono to Big Mac: An Analysis of Russian
Internet Queries as a Reflection of Stereotypes Forming Images of the Other 165

MISCELLANEOUS

Daria A. Kolesnikova

Grids: Re-considering Infrastructural Politics of Urban Space 187

REVIEWS

Sofya A. Rezvushkina & Kirill E. Rezvushkin

The Mythological Frontier as a Key to Understanding the Other:
A Review of the "Myths from A to Z" Book Series 211

Anna Y. Kazakova

The Rural Borderland House: Functional-Spatial and Ritual-Symbolic Specificities 226

Содержание

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

- Рябов Ю. В., Груздев А. А.**
Образы индустриального фронта
в контексте энергетического освоения территории Восточной Сибири 15
- Авдашкин А. А.**
Вьетнамский рынок в постсоветском городе:
история, социальные границы и инфраструктура (на примере Магнитогорска) 36
- Саенко А. В.**
«Своя чужая земля»: трансформация отношения
к довоенному прошлому края в газете «Калининградский комсомолец» периода перестройки 60

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФРОНТИРНОЙ ТЕОРИИ

- Омакаева Э. У., Бадмаева Е. Н.**
Роль погоды и природно-климатического фактора в повседневной кочевой жизни калмыков
в контексте традиционного природопользования: эффективные фронтальные практики 82
- Кирчанов М. В.**
Изобретение традиций в миноритарных национализмах: политический
суверенитет и историческая травма в ирокезском националистическом воображении 101

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФРОНТИР

- Шляхов М. Ю., Старикова Н. В.**
Особенности Реформации на территории Венгрии и формирования
унитарной (антитринитарной) церкви в Трансильвании во второй половине XVI века 126
- Антонова Л. В.**
От «решительной враждебности» к «сердечному согласию»:
“The Times” об эволюции образа Британии в российской печати начала XX в. 145

ОПРЕДЕЛЯЯ СЕБЯ И ЧУЖОГО

- Алиев Р. Т.**
От кимоно до Биг-Мака: анализ интернет-запросов
россиян как отражения стереотипов, формирующих образы Другого 165

РАЗНОЕ

- Колесникова Д. А.**
Принцип «решетки» в переосмыслении
инфраструктурной политики городского пространства 187

РЕЦЕНЗИИ

- Резвушкина С. А., Резвушкин К. Е.**
Мифологический фронт как ключ к пониманию Другого: обзор серии книг «Мифы от и до» 211
- Казакова А. Ю.**
Дом сельского пограничья:
функционально-пространственная и обрядово-символическая специфика 226

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Journal of Frontier Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2016). The journal publishes scholarly articles, reviews, information resources, expeditions' reports, conferences and other scientific materials.

The journal was included in the top list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science in the following specialties:

5.6.1. Russian history;

5.6.2. General history;

5.6.4. Ethnography, Ethnology, and Anthropology;

We publish four issues in a year.

The working languages of the Journal are English and Russian.

The Journal is devoted to topical issues in the field of Frontier theory, Borders and Borderlands, problems of intercultural communication in contact zones, as well as the questions of functioning of Frontier tropes in modern mass culture.

Aim and Scope

Our goal is to create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Frontier studies. With this goal in mind, we aim to ensure that our online publication performs important scientific functions – communication and information – that will not only accumulate new developments in this field, but will also serve as a basis for new discoveries and insights.

The Journal advocates the principles of dialogue of cultures and elimination of conditions for possible conflicts of civilizations. It adheres to the principles of the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial staff aims to remove language barriers and respect the boundaries of the national culture of each nation living on our small planet – Earth.

The journal assigns Crossref DOIs to all articles.

The main branches of science within which materials can be published in this publication are:

History;

Theory and history of culture;

Philosophy;

Literature.

But this does not mean at all that articles and other materials of the authors written in other branches of knowledge will be categorically rejected.

We welcome articles on Frontier problems written from the perspective of a wide variety of Sciences or at the intersection of several branches, since this approach, in our opinion, may be the most effective and allows us to look at known problems from a new point of view. All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind reviews.

Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors. We do not accept works that Express disrespect for other peoples or contain politically incorrect language.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

**Best regards,
Editors**

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from March 7, 2015
- ◆ ISSN: 2500-0225
- ◆ The material published in the journal is intended for persons over 18 years of age

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Журнал фронтирных исследований (Journal of Frontier Studies) является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2016 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);

5.6.4. Этнография, этнология и антропология (исторические науки);

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований фронтирной теории, пограничья и приграничья, проблем межкультурной коммуникации в контактных зонах, а также вопросам функционирования фронтирных тропов в современной массовой культуре.

Цель проекта: Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области фронтирной теории.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций принципов диалога культур и устранение условий для конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Основные отрасли наук, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании, это:

Исторические науки;

Теория и история культуры.

Философские науки;

Литературоведение.

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам фронта, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук, так как такой подход, по нашему мнению, может оказаться наиболее действенным и позволяющим взглянуть на известные проблемы под новым углом.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование. Поэтому любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами. Мы не публикуем работы, в которых высказывается неуважительное отношение к другим народам или имеются некорректные формулировки.

**С уважением,
редакция**

- ◆ Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ◆ ISSN: 2500-0225
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief	Serguey N. Yakushenkov Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Associate Editors	Rastyam T. Aliev Ph.D. Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Science Editor	Maksim V. Kirchanoff Dr. Habilitatus in History, Associate Professor, Voronezh State University. Voronezh, Russia
Editorial Board	Andrei Znamenski Ph.D., professor, The University of Memphis. Memphis, USA Andrey V. Grinev Dr. Habilitatus in History, Professor, St. Petersburg State Polytechnic University of Peter the Great (SPbPU). St. Petersburg, Russia Anna P. Romanova Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Dittmar Schorkowitz Ph.D., professor, Max Planck Institute for Social Anthropology. Halle, Germany Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Elena V. Morozova Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kuban State University. Krasnodar, Russia Elina A. Sarakava Ph.D., Hainan College of Economics and Business. Haikou, China Emilia A. Taysina Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia Isabeau Vollhardt B.A., Philosophy/English University of Washington. Washington, USA Ilya V. Toropitsyn PhD, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Lyudmila V. Burykina Ph.D., Adygea State University. Maykop, Russia

Maria M. Fyodorova

Dr. Habilitatus in Political Studies, Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Marina Ch. Larionova

Dr. Habilitatus in Philology, Federal State Budgetary Institution of Science
"Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian
Academy of Sciences", Southern Federal University.
Rostov-on-Don, Russia

Matthew P. Romaniello

Ph.D., professor, Weber State University. Ogden, USA

Michael Khodarkovsky

Ph.D., professor, Loyola University Chicago. Chicago, USA

Nadezhda Ye. Tropkina

Dr. Habilitatus in Philology, Volgograd State Pedagogical University.
Volgograd, Russia

Natalia S. Kanateva

PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Nathan Hopson

Ph.D., professor, Nagoya University. Nagoya, Japan

Piotr Gorecki

Ph.D., professor, University of California. Riverside, USA

Robert P. Geraci

Ph.D., professor, University of Virginia. Charlottesville, USA

Sergey A. Troitskiy

PhD., Estonian Literary Museum. Tartu, Estonia

Serguey V. Vinogradov

Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University.
Astrakhan, Russia

Vladimir N. Shaidurov

Dr. Habilitatus in History, Associate Professor, Pushkin Leningrad State
University. Pushkin, St. Petersburg, Russia.

Willard Sunderland

Ph.D., professor, University of Cincinnati. Cincinnati, USA

Главный редактор	Сергей Николаевич Якушенков д. ист. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия
Заместитель главного редактора	Растям Туктарович Алиев к. ист. н., Астраханский государственный университет, Россия
Научный редактор	Максим Валерьевич Кирчанов д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Воронеж, Россия
Редакционная коллегия	Андрей Вальтерович Гринев д.ист.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (СПбПУ). Санкт-Петербург, Россия Андрей Знаменский Ph.D., профессор, Университет Мемфиса. Мемфис, США Анна Петровна Романова д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия Диттмар Шорковиц Ph.D., профессор, Институт социальной антропологии им. Макса Планка. Галле, Германия Елена Васильевна Морозова д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». Краснодар, Россия Елена Евгеньевна Завьялова д.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия Изабо Волхардт В.А., Вашингтонский университет. Вашингтон, США Илья Васильевич Торопицын к.ист.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия. Людмила Васильевна Бурькина к.ист.н., ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет». Майкоп, Россия Марина Ченгаровна Ларионова д.филол.н., ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Южный федеральный университет (ЮФУ). Ростов-на-Дону, Россия Мария Михайловна Федорова д.полит.н., Институт философии РАН. Москва, Россия Михаил Ходарковский Ph.D., профессор, Университет Лойолы в Чикаго. Чикаго, США

Мэтью П. Романьелло

Ph.D., профессор, Государственный университет Уэбер. Огден, США

Надежда Евгеньевна Тропкина

д.филол.н., ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Волгоград, Россия

Наталья Сергеевна Канатьева

к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Натан Хопсон

Ph.D., профессор, Нагойский университет. Нагойя, Япония

Пётр Горецкий

Ph.D., профессор, Калифорнийский университет. Риверсайд, США

Роберт П. Гераси

Ph.D., профессор, Университет Виргинии. Шарлотсвилль, США

Сергей Александрович Троицкий

к.филол.н., Эстонский литературный музей. Тарту, Эстония

Сергей Вадимович Виноградов

д.ист.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Уиллард Сандерленд

Ph.D., профессор, Университет Цинциннати. Цинциннати, США

Элина Алиевна Саракаева

к.филол.н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу. Хайкоу, Китай

Эмилия Анваровна Тайсина

д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет». Казань, Россия

Шайдуров Владимир Николаевич

д.ист.н., доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Пушкин, Санкт-Петербург, Россия

CONTACTS

Founder	Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”
Address	85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050
Editor-in-Chief	Serguey N. Yakushenkov
Email	editorialboard.jsf@jfs.today ; editorialboard.jsf@gmail.com
CEO	Rastyam T. Aliev
Email	rastaliev@gmail.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2
Главный редактор	Сергей Николаевич Якушенков
Email	editorialboard.jsf@jfs.today ; editorialboard.jsf@gmail.com
Дирекция журнала	Алиев Растям Туктарович
Email	rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

Images of the Industrial Frontier in the Context of the Energetics' Development in Eastern Siberia

Yuriy V. Ryabov (a) & Andrey A. Gruzdev (b)

(a) Krasnoyarsk State Agrarian University; Siberian Federal University. Krasnoyarsk, Russia.

Email: ryabov.yu[at]gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0805-8517>

(b) Siberian Federal University. Krasnoyarsk, Russia. Email: agruzdev[at]sfu-kras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7967-1205>

Received: 1 September 2023 | Revised: 3 December 2023 | Accepted: 17 December 2023

Abstract

The article focuses on the images of the industrial frontier in the context of hydropower development in Eastern Siberia during the Soviet period. Despite the rich experience domestic researchers have accumulated, they have overlooked several aspects of Eastern Siberia's industrial development. The article explores these images as depicted in Soviet literature, journalism, poetry, and fine art from the various periods. These depictions include the study and construction of the Angara and Yenisei cascade of hydroelectric power plants, reflecting the Soviet state's ideological attitudes.

The authors conclude that the images of the industrial frontier, while varying in character, shared many common features across different periods. Furthermore, the Soviet leadership used the creation of these multiple images to solve several important national tasks. These tasks ranged from attracting labor resources to Siberian construction sites to fully integrating the East Siberian region into the life of the Soviet state and society.

Teachers and students interested in the industrial development of Eastern Siberia in the twentieth century will find the article relevant.

Keywords

Energy Policy of the USSR; Hydroelectric Power Plants; Angarsk HPP Cascade; Yenisei HPP Cascade; Divnogorsk; Representation of Space

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Образы индустриального фронта в контексте энергетического освоения территории Восточной Сибири

Рябов Юрий Владимирович (а), Груздев Андрей Александрович (б)

(а) Красноярский государственный аграрный университет; Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия. Email: [ryabov.yu\[at\]gmail.com](mailto:ryabov.yu[at]gmail.com)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0805-8517>

(б) Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия. Email: [agruzdev\[at\]sfu-kras.ru](mailto:agruzdev[at]sfu-kras.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7967-1205>

Рукопись получена: 1 сентября 2023 | Пересмотрена: 3 декабря 2023 | Принята: 17 декабря 2023

Аннотация

Статья посвящена образам индустриального фронта в рамках гидроэнергетического освоения Восточной Сибири в советский период. Несмотря на богатый опыт, накопленный отечественными исследователями, ряд аспектов индустриального освоения Восточной Сибири остается вне должного внимания. Через идеологические установки советского государства, советскую литературу, публицистику, поэзию, изобразительное искусство различных периодов, освещающих изучение водных ресурсов Ангары и Енисея, возведение Ангарского и Енисейского каскада ГЭС, рассматриваются образы гидроэнергетического освоения Восточной Сибири как индустриального фронта.

Авторы приходят к выводу, что образы индустриального фронта носили разный характер, имея при этом в различные периоды немало общих черт. Через создание различных образов гидроэнергетического освоения советскому руководству удалось решить целый ряд сложнейших задач государственной важности: от привлечения трудовых ресурсов на сибирские стройки до полноценного включения Восточно-Сибирского региона в жизнь советского государства и общества.

Статья предназначена для преподавателей и студентов, интересующихся вопросами индустриального освоения Восточной Сибири в XX в.

Ключевые слова

энергетическая политика СССР; гидроэлектростанции; Ангарский каскад ГЭС; Енисейский каскад ГЭС; Дивногорск; репрезентация пространства

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Вышедший из горнила американской истории термин «фронтир» с 1990-х гг. пытается найти свое место и применение в трудах отечественных исследователей. Разработанная некогда Ф. Дж. Тёрнером для объяснения уникальности американского исторического опыта концепция фронта довольно скоро стала использоваться для попыток анализа тех или иных периодов истории других стран (Зубков, 2018), теряя при этом некоторые изначальные положения либо, напротив, становясь калькированием особенностей развития США без учета местной специфики.

Отечественными первопроходцами осмысления истории Сибири в рамках фронтальной теории стали исследователи Томского государственного университета, по чьей инициативе на базе этого университета была создана Сибирская ассоциация американистов, давшая импульс к развитию концепции фронта в российской истории (Иванова, 2016).

Следует упомянуть и работы новосибирских ученых, посвященные сравнению специфики освоения Северной Америки и Сибири. Проблеме выделения общего и особенного в американском и сибирском фронтах посвящены работы историков А. Д. Агеева, Б. Н. Миронова, Д. Я. Резуна, М. В. Шиловского и др. (Резун и др., 2001).

В рамках сибирского контекста фронта М.В. Шиловский выделяет три его эволюционных стадии: сначала возникает «внешний фронт», как первое столкновение разных по своему уровню цивилизаций; на смену «внешнему» приходит фронт «внутренний» — это происходит, когда фронтальные территории включаются непосредственно в состав государства. Пройдя через предыдущие стадии, фронт приобретает характер уже «внутрицивилизационного», связанного, в числе прочего, с появлением новой особой ментальности.

Следует отметить, что исследованиям первой половины 2000-х гг. присуща некоторая идеологическая направленность, связанная, по мнению самих же авторов, с либерализацией процесса как самих научных исследований, так и их политической и идеологической цензуры. Такой поворот может быть отчасти обусловлен кризисом марксистской методологии в отечественной науке в предшествующий период 1990-х гг. Все это не могло не привести к некоторому смещению акцентов и оценок объекта и предмета исследования: так, в работах иркутского историка А. Д. Агеева Сибирь представлена каторжным краем, «страной угрюмой и глухой», в то время как образы Сибири были довольно различными даже в исследуемый период (Шерстова, 2018). Однако исследование таких образов и их смыслов является темой отдельного и довольно перспективного направления.

Несмотря на почти буквальное сравнение Сибирского и Американского фронта в некоторых аспектах, исследования 2000-х гг. не только пробудили интерес к фронтальной проблематике в отечественной истории, но и заложили основы для поиска действительно уникальных черт фронта сибирского.

В деле собственного прочтения фронтальной концепции относительно отечественного материала следует отметить ярких представителей отечественной школы когнитивной географии в лице ученых географического факультета МГУ — Н. Ю. Замятину и А. Н. Пилясова.

Главная мысль Н. Ю. Замятиной — фронт есть зона особых социальных условий, то есть территория, социальные и экономические процессы на которой определяются идущим процессом освоения. При этом важнейшим условием существования фронта выступает неустойчивая стабильность или равновесие, а главными факторами дестабилизации являются природная экстремальность и военно-политическая нестабильность. Таким образом, выдвинутая авторами идея о первостепенном влиянии пространственного фактора в тесной связи с социальными категориями представляется вполне обоснованной.

Еще одним новшеством, привнесенным Н. Ю. Замятиной, является применение фронтальной концепции не только к эпохе нового времени в целом, но и к советской эре в частности.

Немало обогатившись методологическим и концептуальным аппаратом, фронтальная теория и сегодня порождает множество дискуссий в отечественной академической среде. Все еще не существует единства мнений по вопросу применения как самой концепции фронта, так и термина «фронт» к истории России и Сибири, а многообразие подходов, носящих междисциплинарный характер на стыке археологии, культурологии (Панарина, 2013), философии (Басалаева, 2012) и филологии (Макарова, 2022), позволяет говорить скорее о наличии авторских теорий и множестве классификаций фронта, нежели о единой концепции.

При этом концепт фронта в силу своей теоретической эластичности при правильном подходе способен давать интересные результаты, особенно в части новейшей истории — так, Р. В. Павлюкевичем и Н. В. Гониной были выявлены общие черты социально-демографического развития городов Сибири и Амазонии во второй половине XX в. (Павлюкевич и др., 2022).

В связи с вышесказанным представляется интересным рассмотреть образы индустриального фронта в области гидроэнергетического освоения Восточной Сибири в советский период, сделав акцент на ряде аспектов, обходящихся вниманием в других исследованиях.

Основная часть

Как отмечает в своем исследовании В. А. Ильиных, к началу советской эпохи Западная и Восточная Сибирь уже прошли стадию постфронта, находясь в периоде вхождения в хартленд (Ильиных, 2022). Однако сам процесс освоения данной территории с присущими ему фронтными чертами продолжался.

Само рождение советского проекта подразумевало пересмотр старых и определение новых границ: государственных, географических, экономических, идеологических и т.д.

Одной из первоочередных задач, вставших перед советским государством, явилось преодоление технического отставания от западных стран — в первую очередь, от США. За полтора десятка лет необходимо было вдвое увеличить объем промышленной продукции. Для этого требовалось развитие старых и создание новых отраслей промышленности с энергоемкими производствами, что в свою очередь подразумевало создание энергетической системы, потребителями которой должны были стать крупные заводы и предприятия.

Разработка плана электрификации Советской России была поручена специально созданной Государственной комиссии по электрификации под руководством Г. М. Кржижановского. План ГОЭЛРО стал предтечей генерального плана развития народного хозяйства, из которого, в свою очередь, вышли уже пятилетние планы. Для реализации непосредственно плана ГОЭЛРО декретом СНК РСФСР от 22 февраля 1921 г. была создана Государственная общеплановая комиссия.

Для воплощения плана в жизнь необходимо было решить вопросы экономического районирования Советской России, в частности, выделения Сибири в отдельную административную единицу. В 1921 г. постановлением Сибревкома была создана Сибирская плановая комиссия (Сибплан) — в ее состав вошла комиссия по электрификации Сибири, а также статистическое отделение Сибпромбюро ВСНХ. Вскоре после этого, в 1925 г., взамен Омской, Томской, Алтайской, Иркутской, Ново-Николаевской и Енисейской губерний был образован новый Сибирский край, в связи с чем функции Сибплана были переданы в ведение Сибирской краевой плановой комиссии (Сибкрайплан), располагавшей своими отделениями в округах; на этой базе в 1930 г. были образованы Западно-Сибирская и Восточно-Сибирская краевые плановые комиссии.

Так начались первые изыскания и активные обсуждения перспектив использования природных ресурсов Восточной Сибири, в частности, гидроэнергетических. При этом энергетическое освоение новых территорий носило определенную идеологическую установку — несмотря на то, что примером в деле создания энергетической сети выступали США, советская энергетика подавалась в противоположном ключе: советская электрификация была

поставлена на службу трудовому народу и поэтому виделась борьбой «со всем буржуазным окружением» (Кржижановский, 1924).

В духе эпохи Просвещения с ее идеей о силе человеческого разума и способности с помощью него изменять существующую реальность и создавать новую, электрификация подавалась советскими идеологами 1920-х – 1930-х гг. как «единый фронт борьбы человека с природой» и как новая эпоха в истории человечества в целом. В ходе возведения промышленных гигантов советский человек заставлял природу и ее ресурсы работать на благо человечества, осушал болота, перекрывал реки или же поворачивал их вспять, утверждая себя не только в новых индустриальных границах, но и границах человеческих возможностей, воплощения идей и идеологий. Такая риторика будет сопровождать гидроэнергетическое освоение региона на всем периоде существования советского проекта.

Плановый характер советской экономики породил особого рода визионерство — «плановую реальность», которую футурист и популяризатор С. Третьяков в своей книге «Страна А-Е» описал как чувство «новое, нигде, кроме нас, в мире не существующее» <...> Раз мы решили, что завод будет, значит, он уже есть» (Третьяков, 1932).

В риторике о предстоящей индустриальной колонизации зоны сибирского фронта вплоть до 1930-х гг. буквально применялись термины «колонизация» и «колонисты». Характер освоения молодого государства обозначался как «наше стихийное, далеко не закончившееся еще заселение Европейской и Азиатской России, <...> более или менее регулируемое переселение в Сибирь». Особо подчеркивалось, что «колонизация» Советской России в корне отличается от колонизации в западноевропейском понимании. Так, советская «колонизация» объяснялась в 1920-х гг. не как классическая эксплуатация колоний в интересах метрополии (каковой могла стать та же Сибирь по отношению к Центральной России). Советская «колонизация» противопоставляла себя как стихийному, так и «упорядоченному бегству «российского крестьянина под давлением земельного утеснения на Сибирский простор» (Положение главных отраслей народно-хозяйственной жизни Сибири и ближайшие ее задачи, 1924, с. 169).

В представлениях 1920-х гг. советская «колонизация» подразумевала согласованную с общим планом государственного строительства СССР организацию новых хозяйств в малообжитых или вовсе необжитых регионах. Главной задачей при такой «колонизации» становилось устройство местного, сибирского населения, «как наиболее ценного колониста, наилучше приспособленного к непосредственной (а не через труд другого человека) эксплуатации (использованию) природных богатств своего района». Народное хозяйство Сибири в таком варианте «колонизации» представлялось разработкой и использованием природных ресурсов через «посредство местного туземного населения».

Бытовавшее во времена Российской империи освоение Сибири путем изыскания и выделения площадей земельного фонда для переселения на него как можно большего количества российских крестьян была также отвергнуто. Теперь к каждому из экономических районов Сибири предполагалось найти особый подход, вытекающий из форм хозяйственного развития того или иного района, согласно плану, выработанному центральными и местными органами СССР.

Для реализации нового видения советской «колонизации» необходимо было решить ряд «колониционных задач»: изучить производительные силы необжитых районов, включая «туземного человека и его хозяйство», изыскать возможности по улучшению условий и производительности труда, а также жизни населения новых районов. Для более детального исследования экономических районов, без которого конкретизация проблемы колонизации Сибири была невозможна, предполагалось, в числе прочего, создание специального учреждения, например, Государственного Колонизационного Института (1924, с. 174).

В такой концепции советской «колонизации» были увязаны воедино промысловая, аграрная и индустриальная составляющие фронта — если первые две формы уже наличествовали в Восточной Сибири, то третью только предстояло создать. И на этой стадии государство вновь было вынуждено реагировать на вызовы времени, выраженные в потребности индустриализации страны. При этом продвижение фронтирменов в лице первых изыскательских партий для решения Ангаро-Енисейской проблемы в данном случае находилось в полном ведении советского государства и его плановых органов.

В тот же период происходит первая попытка смены образа фронтирной территории с маргинальной, окраинной на «страну неограниченных экономических возможностей» и «заколдованных пространств». Через эти попытки, а также феномен упомянутой выше «плановой реальности», можно проследить начало процесса создания репрезентационной инфраструктуры советского проекта в целом и гидроэнергетического освоения Восточной Сибири в особенности. Под репрезентационной инфраструктурой подразумевается понимание инфраструктуры не только как реального, физического объекта, но и в качестве его образа, посредством которого локальные сообщества включаются в модерн. По мнению исследователей лаборатории исторической географии и регионалистики при Тюменском государственном университете, цель советского репрезентационного проекта некорректно сводить к одной лишь прямой агитации или мобилизации. Такой проект представляет собой, помимо прочего, одну из форм современного бустеризма: экспансионистской идеологии, характерной для условий форсированного создания новых территориальностей и направленной на формирование внутри них патриотических идентичностей, в частности, посредством произведений массовой культуры (Корандей, 2021).

Данный феномен в теоретической части достаточно полно раскрыт в работах вышеуказанных исследователей на примере Урала и Западной Сибири, поэтому авторы данной статьи ограничатся конкретными проявлениями создания репрезентационной структуры на территории Восточной Сибири.

Рисунок 1. Обложка
литературно-краеведческого
иллюстрированного журнала
«Будущая Сибирь», 1931

Figure 1. Cover of the literary and local history illustrated magazine
“Future Siberia”, 1931

Рисунок 2. Обложка журнала
«На Советской стройке» (Орган оргкомитета
ВЦИК Восточно-Сибирского края), 1930

Figure 2. Cover of the magazine “On Soviet Construction” (Organ of the Organising Committee of the All-Union Central Executive Committee of the East Siberian Territory), 1930

На страницах литературных журналов и газет поэты и писатели стремились противопоставить Сибирь ссыльную и Сибирь советскую. Особое место здесь занимают рассказы, посвященные тяжелому быту каторжников и ссыльных разных периодов российской истории — первопроходцев, горняков Лены и Витима, забайкальских партизан, сибирских крестьян, а также коренных народов: якутов, эвенков, ненцев, бурят и т.д. В случае автохтонов сюжетный мотив дополнялся образом Российской империи как «тюрьмы народов» (Шмаков, 1940, с. 230). Посредством историй «жизни, омытой слезами и кровью», литераторы стремились не только донести до читателя роль и место Сибири в истории России, в том числе Советской, но и показать через

величественные красоты сибирской природы и силу духа ее жителей преемственность поколений в деле борьбы за права и свободы для новой справедливой жизни. В корпусе произведений такого характера следует особо отметить поэтические циклы Ан. Ольхона «Большая Ангара» и «Далеко в стране Сибирской».

В печати также встречались прямые призывы покончить с «культурой старой Сибири», выражавшейся в жестокости к людям, различными злоупотреблениями и взяточничеством, а также уйти от самого образа ссыльного прошлого:

«Нужно прекратить клевету на «каторжный Байкал». Нужно говорить сейчас не о «каторжном Байкале» <...> Нужно говорить о другом Байкале, о том, который силами природы создан, как естественный резервуар мощнейшей энергетической базы Социалистического Союза. Нужно говорить о том Байкале, вокруг которого вырастет цветная и черная металлургия <...> Об этом Байкале будем думать, об этом Байкале будем заботиться» (Самойлов, 1931, с. 60).

Сибирь новую, советскую, стремительно индустриализирующуюся, воспевали поэт И. Молчанов-Сибирский, а также упомянутый ранее писатель С. Третьяков, популяризовавший изыскания энергетических ресурсов Восточной Сибири, а также проекты Малого и Большого Ангарстроя, предполагавшие строительство каскада гидроэлектростанций на р. Ангаре. Визионерский характер имели не только литературные произведения, но и визуальное искусство. Обложки литературно-художественных журналов, чьи названия красноречиво отразили дух новых устремлений — «Будущая Сибирь», «Новая Сибирь», — изображали огни будущихстроек среди непроходимой сибирской тайги (рис. 1), а также схему Большого и Малого Ангарстроя в окружении строительных кранов и вышек ЛЭП (рис. 2).

Здесь мы можем наблюдать репрезентацию Восточной Сибири в целом, как региона потенциально динамичного, где со временем обязательно появятся новые объекты промышленности и города. Притом о последних в 1920-е – 1930-е гг. практически не шло речи, так как создание крупных промышленных объектов виделось первоочередной задачей государственной важности.

Накопленные ко второй половине 1930-х гг. исследования позволили осуществить сводную проектную работу по технико-экономической гипотезе Ангарстроя и запланировать строительство энергетических гигантов на р. Ангара и р. Енисей. Однако реализация III пятилетнего плана была сорвана началом Великой Отечественной войны. К вопросу о возведении ангарских и енисейских каскадов ГЭС удалось вернуться только в V пятилетнем плане (Гайдин & Бурмакина, 2022).

Одновременно с этим государство берет курс на новое хозяйственное освоение Сибирского региона в целом и Красноярского края в частности. Планы нового освоения региона, подчинения богатых «диких» регионов

Сибири включали строительство мощных гидроэлектростанций, которые должны были стать источником дешевой электроэнергии для энергоемких производств, таких как металлургия, машиностроение, химическая промышленность и других (РГАЭ, 1957b, л. 3–4).

Взятый курс на освоение восточных районов СССР совпал с «оттепельными» тенденциями в культуре и искусстве — в новых произведениях были объединены некоторые из ключевых идейно-политических смыслов эпохи: частичный возврат к следованию ленинским заветам, устремленность к научно-техническому прогрессу и «поворот к человеку». Именно на этот период приходится создание Союза писателей РСФСР (1958), поэтический бум и появление «сурового стиля» в живописи.

Изобразительное искусство 1950-х – 1960-х гг. зафиксировало не только призыв и осуществление трудовых свершений, молодых рабочих и специалистов, панорамы строительства и ключевых этапов возведения ГЭС, но и содержало в себе целый ряд живописных работ, фиксирующих еще девственную природу зоны затопления строящихся ГЭС.

В таких работах художники, нередко сами являясь участниками стройки, пытались не просто отразить свое видение современных им реалий, но и осмыслить обновленный образ своей страны, обрести культурно-историческую идентичность. Литографии и картины С. Развозжаева, картины А. И. Шаталова, Н. Семенова, Н. Т. Сластенко представляют особую ценность, так как были написаны непосредственно с натуры. Сам характер этих произведений позволяет говорить о них как о некоем отсутствующем звене в цепи визуальных образов Сибири, вокруг которой в свое время не сумела сложиться фронтирная живопись, каковой стало когда-то творчество американских художников XIX – начала XX вв.: Альберт Биртштадт, Томас Моран и Томас Коул, сформировавших соответствующие художественные направления — «Школу Скалистых гор» и «Школу реки Гудзон».

В целом, образ индустриального фронта в послевоенный период продолжил линию репрезентации Сибири как сурового, но привлекательного края, где можно не только насладиться красотами природы, но и испытать свои личные качества, влившись в общее большое созидательное дело.

Оптимизм послевоенных строек особенно ярко проявился в репрезентации Братской ГЭС — именно при ее возведении впервые отказались от практики использования труда заключенных, а само строительство не носило характер «перековки». Новые гидроэлектростанции в Восточной Сибири строили, в основном, комсомольцы — молодые свободные люди.

В попытках найти себя в настоящем и ощутить сопричастность к предшественникам рождаются новые мотивы литературных произведений. В одном из них, при описании «диковой красоты» Приангарья, упоминается расположенный неподалеку Илимск, где отбывал ссылку А.Н. Радищев, улица в старом Братске, ведущая к уцелевшей башне острога, где когда-то сидел протопоп

Аввакум. В других литературных и поэтических произведениях можно увидеть, как гидростроители называют себя «потомками Ермака», «сподвижниками землепроходца Ерофея Хабарова», с полным правом ощущая себя «преемниками неутомимых предков, пионерами, первооткрывателями» (Полухин, 1958, с. 9). Встречаются пересечения и с американской историей — так, поэт И. Козюрин называет строителей Красноярской ГЭС и г. Дивногорска «Колумбами», вышедшими «на берег безлюдный» (Козюрин, 1963, с. 2).

По-прежнему важным мотивом в образе индустриального фронта являлся фронт и война. Но если в 1920-е – 1930-е гг., такая риторика была выражением общего предчувствия грядущей войны, каковой стала Вторая мировая война, то в послевоенный период фронт оставляет за собой только коннотацию «трудовой».

Однако совсем недавно окончившаяся Великая Отечественная война продолжала занимать важное место в репрезентационной инфраструктуре.

Определенное влияние имел социально-психологический фактор: детские годы комсомольцев-строителей сибирских ГЭС выпали на повоенный и послевоенный периоды, что сформировало их особое отношение к войне и подвигу. Комсомольцы 1950-х – 1960-х гг. были поколением, потерявшим на большой настоящей войне отцов и «опоздавшим» совершить свой подвиг. Сравняться или превзойти отцов-героев было невозможно, но это и подвигало молодых людей на поиск жизненных стратегий, наделенных четким смыслом, и ролевых моделей, направленных на совершение подвига, пусть не военного, но трудового.

Первостроители Братской, Красноярской, Усть-Илимской ГЭС вспоминают, что отдельной острой темой в комсомольской среде на стройке стояли понятия трусости и дезертирства, презируемые как в военное, так и в мирное время. Это помогало сглаживать конфликты внутри коллектива и преодолевать любые трудности, невзирая на условия и обстоятельства.

В отличие от классических американских фронтирменов или сибирских первопроходцев с присущим им индивидуализмом, новая общность первостроителей ГЭС в массе своей следовала идеям коллективизма. Многие из участников сибирских строек вспоминают об уникальном феномене: «Честность была поразительная. Чемоданов не закрывали, замков не знали. <...> За 6 лет ни одной кражи» (Енишерлов & Иванов, 1974, с. 52), «...что блок, что дружбу свою складывали» (1974, с. 105).

В сущности, строители сибирских ГЭС строили не только сами гидроэлектростанции, но и коммунизм, превосходя в отдельных аспектах общий уровень советского государства. Принимая во внимание особенность фронта как территории многогранных и интенсивных культурных контактов между пришлыми и аборигенными группами, следует отметить, что характер первостроителей как фронтирменов складывался по большей части

из контактов с природной средой и тяжелыми условиями труда, преодолеваемых совместными усилиями.

В силу специфики территории строительства гидроузла и отдаленности от нее многих населенных пунктов, контакты с местным населением были сведены к минимуму, что, однако, нашло свое отражение в искусстве, как в негативном, так и в позитивном ключе. Некоторые аспекты этой проблемы были затронуты в другом исследовании одного из авторов (Рябов, 2020).

В рамках уже упомянутого трудового фронта первостроителям предстояло вести бой с природой и ее силами. Возведение гидроэлектростанции предполагает перекрытие реки, что в случае с бурными и полноводными Ангарой и Енисеем являлось нетривиальной задачей, требующей сложного инженерного решения и такого же напряженного воплощения. Следует отметить, что подготовка покорения реки строилась на опыте работы ученых и специалистов, изучавших реку с 1902 г. И даже при этом признавалась сложность данной задачи (РГАЭ, 1957а, л. 7–9).

Перекрытие непокорных рек, как правило, подавалось в виде реальной схватки человека и природы, что нашло свое отражение в литературе и визуальном искусстве. Как и в реальной жизни, сюжеты произведений повторяли этапы перекрытия — изыскание места створа ГЭС, проведение взрывных работ для сооружения перемычки, титанический труд по возведению и наполнению опалубки в котловане первой очереди, строительство моста для перекрытия и, наконец, само перекрытие.

Сами образы рек связаны с их неукротимым нравом и нередко представлены в виде одушевленных персонажей. Так, в рассказе «Устим и Енисей» река предстает своенравным и «упертым» стариком, с которым человек заключил спор и обещал подарить свое горячее сердце. Прибывшие на место первостроители Красноярской ГЭС и Дивногорска бросают ему вызов, словно сказочному богатырю (Грек, 1963, с. 3). В другом стихотворении строители Братской ГЭС «скальным грузом» придавливают р. Ангаре «ее бунтующую грудь» (Твардовский, 1959, с. 6).

Важным мотивом как начального, так и конечного этапа строительства ГЭС являлась сама цель сооружения гидроэлектростанции, которая заключалась в использовании водной энергии для нужд трудового народа и построения коммунизма (РГАЭ, 1957а, л. 44–45). Об этом свидетельствуют многочисленные лозунги и призывы, размещаемые в стихотворных строках и газетных заголовках, на плакатах, а также диабазовых глыбах для перекрытия. Будучи обращенными не только к строителям, но и самим рекам, лозунги гласили: «Покорим тебя, Ангара», «Покорись, Енисей», «Ангаре — от Енисея», «В атаку на Енисей!», «Река! Мы сильнее тебя, потому что мы — советские люди!», «До встречи, Богучаны!». Весьма характерными для такой риторики являются строки из стихотворений А. Ольхона «Исток Ангары»: «Но я хочу,

чтоб твой разбег / Взнуздал упрямый человек, / Чтоб над окраиной земли / Сиянье радуги зажгли» (Ольхон, 1956, с. 5–6), А. Жамбалона: «И наступит такая пора – / Преградим твои бурные воды, / Твою силу возьмем, Ангара, / Ради мира, для счастья народа!» (Жамбалон, 1955), а также И. Трофимова: «Ты веками катил свои воды / Эту дань для полярных морей / Мы заставим тебя поработать, / Непокорный седой Енисей!» (Трофимов, 1963, с. 4).

Тематика войны, битвы, штурма, схватки присутствует на стройке повсеместно. Так, поэт И. Луговской сравнивает мачты ЛЭП с опытными разведчиками, хлопки сваебойных машин с пушечными залпами, а мирный труд строителей Братской ГЭС называет «фронтом». Фронтная риторика прослеживается также в следующих строках: «Но, как солдат, блюдя присягу, / Волне седой наперерез, / Отбив атаку, шел в атаку / Строитель величайшей ГЭС. <...> Это бой был настоящий, / Но радостный и светлый бой!» (Луговской, 1959). Поэт В. Конев в своем стихотворении «Два боя» отсылает к боям на Ангаре в годы Гражданской войны, возвращаясь к тем боям, что ведут теперь на трудовом фронте строители Иркутской ГЭС (Конев, 1955). В газетном очерке «На подступах к штурму» организация строительства Красноярской ГЭС описывается как «огромная армия гидростроителей», решительно двинувшаяся «на штурм великой реки Сибири». Начальник штаба А. Е. Бочкин представляется фигурой главнокомандующего, приводящего в движение большое наступление на фронте. Подчеркивается, что оперативное руководство и деловое общение с людьми сплачивает отдельные «полки» в крепкую и единую армию, вдохновляет ее на новые трудовые подвиги. Гидростроители, вышедшие 25 января 1963 г. на последнюю схватку с Енисеем, названы «солдатами». (На подступах к штурму, 1963, с. 1). Уже в другой заметке, посвященной строительству Усть-Илимской ГЭС, бульдозеры, работающие на перекрытии Ангары, уподобляются танкам (Волков, 1982, с. 86).

Взрывные работы как неотъемлемая часть процесса строительства ГЭС также занимают особое место в литературных и визуальных образах. В ангарском цикле стихов Я. Шерлаимова упомянуты все те, «...Кого всечасно оглушала / Волна взрывная аммонала» (Шерлаимов, 1961, с. 4). Подчеркивается, однако, исключительно мирный характер этих взрывов. В документальном фильме «Битва у Падуна» (1959), отражающем второе перекрытие р. Ангары 19 июня 1959 г., нарратив борьбы, сражения и покорения представлен в виде рифмующихся кадров взрывов сначала диабазовых скал, затем ледяного покрова, сковывающего Ангару во время первого перекрытия, и, наконец, взрывов брызг от падающих в бурный поток диабазовых глыб.

Грандиозный масштаб строительства ГЭС Восточной Сибири также широко представлен в массовой культуре. Визуальными примерами могут служить плакаты работ В. Трухачева, Е. Гундобина и В. Добровольского, объединяющим сюжетом которых служит исполинских размеров гидрострой-

тель, преграждающий гидроэлектростанцией или каменной глыбой путь сибирским рекам.

Особое место в образах индустриального фронта Восточной Сибири занимает связанное со строительством ГЭС затопление множества населенных пунктов, переселение из них населения и перенос строений из зон затопления. Эта тема являлась особенно острой для автохтонного населения множества сибирских деревень, чей уклад был навсегда изменен новыми условиями и перемещением их в новую и непривычную городскую среду.

В репрезентационной инфраструктуре гидроэнергетического освоения Восточной Сибири острые углы данного аспекта были максимально сглажены в образах 1950-х – 1960-х гг. — затоплению старых территорий был придан жизнеутверждающий оттенок, выражающийся в службе реки народу и рождению новых «морей» и городов. Такая риторика хорошо заметна в стихотворении И. Луговского — автор, пытаясь утешить подлежащие затоплению деревню Кузьмиха и Куликовы острова, говорит им: «Ты не плачь! Мы добры и щедры, / И у новой большой Ангары / Будут новые острова / И твоя, куликова трава... / Только Ангаре будет заданье другое: / Плавить сталь, освещать города / И в глубоком и ясном покое / Гнать волною морские суда!» (Луговской, 1956).

Однако в последующий период 1970-х – 1980-х гг. под воздействием смены экологического дискурса риторика будет смещена в более негативную сторону. Более подробно этот аспект рассмотрен в другой уже упомянутой работе одного из авторов данной статьи (Рябов, 2020).

Следует отметить и еще одну важную сторону гидроэнергетического и промышленного освоения Восточной Сибири — появление молодых индустриальных городов, задававших новые условия жизни как для старожилов, так и для новоселов. Такие города имеют свой особый, отличный от других городов, характер и специфику, но общий для городов, построенных при крупных восточносибирских ГЭС. Проектирование таких городов обычно поручалось той же организации, которая разрабатывала проект гидроузла. Так, планированием Братской ГЭС и г. Братска занималось Московское отделение института «Гидроэнергопроект» (МосГИДЭП), а Красноярской ГЭС и г. Дивногорска — ЛенГИДЭП (РГАЭ, 1962–1968, л. 14–15). Изначально такие города возникали как рабочие поселки строителей гидроэлектростанции, получая по завершению строительства новый профиль и градообразующую базу. Сложность при создании таких городов заключается в наличии, как правило, нескольких временных поселений вблизи мест приложения труда и необходимости в короткие сроки расселить десятки тысяч людей в условиях отсутствия строительной базы и дорог в районе гидросооружения. Особенно остро эта проблема встала при создании г. Братска (Ангарский каскад).

Братск стал конгломератом девяти жилых районов, по сути, бывших рабочих поселков близ строившейся Братской ГЭС и других промышленных

предприятий: Гидростроитель, Энергетик, Падун, Осиновка, «Братское море», Чекановский, Строителей, Порожский район и центральная часть города. Этапы строительства г. Братска — палаточный городок, поселки с деревянными домами и, наконец, каменное и индустриальное строительство — наложили своеобразный отпечаток и на внешний облик города. В городской структуре Братска сочетаются как деревянные, так и железобетонные панельные здания, придавая городу своеобразный облик (Ангарский каскад).

В силу того, что сами ГЭС, чьи архитектурные решения предусматривали определенную «вписанность» в «героический» ландшафт, вносили элементы «организованности, ритмичности, индустриальности» (Ковалев, 1975, с. 28–48), особое внимание уделялось и целесообразному зонированию территории прилегающих городов с полноценным использованием природных особенностей — тайги, искусственного моря и гористого рельефа.

Все это характерно и для г. Дивногорска. При его строительстве были сохранены крупные массивы тайги в качестве общегородских парков. Примечательна также застройка нижних террас города, созданных на площадке с весьма сложным рельефом и крайне неблагоприятными инженерно-геологическими условиями. О дикости и привлекательности местной природы прямо говорилось даже в официальных документах эпохи. Так, в конце 1970-х гг. коллектив Министерства энергетики и электрификации СССР был номинирован на премию Совета министров СССР за строительство нижних террас г. Дивногорска, города покорителей Енисея — в частности, за то, что им удалось покорить сложный рельеф будущего города, при этом «сохранив природу, не нарушив ее гармонию» (РГАЭ, 1962–1968, л. 161).

Примечательно, что репрезентационная инфраструктура гидроэнергетического освоения Восточной Сибири в данном случае «подавалась» через место его реализации, и в этом вновь можно наблюдать отголоски «плановой реальности». Задолго до собственно организованного городского строительства согласно плану, поэты и писатели воспевали красоту территории гидроузла и рабочего поселка, называя его Городом будущего, Городом молодости, Городом романтиков, описывая дома, улицы и кварталы воображаемого будущего города.

Абсолютно в духе времени выглядит начало одного из газетных очерков о г. Дивногорске: «Нам хочется рассказать о городе, которого нет на географических картах. Но он уже... Впрочем, лучше по порядку» (Явшиц и др., 1963, с. 2). Само название г. Дивногорска также искусственное, отсылающее к географии места — в отличие от г. Братска оставить историческое название п. Скит не представлялось возможным в силу идеологических причин (ГАРФ, 1957, л. 2).

Город, на любой из стадий его формирования, воспринимался первостроителями как истинно свой, к чьей судьбе невозможно остаться равнодушным: «Неотглаженный и горластый, / Работящий и гулевой, / Между сопки и скалы клыкастых / Дерзко втиснулся город мой. / Просмоленный,

таежный, бревенчатый, молодежный, многоступенчатый... / Свой! / Своими руками рубленый» (Белкин, 1963, с. 3).

При этом молодость города подтверждалась и практикой — в 1970 г. средний возраст местного населения был ниже, чем по стране, а доля детей выше (РГАЭ, 1962–1968, л. 107). Это также связывало Дивногорск с классическим фронтиром, местом для людей молодых и активных, у которых были силы и стремление покорить «дикаря», даже если этот дикарь был природой.

Нередко светлые литературные образы находились в прямом противоречии с реальностью: жилищное строительство, связанное со строительством Красноярской ГЭС, было начато в 1955 г. без утвержденного проектного задания на само строительство ГЭС, в условиях отсутствия генерального плана поселка. К 1961 г. хаотичная застройка одноэтажными щитовыми и брусчатыми домами привела к ситуации, в которой требовалось приложить значительные усилия для создания по-настоящему удобного и красивого города, что, впрочем, удалось реализовать в дальнейшем [РГАЭ, 1962–1968, л. 17).

Заключение

В общем и целом, создание крупной промышленной базы на территории Восточной Сибири стало главным итогом сибирского движения фронта, где соединились самые разные его составляющие — экономические, социально-политические, демографические, географические и т. д. При этом освоение новой территории подавалось государством и практически на протяжении всего периода существования советского проекта воспринималось трудящимися не столько как завоевательное, сколько в высшей степени преобразовательное начинание, поставленное на служение советской стране, ее народу, человеку и человечеству в целом. Благодаря строительству официальной репрезентационной инфраструктуры удалось решить целый ряд важных задач: мобилизовать кадры на сибирские стройки, создать привлекательный образ Восточной Сибири, дать мощный импульс к ее урбанизации, а также полностью включить регион в жизнь советского государства и общества.

Не претендуя на полноту исследования, можно подвести промежуточный итог. Специфика советского проекта не позволяет оперировать концептами, восходящими в предшествующим эпохам, несмотря на кажущееся сходство конкретно-исторических черт фронта в рамках гидроэнергетического освоения Восточной Сибири, таких как неравная численность фронтирующих групп, изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтирной группе, квазиграничность. Ряд неотъемлемых черт классического фронта в данном случае отсутствует вовсе: «окраинный» образ Сибири был преодолен, взаимодействие фронтирующих групп не было только конфликтным, характер государственной власти в регионах строительства ГЭС был отнюдь не номи-

нальным и т. д. При этом наличествуют и уникальные, специфические черты, отмеченные в разных частях данного исследования.

Как уже отмечалось, территория Восточной Сибири к началу ее гидро-энергетического освоения уже успела пройти три стадии фронта, ступив на путь от постфронта к хартленду — хотя характер освоения ее территории все еще носил некоторые черты, присущие фронтиру. Однако на данном этапе прослеживается коренное отличие от классического фронта, в том числе в североамериканском варианте. Освоение Сибири в советский период с 1920-х по 1980-е гг. неизменно носило характер борьбы человека с природой — роль «дикаря» здесь выполняли не инородцы, иноверцы, автохтоны, старожилы и не люди в принципе, «дикарем» являлась сама сибирская природа, которую и предстояло обуздать и поставить на службу человечеству.

Это предопределило и особую ментальность сибирских гидро- и градостроителей — новый советский человек никогда не нес «бремя белого человека» и присущего американским пионерам выраженного преобладания индивидуализма над коллективизмом. Отвоевывая у природы ее ресурсы, строители сибирских ГЭС и молодых городов утверждались в новых границах нового индустриального региона и его реальности как через коллективное — совместный труд, взаимопомощь, служение народу — так и через личностно-индивидуальное, посредством преодоления собственных трудностей, оказавшись перед ними лицом к лицу в новых условиях трудового коллектива и неосвоенной природы. В результате формировался не «белый господин», а победитель природы, «творец жизни», «хозяин земли и ее умный врачеватель» (Довженко, с. 625), из преобразовательской деятельности вышел «бессмертный, счастливый человек» (Довженко, с. 272), преодолевший в определенном смысле границы самой жизни, сумевший создать монументальные сооружения, сопоставимые с древними чудесами света, увековечив свой трудовой подвиг.

Такой дискурс стал возможным благодаря своеобразному синтезу личного и государственного, в том числе поставленных руководством страны задач, решенных с помощью создания и применения официальной репрезентационной инфраструктуры.

Данное исследование в очередной раз показывает перспективность фронтирной концепции, а потому требуется дальнейшее осмысление советского проекта, в том числе в его собственных терминах — например, в рамках концепта «освоения», рассмотренного Н. Ю. Замятиной и А. Н. Пилясова (Замятина & Пилясов, 2018). Позитивный опыт конференций, посвященных проблемам фронтирных исследований (Сентябова & Рябов, 2022), также демонстрирует множество возможностей для применения фронтирной концепции, позволяющей выявить новые разноуровневые взаимосвязи как внутри, так и между различными этапами отечественной истории, изучив, поняв и приняв ее в как можно большей полноте.

Благодарности

Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644.

Список литературы

- Басалаева, И. П. (2012). Критерии фронта: К постановке проблемы. *Теория и практика общественного развития*, 2, 46–49.
- Белкин, В. (1963). Город—Мой! *Огни Енисея*, 23(477).
- Волков, Н. (1982). Решающий штурм. В *Усть-Илим продолжается* (с. 86–92). б. и.
- Гайдин, С. Т., & Бурмакина, Г. А. (2022). Красноярский край—Территория фронтирного освоения. *Гришаевские чтения: Материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева*, 99–106.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1957). Ф. 385. Оп. 17. Д. 3136.
- Грек, О. (1963). Устим и Енисей. *Огни Енисея*, 16(470).
- Довженко, А. П. (1968). *Собрание сочинений*. Искусство.
- Енишерлов, В., & Иванов, Д. (1974). *Это было на Ангаре*. Молодая гвардия.
- Жамбалон, А. (1955). Ангара. *Свет над Байкалом*, 1, 86.
- Замятина, Н. Ю., & Пилясов, А. Н. (2018). Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: Полимасштабный междисциплинарный синтез. *Арктика и Север*, 31, 5–27. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
- Зубков, К. И. (2018). Фронт как исследовательская парадигма. *Уральский исторический вестник*, 4, 63–71. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-63-71](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71)
- Иванова, Л. М. (2016). Сибирский фронт: Изучение вопроса в отечественной исторической науке. *Вестник Томского государственного университета*, 410, 72–76. <https://doi.org/10.17223/15617793/410/11>
- Ильиных, В. А. (2022). Аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: От постфронта к хартленду. *Журнал Фронтирных Исследований*, 7(4), 24–41. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365>
- Ковалев, А. Я. (1975). *Ангарский каскад*. Стройиздат.
- Козюрин, И. (1963). Все было просто. *Огни Енисея*, 12(486).
- Конев, В. (1955). Два боя. *Восточно-Сибирская правда*, 6(11), 3.
- Корандей, Ф. С. (2021). Репрезентационная инфраструктура позднесоветского бустеризма: Урал и Западная Сибирь. *Уральский исторический вестник*, 73(4), 115–124. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4\(73\)-115-124](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4(73)-115-124)
- Кржижановский, Г. М. (1924). Электрификация и плановое хозяйство. *Плановое хозяйство*. Бюллетени Госплана СССР, 4–5, 3–10.
- Луговской, Инн. (1956). Где Кузьмиха, где Кузьмиха, Куликовы острова. В *Утро Ангары. Стихи* (с. 20–23). б. и.

- Луговской, Инн. (1959). Радостный бой. Ангара. Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах, 3(44), 10.
- Макарова, Е. А. (2022). Сюжет “sibirica” в литературной и художественной трансформации (к истории одной полемики). Вестник Томского государственного университета, 47, 83–95. <https://doi.org/10.17223/22220836/47/7>
- На подступах к штурму. (1963). Огни Енисея, 23(477).
- Ольхон, А. (1956). Исток Ангары. В Первая на Ангаре. Очерки и стихи (сс. 5–6). б. и.
- Павлюкевич, Р. В., Гонина, Н. В., & Смирнова, Е. В. (2022). Возможности использования компаративного анализа в исследовании социально-демографического развития городов Сибири и Амазонии во 2-й половине XX в. Журнал Фронтирных Исследований, 7(4), 59–75. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.387>
- Панарина, Д. С. (2013). Мифы и образы сибирского фронта. Культурная и гуманитарная география, 2(1), 39–52.
- Положение главных отраслей народно-хозяйственной жизни Сибири и ближайшие ее задачи. (1924). Бюллетени Госплана, 1–2, 160–178.
- Полухин, Ю. (1958). Коммунистическая бригада. Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах, 1(38), 4–28.
- Резун, Д. Я., Ламин, В. А., Мамсик, Т. С., & Шиловский, М. В. (2001). Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: Общее и особенное. ИДМИ.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (1957a). Ф. 4372. Оп. 56. Д. 311.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (1957b). Ф. 4372. Оп. 56. Д. 325.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (1962–1968). Ф. 5. Оп. 5. Д. 49.
- Рябов, Ю. В. (2020). Образы затопления населенных пунктов водохранилищем ГЭС в литературных текстах советского периода как отражение исторической эпохи. Проблемы социально-экономического развития Сибири, 3, 116–122. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-116-122>
- Самойлов, Л. (1931). Электрическое солнце социализма. Будущая Сибирь. Литературно-краеведческий иллюстрированный ежемесячный журнал, 1, 54–66.
- Сентябова, М. В., & Рябов, Ю. В. (2022). Историческая наука о пространствах сибирского фронта. Журнал Фронтирных Исследований, 7(4), 15–23. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.383>
- Твардовский, А. (1963). У Падуна. Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах, 3(44), 6–18.
- Третьяков, С. (1932). Страна А-Е. Молодая гвардия.
- Трофимов, И. (1963). Енисей. Огни Енисея, 15(469).
- Шерлаимов, Я. (1961). Высокая отметка. Огни Ангары, 78(602).
- Шерстова, Л. И. (2018). Концепция фронта и освоение русскими Сибири. Вестник Томского государственного университета, 426, 217–222. <https://doi.org/10.17223/15617793/426/26>
- Шмаков, А. (1940). Творчество поэта Ан. Ольхона. Новая Сибирь. Литературно-художественный альманах Иркутского отделения Союза советских писателей СССР, 6, 229–247.
- Явщиц, В., Ткачук, М., & Парашук, А. (1963). Дивногорск—Город будущего. Огни Енисея, 28(482).

References

- Basalaeva, I. P. (2012). Criteria for Frontier: Statement of the Problem. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 46–49.
- Belkin, V. (1963). Gorod—Moj! Ogni Eniseja, 23(477).
- Dovzhenko, A. P. (1968). *Sobranie sochinenij. Iskusstvo*.
- Enisherlov, V., & Ivanov, D. (1974). *Eto bylo na Angare. Molodaja gvardija*.
- Gaidin, S. T., & Burmakina, G. A. (2022). Krasnoyarsk Krai – The Territory of Frontier Development. *Grishaevskie chtenija: Materialy IV nacional'noj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati doktora istoricheskikh nauk, professora, zaslužennogo rabotnika vysshej shkoly Vasilija Vasil'evicha Grishaeva*, 99–106.
- Grek, O. (1963). Ustim i Enisej. Ogni Eniseja, 16(470).
- Ilinykh, V. A. (2022). The Agrarian Development of Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 7(4), 24–41. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365>
- Ivanova, L. M. (2016). The Siberian Frontier: The Study of the Issue in the Russian Historical Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 410, 72–76. <https://doi.org/10.17223/15617793/410/11>
- Konev, V. (1955). Dva boya. *Vostochno-Sibirskaya pravda*, 6(11), 3.
- Korandey, F. S. (2021). Representation Infrastructure of the Late Soviet Boosterism: Urals and Western Siberia. *Ural Historical Journal*, 73(4), 115–124. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4\(73\)-115-124](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4(73)-115-124)
- Kovalev, A. Ya. (1975). *Angarskiy kaskad. Stroyizdat*.
- Kozyurin, I. (1963). Vse bylo prosto. Ogni Eniseya, 12(486).
- Krzhizhanovskiy, G. M. (1924). Elektrifikatsiya i planovoe khozyaystvo. Planovoe khozyaystvo. *Byulleteni Gosplana SSSR*, 4–5, 3–10.
- Lugovskoy, Inn. (1956). Gde Kuz'mikha, gde Kuz'mikha, Kulikovy ostrova. In *Utro Angary. Stikhi* (pp. 20–23). n. p.
- Lugovskoy, Inn. (1959). Radostnyy boy. Angara. Angara. *Literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh*, 3(44), 10.
- Makarova, E. A. (2022). The “sibirica” plot in literary and artistic transformation (on the history of one controversy). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 47, 83–95. <https://doi.org/10.17223/22220836/47/7>
- Na podstupakh k shturmu. (1963). Ogni Eniseya, 23(477).
- Ol'khon, A. (1956). Istok Angary. In *Pervaya na Angare. Ocherki i stikhi* (pp. 5–6). n. p.
- Panarina, D. S. (2013). Myths and images of the Siberian frontier. *Cultural Geography & Geohumanities*, 2(1), 39–52.
- Pavlyukevich, R. V., Gonina, N. V., & Sminova, E. V. (2022). A Comparative Analysis of the Socio-Demographic Development of the Cities in Siberia and Amazonia in the second half of the 20th century. *Journal of Frontier Studies*, 7(4), 59–75. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.387>
- Polozhenie glavnykh otrasley narodno-khozyaystvennoy zhizni Sibiri i blizhayshie ee zadachi. (1924). *Byulleteni Gosplana*, 1–2, 160–178.
- Polukhin, Yu. (1958). Kommunisticheskaya brigada. Angara. *Literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh*, 1(38), 4–28.

- Rezun, D. Ya., Lamin, V. A., Mamsik, T. S., & Shilovskiy, M. V. (2001). *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII – XX vv.: Obshchee i osobennoe*. IDMI.
- Russian State Archive of Economics (RSAE). (1957a). F. 4372. In. 56. C. 311.
- Russian State Archive of Economics (RSAE). (1957b). F. 4372. In. 56. C. 325.
- Russian State Archive of Economics (RSAE). (1962–1968). F. 5. In. 5. C. 49.
- Ryabov, Yu. V. (2020). Description of flooding the settlements, laid in the reservoir bed of the hydro-electric power plant, in the literary texts of the Soviet period as a reflection of the historical era. *Issues of Social-Economic development of Siberia*, 3, 116–122.
<https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-116-122>
- Samoylov, L. (1931). Elektricheskoe solntse sotsializma. *Budushchaya Sibir'. Literaturno-kraevedcheskiy illyustrirovanny ezhemesyachnyy zhurnal*, 1, 54–66.
- Sentyabova, M. V., & Ryabov, Yu. V. (2022). The Historical Studies of the Spaces of the Siberian Frontier. *Journal of Frontier Studies*, 7(4), 15–23. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.383>
- Sherlaimov, Ya. (1961). Vysokaya otmetka. *Ogni Angary*, 78(602).
- Sherstova, L. I. (2018). The Concept of the Frontier and the Russian Development of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 426, 217–222.
<https://doi.org/10.17223/15617793/426/26>
- Shmakov, A. (1940). Tvorchestvo poeta An. Ol'khona. *Novaya Sibir'. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh Irkutskogo otdeleniya Soyuza sovetskikh pisateley SSSR*, 6, 229–247.
- State Archive of the Russian Federation (SARF). (1957). F. 385. In. 17. C. 3136.
- Tret'yakov, S. (1932). *Strana A-E. Molodaya gvardiya*.
- Trofimov, I. (1963). Enisey. *Ogni Eniseya*, 15(469).
- Tvardovskiy, A. (1963). U Paduna. *Angara. Literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh*, 3(44), 6–18.
- Volkov, N. (1982). Reshajushhij shturm. In *Ust'-Ilim prodolzhaetsja* (pp. 86–92). n. p.
- Yavshits, V., Tkachuk, M., & Parashchuk, A. (1963). Divnogorsk—Gorod budushchego. *Ogni Eniseya*, 28(482).
- Zamyatina, N. Yu., & Pilyasov, A. N. (2018). The new theory of the Arctic and Northern development: multi-scale interdisciplinary synthesis. *Arctic and North*, 31, 5–27.
<https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
- Zhambalon, A. (1955). *Angara. Svet nad Baykalom*, 1, 86.
- Zubkov, K. I. (2018). Frontier as a Research Paradigm. *Ural Historical Journal*, 4, 63–71.
[https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-63-71](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71)

The Vietnamese Market in a Post-Soviet City: History, Social Boundaries, and Infrastructure (A Case Study of Magnitogorsk)

Andrey A. Avdashkin

South Ural State University. Chelyabinsk, Russia.

Email: [adrianmaricka\[at\]mail.ru](mailto:adrianmaricka[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Received: 8 August 2023 | Revised: 20 November 2023 | Accepted: 1 December 2023

Abstract

The phenomenon of ethnic markets, most often Chinese, in Russian cities has been long studied, but the mechanisms behind the formation of similar markets characterized by the ethnicity of other migrant groups such as the Vietnamese, remain unclear. Taking Magnitogorsk as an example, this article seeks to answer the following questions: how does a “Vietnamese” market emerge, what meanings do city residents attribute to this construct, and what role does it play in the everyday life of various migrant groups. The source base includes results from fieldwork in Magnitogorsk, archival documents, and both electronic and print media. The methodological framework of the manuscript encompasses analytical sociology, mobility theory, and the concept of the right to the city. It was established that the Vietnamese market does indeed exist in the minds of Magnitogorsk residents; however, it quickly evolved as the focus of the host community shifted to migrants from Tajikistan. The presence of the latter served as a basis for redefining the boundaries of “our” and “foreign” locations, with visitors from Vietnam becoming merely an addition to the general structure of interactions between “locals” and “migrants”. The infrastructure of Vietnamese “guests” is as concealed as possible, which is caused by their role as a minority subjected to various discriminatory practices. The hypothesis is that the market, labeled by the townspeople as Vietnamese, and its location, became the organizational foundation for the development of the social infrastructure of other migrant groups, primarily the immigrants from Tajikistan.

Keywords

Vietnamese Market; Vietnamese; Migration; Post-Soviet City; Social Borders; Magnitogorsk

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Вьетнамский рынок в постсоветском городе: история, социальные границы и инфраструктура (на примере Магнитогорска)

Авдашкин Андрей Александрович

Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. Email:
adrianmaricka[at]mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Рукопись получена: 8 августа 2023 | Пересмотрена: 20 ноября 2023 | Принята: 1 декабря 2023

Аннотация

Феномен этнических, чаще всего китайских, рынков в российских городах уже изучен, но пока не ясны механизмы образования аналогичных рынков, маркированных этничностью других мигрантских групп, например, вьетнамских. В статье на примере Магнитогорска предпринята попытка ответить на следующие вопросы: как возникает «вьетнамский» рынок, какими смыслами этот конструкт наделяется жителями города, какова его роль в повседневной жизни различных групп мигрантов. Источниковую базу составили результаты полевой работы в Магнитогорске, архивные документы, электронные и печатные СМИ. Методологические рамки рукописи составляют аналитическая социология, теория мобильности и идея о праве на город. Установлено, что вьетнамский рынок действительно существует в представлениях магнитогорцев, он быстро обновлялся, поскольку внимание принимающей стороны перефокусировалось на мигрантов из Таджикистана. Присутствие последних послужило основанием для переопределения границ «своих» и «чужих» локаций, в то время как приезжие из Вьетнама стали лишь дополнением к общей структуре взаимодействий «местных» и «мигрантов». Инфраструктура вьетнамских «гостей» максимально скрыта, что обусловлено их ролью меньшинства, испытывающего воздействие различных дискриминационных практик. Гипотеза состоит в том, что рынок, маркированный горожанами в качестве вьетнамского, и его местоположение стали организационной основой для развития социальной инфраструктуры других мигрантских групп, главным образом выходцев из Таджикистана.

Ключевые слова

вьетнамский рынок; вьетнамцы; миграция; постсоветский город; социальные границы; Магнитогорск

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Этнические рынки остаются важной отправной точкой в полемике о миграции. Они воспринимаются как сосредоточение рабочих мест мигрантов, их образа жизни и повседневных связей; там же расположены кафе этнической кухни, молитвенные комнаты и другие институты, оказывающие влияние на застройку поблизости. После распада СССР многие рынки ассоциировались с китайцами, китайскими «челноками», китайскими товарами, что способствовало вхождению в обиход жителей российских городов понятия «китайский рынок». Помимо собственно китайских рынков, например, в Иркутске и Челябинске, в ряде российских городов действуют вьетнамские рынки, в частности в Оренбурге, Казани, Уфе и Магнитогорске¹.

В Челябинске – важном логистическом центре для поставки товаров на рынки городов области – сложилась крупная вьетнамская община (Соколов, 2016, с. 151–152), однако вьетнамский рынок возник в Магнитогорске. Выбор Магнитогорска в качестве объекта исследования обусловлен именно этим соображением.

Цель статьи – на примере Магнитогорска охарактеризовать механизм формирования вьетнамского рынка. Это позволит ответить на следующие исследовательские вопросы: как возникает вьетнамский рынок в российском городе, какими смыслами он наделяется жителями, какова роль этой локации в повседневной жизни различных групп мигрантов и формировании мигрантской инфраструктуры, как он влияет на проведение границ в городском пространстве.

В последние годы подготовлена серия исследований о влиянии структуры постсоветских городов на поведение мигрантов. Также в фокус внимания ученых попали изменения городского пространства под воздействием миграции (См.: Каменских, 2018; Деминцева, 2020; Варшавер, Рочева & Иванова, 2021). В мигрантскую инфраструктуру входят, как уже сказано, национально-культурные объединения, кафе «этнической» кухни, медицинские центры и кабинеты, а также сети отношений, основанные на предоставлении различных услуг, взаимном контроле, поддержке, кооперации и т.д. (Пешкова, 2015а).

Как отметили О. Бредникова и О. Паченков (2002), а позднее С. Джанызакова (2021), предприниматели-мигранты, реагируя на социальные и экономические изменения в принимающем обществе, проявляют гибкость в вопросах «применения» собственной самобытности, задействуют различные социальные связи для развития своего бизнеса вопреки установкам о внутренней солидарности и замкнутости. Созданные ими институты предоставляют другим мигрантам всевозможные услуги, отчасти дублирующие сервисы для всех жителей города: бюджетные медицинские центры (Demintseva &

1 Запросы «вьетнамский рынок», «вьетнамский рынок в российском городе» выдавали в основном эти города.

Kashnitsky, 2016), «этнические» кафе (Пешкова, 2015b), мигрантские религиозные центры (Опарин, 2022).

С одной стороны, мигранты действительно формируют в российских городах институции и социальные связи, которые можно охарактеризовать как «второе общество», поскольку они функционируют, зачастую оставаясь вне поля зрения и вне доступа большинства горожан. Но в то же время существенная часть мигрантской инфраструктуры может выделяться в языковом ландшафте города визуально (Баранова & Федорова, 2020). Будучи ориентирована на местных жителей, эта часть инфраструктуры предоставляет специфические товары или услуги, ассоциирующиеся с определенной этнической группой.

Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили результаты полевых исследований автора, документы Объединенного государственного архива Челябинской области, а также материалы печатных и электронных медиа. В январе-июле 2023 гг. проведена серия неструктурированных глубинных и экспресс-интервью с вьетнамскими мигрантами. В Челябинске собрано 3 глубинных и 4 экспресс-интервью, в Магнитогорске – 19 глубинных и 11 экспресс-интервью, реализовано в общей сложности 20 часов включенного наблюдения в местах работы и проживания мигрантов из Вьетнама в Магнитогорске. Средняя продолжительность глубинных интервью составляла 30 минут, в основном они проходили после завершения рабочего дня в кафе или на кухнях общежитий. Дополнительно интервьюировались жители домов (23 экспресс-интервью), соседствующих в Магнитогорске с общежитиями, где проживают вьетнамские мигранты, а также мигранты из Китая и Центральной Азии, работающие с вьетнамцами или живущие с рядом ними (16 экспресс-интервью). Имена интервьюируемых изменены по договоренности с ними.

Сведения о численности вьетнамских мигрантов, а также структуре их занятости во второй половине 1990-х гг. отражены в документах миграционной службы Челябинской области (Ф. Р-705). Материалы, содержащиеся в фондах управления по взаимодействию с правоохранительными и военными органами Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-1879) и Комитета по внешним связям и внешнеэкономической деятельности (ОГАЧО. Ф. Р-1404), позволяют почерпнуть данные о численности мигрантов, официально занятых в сфере торговли, и их местах проживания. На основе публикаций в печатных (Магнитогорский рабочий) и электронных СМИ (74.ru, MagCity74 и др.) реконструируется история появления и развития мигрантских локаций, прослеживается их маркирование этническими терминами и т.д.

Теоретической рамкой статьи является аналитическая социология, позволяющая понять, как миграции последних десятилетий видоизменяли класси-

ческий моногород советской эпохи. Внимание автора акцентируется на действиях, взглядах или мотивах членов городского сообщества, включая мигрантов и не мигрантов; их пространственном распределении и различных неравенствах; топологии социальных связей, описывающей отношения между членами коллектива; наконец, на неформальных правилах или социальных нормах, ограничивающих действия членов коллектива (Hedström & Ylikoski, 2010; Мертон 2009). Вот примерная каузальная цепочка, которая будет раскрываться на разных примерах далее по тексту, а из них складываться и объясняться ситуация в городе в целом. На микроуровне мы видим, с одной стороны, горожан, желающих сменить место жительства¹, а с другой, емкий рынок труда (торговля и строительство) в сочетании с освобождающимся жильем в «рабочих» районах (Орджоникидзевский, Правобережный). Будучи лишен постоянного притока населения извне за счет внутрироссийских миграций, Магнитогорск рассматривался как благоприятное место для ведения бизнеса и трудоустройства у вьетнамских и центральноазиатских мигрантов. Все это привело к цепочке непреднамеренных последствий, а именно, увеличению доли иноэтничных мигрантов, созданию ими своей специфической инфраструктуры (общежития, торговые точки и сам рынок, заведения общепита и т.д.), реакциям со стороны горожан на эти процессы. В силу этих обстоятельств рынок быстро приобрел определенный этнический облик в восприятии магнитогорцев; эти же представления распространялись на окружающую его застройку.

Вспомогательную роль играли теория мобильности (Hannam, Sheller & Urry, 2006) и идеи права на город (Lefebvre, 2000). Теория мобильности фокусирует внимание на том, что для появления стабильно функционирующих районов концентрации вьетнамских мигрантов необходимо не только их продолжительное пребывание в стране, но и наличие возможности создавать свои институты. Опыт последних трех десятилетий показывает, что места их концентрации связаны с появлением и изменением товарных потоков и др. Применение концепта о праве на город позволяет описать конкуренцию за символическую власть над городским пространством. В рассматриваемых случаях речь идет о локациях, которые трактуются жителями как мигрантские. Идеи об отторжении пространства показывают, как появление различных групп мигрантов приводило к утрате принимающей стороной (по крайней мере, в ее собственном представлении) прав на определение функций городского пространства, доминирующих в нем смыслов и образов.

Маркирование локаций этническими терминами

Общественность и представители органов власти рассматривают постсоветский феномен миграции сквозь призму этничности. Большинство проблем

1 На это влияет сложная экологическая ситуация, ветшающая инфраструктура, поиск возможности реализовать себя в более крупном городе с диверсифицированным рынком труда и услуг

и конфликтов, так или иначе связанных как с ним, так и с трансграничной мобильностью, рассматривается преимущественно в этнических категориях противопоставления «своих» и «чужих», «мигрантов» и «местных». Весь этот сложный спектр социальных взаимодействий воспринимается, исходя из принадлежности к той или иной этнической группе. Исходной локацией для этнизации городского пространства служили рынки под открытым небом (Дятлов, 2015).

Возникнув на рубеже 1980-х – 1990-х гг., «этнические» рынки, прежде всего китайские, играли огромную роль в удовлетворении спроса россиян на товары эконом-класса, поставляемые в основном из Китая. Как таковые, рынки являются важным кластером рабочих мест и сосредоточением социальной жизни мигрантов, превращая торговые площадки в место повседневных контактов местных жителей и мигрантов, а также мигрантов из различных стран. Собственно китайскими рынки сделало не «преобладание» китайцев, а восприятие этих локаций и отношений внутри них коренными горожанами (См.: Дятлов, 2020, с. 587). По данным социологов за 2009 г., одной из основных ассоциаций россиян с КНР являлись именно китайские товары, в том числе т. н. «китайского» качества (ВЦИОМ: Китай в первую очередь..., 2009).

Представления о «китайскости» рынков распространялось и на прилегающую к ним застройку. Наименование «китайский квартал», или чайна-таун, приобретало характер метафоры, становилось реакцией на появление китайцев, ставшее во многом неожиданным для принимающей стороны. Российский контекст маркирования локаций в качестве китайских предполагал форму выражения антикитайских настроений, механизм построения границ между еще «нашим» и уже «чужим» пространством (Дятлов, 2008; Дятлов, 2020). Будучи крупным городом на перекрестке транспортных маршрутов, Челябинск привлек внимание китайских «челноков», что привело к формированию крупного китайского рынка, а затем нагнетанию страхов перед появлением китайского квартала. Однако китайское засилье так и осталось воображаемым, а места китайцев на рынке и в жилой застройке заняли мигранты из Центральной Азии.

В Магнитогорске ситуация складывалась иная. Оценить маркирование тех или иных местностей в качестве вьетнамских значительно сложнее, поскольку принимающая сторона не выделяла их отдельно, как это было с локациями китайцев. Вьетнамцы не воспринимались в качестве угрозы в отличие от китайцев, незначительное присутствие которых способствовало быстрой «китаизации» конкретного пространства, будь то сельская местность или торговые площади под открытым небом. В периодике 1990-х гг. и собранных в Магнитогорске интервью не обнаруживается завершенных и целостных представлений о вьетнамском рынке или вьетнамском квартале. Статьи в газетах описывали именно сам «рынок» или «ярмарку», практически

не прибегая к их этническому маркированию (См.: Рыночные переделки, 1995, май 31, с. 4; Около цирка появилась продовольственная ярмарка. 1999, февраль 27, с. 11). Характеристики этнического состава торговцев встречаются, но китайцы или вьетнамцы в этих текстах не упоминались (По законам рынка, 1995, сентябрь 6, с. 3).

Хотя посещаемый практически всеми жителями города вещевой рынок с китайскими (реже вьетнамскими) вещами действовал в городе с конца 1990-х – начала 2000-х гг., собственно «китайский рынок» аналогичный тому, что существовал в этот период в Челябинске, – не возник. В сети интернет сохранилась страница с указанием местоположения вьетнамского рынка в Магнитогорске (Рис. 1). На вопрос, есть ли он на данный момент, информанты отвечали: «китайцев нет, но есть вьетнамцы, есть просто Восточный рынок, где все национальности». Только некоторые представители старшего поколения сразу указали на то, что рынок «лет двадцать назад называли «Вьетнамка», где можно было купить все по доступным ценам у вьетнамцев. Только в одной из статей, опубликованных в более поздний период (2007 г.), встречено упоминание «Китайка» применительно к вещевой ярмарке возле цирка (Как таджику обрусеть?, 2007, апрель 3, с. 1).

Вьетнамский рынок (Магнитогорск) | торговый ряд, вещевой рынок

Russia / Cheljabinsk / Magnitogorsk / Магнитогорск

торговый ряд, вещевой рынок

Рисунок 1. Местоположение Вьетнамского рынка в Магнитогорске (ориентировочно по сост. на 2012 г. скриншот взят: Вьетнамский рынок...)

Figure 1. Location of the Vietnamese market in Magnitogorsk (approximate as of 2012, screenshot taken from: Vietnamese market...).

Китаефобия постсоветского периода и установка «они все на одно лицо» позволила описывать и случаи вьетнамской миграции, которые принимающая сторона встраивала в этот же контекст. Во многом так происходило потому, что граждане нашей страны практически не различают мигрантов из Китая и Вьетнама. Скорее вьетнамские мигранты и факт их присутствия играли

важную роль в наполнении пространства вокруг рынка символами «мигрантскости», его ориентализации. Как отметил один из информантов: «там весь Восток представлен».

Существенную корректировку в процессы этнизации публичного пространства, на наш взгляд, внес рост миграции из Таджикистана (Олимова, 2003, с. 28) за последние два десятилетия. В Магнитогорске сложилась крупная община мигрантов из этой страны. Первоначальные предположения о том, что ключевым фактором притяжения являлись сами рынки, не подтвердились в полной мере. Оказалось, что значительная часть мигрантов из Таджикистана занята в сфере строительства и на многочисленных промышленных предприятиях города (разнорабочие, грузчики, водители, электрики, строители и др.). По некоторым данным, в Магнитогорске до пандемии проживало порядка 20 тыс. таджиков (Реутова, 2018). По оценкам информантов, около половины составляли рабочие, «вахтовики», члены их семей. Более подробно изучить этот сюжет не получилось, поскольку основной фокус статьи предполагался именно на рынке и его роли в притяжении мигрантов, но полевые исследования ясно показали, что основной сферой трудовой деятельности мигрантов из Центральной Азии является далеко не всегда торговля.

Как отмечают информанты, внимание, а затем и социальное недовольство сфокусировалось постепенно на таджиках. Горожане осознают, что вьетнамцы в городе есть, многие вспоминали случаи, когда с ними контактировали на рынке, встречали их на улицах – обычно рано утром или поздним вечером. Однако этого оказывалось недостаточно для обозначения локаций как вьетнамских, поскольку маркировать рынок, товары и мигрантов существенно привычнее в рамках дискурса о китайских рынках.

Границы «Свой-Чужой» в пространстве Магнитогорска

Полевые материалы показали, что у жителей Магнитогорска сложилось представление о том, где живут, учатся, работают и проводят время представители различных мигрантских групп. При этом вьетнамцы, даже принимая во внимание отрицательное к ним отношение, все реже воспринимаются как группа, претендующая на создание «своих» локаций. Исключение составляли китайские рабочие общежития и информационные поводы, связанные с пикетом китайских рабочих в Магнитогорске, не желавших прививать российскую вакцину от коронавируса и просивших помощи у правительства в возвращении в Китай (См.: Лялькова, 2021).

Наиболее заметной группой, оказывающей влияние на формирование границ «свой-чужой», названы мигранты из Таджикистана, поскольку они многочисленны и многодетны, а женщины и девочки в их семьях зачастую носят «закрытую» одежду, что резко выделяет их визуально («...мы где? В Душанбе?!»). К тому же, как отметили информанты, прибывшие из Таджики-

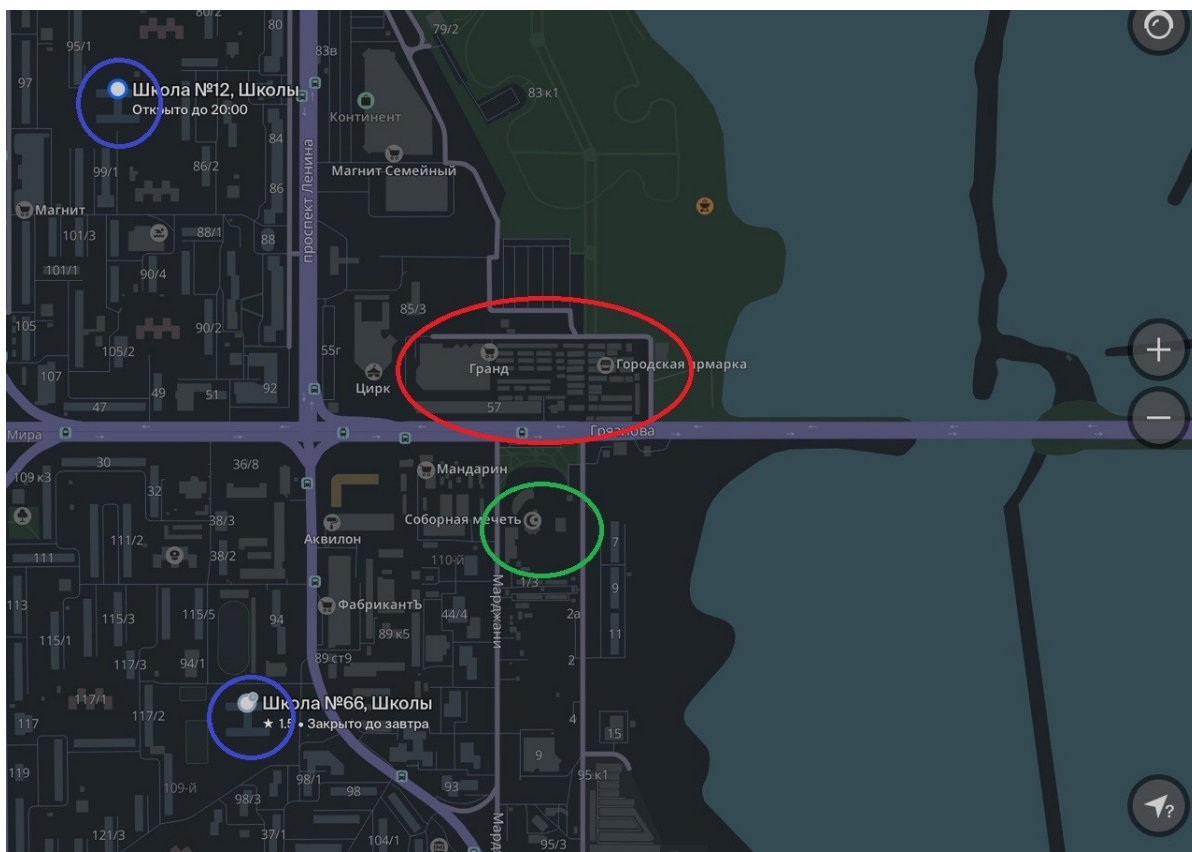

стана, в последние «два года таджиков стало больше, причем это произошло за счет детей и женщин, получивших гражданство». Слова наших информантов подтверждают выкладки МВД и Челстата о миграции из Таджикистана и показателях получения российского гражданства мигрантами из этой страны в 2021-2022 гг. (Альков, 2022; Миграция из Таджикистана в Россию... 2023).

Кварталы, прилегающие к Центральной ярмарке в Магнитогорске, имеют репутацию «старых» и «рабочих». Их население длительное время состояло из сотрудников ММК и многочисленных предприятий, связанных с индустриальным гигантом. В настоящее время эта застройка не относится к категории престижных городских районов, поэтому население данных кварталов обновляется в основном из состава таджикских мигрантов, в меньшей степени жителей сельских районов области. Если лет пять-семь назад это были в основном группы молодых мужчин, круглосуточно занятых на работе и практически незаметных в повседневной жизни, то теперь это большие семьи. Маркеры присутствия «других» выглядят следующим образом. Женщины с детьми «занимают» практически все окрестные игровые площадки, дети посещают дошкольные учреждения, учатся в школах, что способствует проведению и закреплению социальных границ уже на качественно новом уровне.

Статусом «мигрантских» в Магнитогорске наделены школы № 12 и № 66 (рис. 2), где существенную часть контингента составляют дети из мигрантских семей («...в классе столько таджиков, они не знают толком русского» и т.д.). В рамках ксенофобского нарратива и создания социальных границ местными жителями рассматриваются окрестные дворы и детские площадки. Последние становятся оспариваемой локацией, поскольку компании матерей с детьми делят между собой места во дворах, формулируют представления о пространственных границах и местах, где «сидим мы, играют наши, а где таджики». Слова информантов подтверждаются результатами серии включенного наблюдения.

Крайне важным фактором, закрепляющим, с одной стороны, ярко выраженный мигрантский имидж района, но, с другой стороны, препятствующим его «вьетнамизации», стало близкое соседство крупного кластера рабочих мест в виде этнического рынка и соборной мечети. Это сочетание придает особый ракурс восприятию данной застройки как ассоциирующейся с мигрантскими группами, их конфессиональными институтами и т.д. Во время полевых исследований мигранты из Узбекистана или Кыргызстана указывали на функционирование в пределах рынка небольшой молитвенной комнаты, поскольку в соборную мечеть ходят в основном таджики. Проверить эти данные на текущем этапе реализации исследовательского проекта не удалось.

Рисунок 2. Расположение «мигрантских» локаций в застройке, примыкающей к городской Ярмарке и Соборной мечети в Магнитогорске (синим – помечены школы, рынок – красным, мечеть – зеленым)

Figure 2: Location of “migrant” locations in the development adjacent to the City Fair and the Cathedral Mosque in Magnitogorsk (schools are marked in blue, the market in red, and the mosque in green).

Во время полевых исследований практически не встречались случаи аренды вьетнамскими мигрантами квартир. В основном они расселены в общежитиях, где ранее размещались рабочие ММК и других предприятий. Информанты характеризовали вьетнамцев как максимально незаметных вне рынка. Все они уходят на работу очень рано, приходят поздно, вступая в редкие контакты с покупателями на рынке. Незначительную группу образуют преуспевшие бизнесмены, купившие жилье в Магнитогорске, а потом перебравшиеся в Челябинск (одна из таких историй см.: Зайкова, 2023), Екатеринбург, Казань или Москву. Как отметила Донг Хо:

Вьетнамцев мало, много было между 2000 и 2013 примерно годами, после пожара меньше стало, все внимание теперь и неприязнь настроено на таджиков. Китайцев в Магнитогорске почти никогда не было. А таджиков больше, они заметны, ходят в мечеть.

Жители Магнитогорска чутко реагируют на дихотомию «свой-чужой» в городском пространстве. Горожане принимают активное участие в формировании и закреплении ксенофобского нарратива, осознавая, что соседство и повседневное взаимодействие с «другими» становится все более тесным, возникает необходимость выработки более сложных практик соседства. Присутствие мигрантов рассматривается информантами и как маркер «проблемного городского района», поскольку «для таджиков никто не будет что-то благоустраивать – все равно сломают». Миграция и мигранты становятся поводом для выражения недовольства в связи с неудовлетворительным состоянием городской инфраструктуры «рабочих районов».

Мигрантская инфраструктура в Магнитогорске.

Случай вьетнамцев: «мы – есть, но нас – нет...»

На основе архивных документов можно проследить официальную численность мигрантов из Вьетнама в 1995–2000 гг. (см.: таблица 1). Точной статистики за последующие годы, к сожалению, нет, поэтому мы можем опираться лишь на оценки наших информантов и отрывочные данные МВД, опубликованные в СМИ. Кроме того, прошения о предоставлении вида на жительство гражданам КНР и Вьетнама за эти годы содержали адреса, где данные граждане проживали. Практически все эти локации находились поблизости от крупных рыночных комплексов в Челябинске и Магнитогорске (ОГАЧО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 104. Л. 19, 26, 27, 30, 31, 38, 39, 40, 41, 46, 47, 54, 55). Более того, в нескольких случаях опрос старожилов указанных домов показал, что по данным адресам когда-то находились небольшие мигрантские общежития («резиновые квартиры»), склады с товаром, кухни для приготовления блюд и т.д.

Достоверных данных о численности приезжих из Таджикистана в Челябинской области в тот период практически нет. В архивных документах сохранились оценки в 8–10 тыс. выходцев из Таджикистана, находившихся на заработках в регионе в 1999 г. Официальные оценки Челстата отрывочны. Согласно им, в 2008–2013 гг. граждане Таджикистана составляли треть от общей численности иностранной рабочей силы в Челябинской области – 17 тыс. из 55 тыс (Челябинская область..., 2010, с. 59; Около 30 процентов иностранцев... 2013). В настоящий момент ситуация, скорее всего, не сильно изменилась.

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
КНР	1584	1098	1226	1413	1291	1227
КНДР	87	162	224	260	295	230
Вьетнам	87	134	303	265	101	162

Таблица 1. Численность рабочей силы из КНР, Вьетнама и КНДР в Челябинской области в 1995-2000 гг. (Составлено автором по: ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 23. Л. 8; Д. 33. Л. 7; Д. 47. Л. 9; Д. 59. Л. 14; Д. 75. Л. 11; Д. 80. Л. 4).

Table 1. The number of labor force from the PRC, Vietnam and the DPRK in the Chelyabinsk Oblast in 1995-2000 (Compiled by the author from: USACR. F. R-705. In. 1. C. 23. L. 8; C. 33. L. 7; C. 47. L. 9; C. 59. L. 14; D. 75. L. 11; C. 80. L. 4).

В силу того, что «этнические» рынки создавались и функционировали практически полностью в неформальном поле, заметных статистических следов об их деятельности оставлено не было. По подсчетам вьетнамской стороны, в России на тот момент (2008 г.) работало от 80 до 100 тыс. граждан Вьетнама, в основном занятых торговлей на рынках (Hoang, 2023). Официальная численность китайских мигрантов оценивалась примерно в 280 тыс.

Частично прояснить картину присутствия мигрантов на рынках Челябинской области помогают архивные документы, отложившиеся в ходе реализации постановления правительства о запрете иностранным гражданам торговать, вступившим в силу в 2007 г. (Поливанов, 2007). Так, на 187 рынках области (69 из них находились в областном центре) осуществляли торговую деятельность 4316 иностранных граждан. Из них граждан КНР было 1290, Таджикистана – 1011, Узбекистана – 729, Казахстана – 537, Кыргызстана – 393, Азербайджана – 166, Армении – 103, Вьетнама – 87 (ОГАЧО. Ф. Р. 1879. Оп. 1. Д. 46. Л. 192). Основными местами их концентрации являлись «Китайский рынок», «Восточный город» и «Каширинский рынок» в Челябинске, рыночные кластеры в Магнитогорске. После введения данного запрета цены на вещевых рынках цены пошли вверх, поскольку существенной частью инфраструктуры «дешевого привоза» управляли «челноки» из Китая и Вьетнама. Например, в Челябинске, где находилась оптовка для Магнитогорских рынков, цены сразу повысились на 16% (Газеты пишут..., 2007). Вьетнамцы для обхода запретов редко принимали гражданство России, а формально «ставили в качестве продавцов» российских граждан из числа местных жителей или центрально-азиатских мигрантов, чаще всего таджиков.

Общая численность вьетнамских мигрантов в Магнитогорске оценивалась информантами (по состоянию на июль 2023 г.) «примерно в сто человек, почти все заняты на рынке». До пандемии коронавируса этот показатель был существенно больше. По словам Сун Тон, «примерно 1000 вьетнамцев проживали

в области, из них 500 в Магнитогорске работали постоянно на рынке». Некоторые приезжали по учебной визе, в том числе в Челябинск, но фактически во время учебы организовывали и вели бизнес на рынке Магнитогорска. Информанты из Вьетнама назвали до двух десятков таких студентов-предпринимателей, плюс многие у них работали. Учитывая, что на 2013 г. только на основании вида на жительство в области проживало свыше 400 граждан Вьетнама (Около 30 процентов иностранцев... 2013), названные информантами цифры выглядят достоверно. Практически все они были заняты в сфере торговли и общественного питания, обеспечивая функционирование значительной части рыночной инфраструктуры: логистика, хранение и обмен валюты, точки общественного питания и проч. Открывались даже вьетнамские салоны для оказания услуг сексуального характера и т. д.

Основной сферой работы вьетнамских мигрантов в России традиционно является рыночная торговля, поскольку возможности для легального трудоустройства существенно ограничены юридически. Свою негативную роль играет слабое владение русским языком и повседневные формы дискриминации (Рязанцев, Ле Дык, Фунг Хай & Моисеева, 2022; Hoang, 2023). Все это способствует максимально возможной замкнутости, сокрытию от внешнего наблюдателя большинства атрибутов присутствия вьетнамских мигрантов.

Одним из новых ракурсов в изучении мобильности является иммобилизация, т.е. утрата мигрантом возможности оставаться мобильным под продолжительным воздействием различных дискриминационных факторов. «Неподвижность» в образе жизни мигранта – это реальность, с которой вынужденно перемещенные лица, а также жертвы торговли людьми постоянно сталкиваются как в пути, так и в пункте назначения, но лишь в последнее время исследователи стали обращать внимание на иммобилизацию «добровольных» мигрантов, в том числе перемещающихся по формальным каналам (Haugen, 2012; Bélanger & Silvey, 2020; Aharon 2022). Эта исследовательская оптика позволила Лан Ань Хоанг (2023) увидеть состояние неподвижности на примере вьетнамских мигрантов, торгующих на московских рынках.

Как отмечали информанты, они стараются жить по принципу: «мы – есть, но нас – нет». Тун Хо резюмировала, что, за исключением нелегальных рабочих швейных фабрик, которых работодатели часто изолируют на производствах и в общежитиях, расположенных в сельской местности, замкнутость для вьетнамских мигрантов в любом российском городе является вынужденной мерой. Постоянное чувство опасности является мощной регулирующей и дисциплинирующей силой в социальной жизни вьетнамских мигрантов, формируя их образ жизни и необходимые им институты вне поля зрения принимающей стороны. Сводя передвижения и связанные с ними риски к минимуму, мигранты часто проживают рядом с рынком, где они работают, даже если это сопряжено со сложными бытовыми условиями в переполненных комнатах

общежитий. Аналогичные результаты получены другими авторами в ходе полевых исследований в Москве (См.: Hoang, 2023).

Информанты осознают, что из всех групп мигрантов, с которыми они взаимодействуют, именно они – вьетнамцы – находятся в наиболее уязвимом положении. Во время глубинного интервью один из информантов, хорошо владеющих русским языком, даже вспомнил сцену из киноленты «О чем говорят мужчины». Актер М. Ефремов в образе священника освящал отделение полиции со словами: «...и да будет построено на вашей территории еще и вьетнамское общежитие, каждый чтоб живущий в нем не имел бы регистрации». Хим Со в связи с этим подметил следующее:

...вьетнамцев тут (т. е. в Магнитогорске) всегда было мало в сравнении с мигрантами из других стран, но именно мы всегда ощущали максимальную дискриминацию, регулярно становясь жертвами поборов.

Планируя миграционную стратегию, информанты надеются заработать денег на торговле, как это удавалось нескольким волнам «челноков» до них, но продолжительное время они сталкиваются с чередой экономических кризисов (с 2014 г.), вызванных санкциями и пандемией коронавируса. Добавим к этому огромный ущерб, причиненный серией пожаров во вьетнамских торговых рядах в Магнитогорске; некоторые даже упомянули пожар на рынке «Садовод» в Москве.

У меня были дела с родственником на рынке в Москве, но все планы на перевозку больших партий вещей нам «сожгли». Когда нам хотят указать наше место, устраивают пожар. Даже тут. Кто? Не знаю и знать не хочу. Может быть, просто провода старые «коротнуло».

Турбулентность российской экономики, колебания курса рубля в последние годы и нарушение многих логистических цепочек расстроили планы вьетнамских мигрантов по расширению бизнеса. Представления о возможности заработать большие деньги, как это получалось у предшественников, привлекавших молодых мигрантов в российские города, в частности в Магнитогорск, сменились пессимизмом. Однако, по словам Хим Кванг, возвращение во Вьетнам «с пустыми руками» также не рассматривалось, поскольку это чревато «позором, перспективой безработицы и падения самооценки».

Будучи неспособны достичь основных целей миграции (заработок денег и ведение бизнеса), информанты все же не желали возвращаться назад во Вьетнам. Тем самым они оказались в состоянии постоянной неопределенности, когда планы на будущее переносятся на отдаленную перспективу. Видимо, по этой причине крайне сложно выявить свидетельства транснационального образа жизни вьетнамских мигрантов. Большинство информантов склонялись к мысли, «что вьетнамцы России менее транснациональны, нежели в других странах». Частично тезисы, озвученные в собранных

интервью, подтверждаются рядом недавних исследований (Hüwelmeier, 2017; Schwenkel, 2017). Миграция в этих сложных контекстах привела к «обездвиживанию» и социальной изоляции, что не позволяет создавать и развивать свою социальную инфраструктуру, как это делают выходцы из Центральной Азии. Серия интервью позволяет говорить, что ожидание очередного кризиса и ориентация на будущее у вьетнамских мигрантов являются основными механизмами построения идентичности и образа жизни.

Полевые исследования и обзор медиа ресурсов показали, что одной из причин такой высокой степени закрытости и осознанной незаметности является неспособность и нежелание защищаться с помощью закона, плотная и вынужденная вовлеченность в различные нелегальные практики. Большинство информантов, у которых удалось взять глубинные интервью, ощущают постоянную угрозу своей безопасности. Дело в том, что вьетнамцы, аккумулирующие солидные материальные ресурсы, нередко становятся жертвами грабежей и вымогательства со стороны других групп мигрантов во время передела сфера влияния. Несколько таких резонансных случаев удалось найти в сводках медиа-порталов (В Магнитогорске застрелили гражданина Вьетнам..., 2012; Двое жителей Магнитогорска..., 2016). Кроме того, в Магнитогорске в 2019 г. силовики предотвратили массовую драку мигрантов из Таджикистана и Узбекистана. Одновременно с этим произошел крупный пожар на «Центральной ярмарке», где находились торговые ряды вьетнамцев (Леонова, 2019; Сильнейший пожар уничтожил..., 2019). Ряд информантов объяснили эти события как выяснение отношений между «большими людьми из диаспор», контролирующими сферу торговли и жизнь мигрантов, в том числе вьетнамских.

Стремление к максимальной самоизоляции сводит на нет заметность инфраструктуры вьетнамских мигрантов для внешнего наблюдателя. Во время полевых исследований обнаружены минимум два здания бывших заводских общежитий, в которых от одного до двух этажей заняты вьетнамцами. С ними соседствуют уже «на своих» этажах мигранты из Центральной Азии, в основном рабочие на городских промышленных предприятиях. На одном из входов в общежитие удалось обнаружить следы иероглифов, оставляемых в континентальном Китае, во Вьетнаме и на Тайване для привлечения счастья и удачи (Рис. 3).

Одним из наиболее заметных и узнаваемых элементов мигрантской инфраструктуры являются «этнические» кафе, посещаемые как мигрантами, так и местными жителями. Попытка обнаружить такое заведение вьетнамской кухни в Магнитогорске успеха не принесла. Как отмечали сами вьетнамские мигранты и работники рынка, «вьетнамская кухня не работает давно (с 2017-2019 гг.) – она сгорела». Определенное давление, которое испытывают приезжие из Вьетнама со стороны правоохранителей и криминальных группировок, контролирующих сферу торговли, мешает открытию своей кухни.

Приготовление еды «на всех» происходит на кухнях общежитий («готовим сами»), что приводит к конфликтам с соседями из-за специфических запахов и задымления помещений. В материалах интервью и медиа встречаются факты целенаправленной поломки датчиков дыма, «чтобы не пищали всякий раз, когда мы готовим» (Вьетнамцы ломают датчики..., 2014) и не привлекали внимание к местам проживания.

Рисунок 3. Иероглиф «Си», расположенный над входом в одно из общежитий, где живут мигранты из Вьетнама в Магнитогорске (фото автора, июль 2023 г.)

Figure 3. The character “Si” above the entrance to one of the dormitories where Vietnamese migrants live in Magnitogorsk (photo by the author, July 2023).

Магнитогорск на данный момент не воспринимается как город, в котором стоит развивать институции, предназначенные для вьетнамцев или вьетнамцами. Со слов Бок Сон, мотивация вьетнамцев к проживанию и ведению бизнеса в крупных городах на Урале снижается, они постепенно перебираются в другие части страны. Информанты упоминали о переезде знакомых в Москву и Уфу, что коррелирует с основными направлениями миграции из Вьетнама (Храмова & До, 2023, с. 125–126).

Дискуссия и выводы

Особенности формирования китайского и вьетнамского рынков во многом оказались схожи, поскольку плотные социальные взаимодействия в пределах рынка и вокруг него интерпретировались принимающей стороной сквозь призму этничности, противопоставления «своих» и «других», на роль которых в Магнитогорске первоначально выдвигались вьетнамские «челноки» и крупные оптовики (скорее всего, ввиду отсутствия китайских). Главное различие в том, что присутствие вьетнамских мигрантов не сопровождалось ростом алармистских настроений и фобий об отторжении локаций, связанных с рынком.

По мере того, как менялся этнический состав мигрантов, происходило наполнение рынка другими образами «мигрантскости», а окружающая его инфраструктура менялась под воздействием приезжих из Таджикистана (районы проживания и концентрации, школы, детские площадки, молитвенные комнаты, этнические кафе, торговые точки на каждом из перекрестков и т.д.). При этом далеко не все из них были связаны именно с рынком; в основном это рабочие предприятий, расселившиеся в общежития в той части города, где размещен рынок. Инфраструктура и социальные связи, ранее созданные вьетнамцами, во многом сохранились, но были адаптированы под свои специфические потребности и цели центральноазиатскими мигрантами.

Мигрантские локации («вьетнамские», «таджикские» и т.д.), возникновение которых связано с рынками, складывались в условиях взаимодействия различных групп этнических мигрантов и принимающей стороны там, где преобладало преимущественно жилье эконом-класса, примыкающее к рынку, как сосредоточению потенциальных рабочих мест. Реальная концентрация вьетнамцев носила минимальный характер из-за дискриминации, ограниченной вместимости жилого фонда и высокой конкуренции за него. В сложившихся к сегодняшнему моменту реалиях вьетнамцы – в отличие от мигрантов из других государств – практически не интегрируются в общество, они находятся в социальной изоляции. Это обусловлено тем, что возможности для развития бизнеса крайне ограничены, но в то же время сделанные ранее инвестиции в его организацию не позволяют уехать обратно во Вьетнам. Мигранты из этой страны словно «зависли» в этом промежуточном состоянии, будучи лишены доступа к мобильности. В лучшем случае открываются перспективы создания новых, но не менее рискованных проектов в Москве и других городах.

Проведенное исследование вносит некоторое дополнение в литературу о расселении мигрантов в России, хотя постановка исследовательских вопросов изначально и не предполагала этого. Этнические рынки в городах-миллионниках выступают важным фактором притяжения мигрантов, способствуя формированию мест их жилищной концентрации в застройке, примы-

кающей к рынку, появлению и развитию там сети мигрантских институций. Встречается и другой вариант, предполагающий создание крупных кластеров рабочих общежитий (пригороды Омска). В целом, ситуация за пределами крупных городов практически не исследована (Более подробно см.: Варшавер, Рочева, Иванова & Андреева, 2021). Случай вьетнамского рынка в Магнитогорске расширяет данное поле исследований тем, что дает представление о возможных путях возникновения мигрантских сообществ и локаций на примере относительно небольшого промышленного моногорода, где практически вся застройка имеет индустриальный характер происхождения, а подавляющее большинство жителей тесно связаны с производствами. Рыночный паттерн появления мест концентрации мигрантов, показанный в статье на примере вьетнамского рынка, действительно оказался важен, но скорее для самих вьетнамцев, а для таджикских мигрантов первостепенной роли он, судя по всему, не играл. Применительно к ним значение имел паттерн, связанный с образованием кластеров рабочих общежитий. Полевые материалы показали второстепенную роль рынка в формировании сообществ таджикских мигрантов и их инфраструктуры. Такие случаи присутствия двух паттернов в рамках одного города еще не были изучены на российском материале.

На данном этапе реализации проекта случай вьетнамского рынка в Магнитогорске вряд ли может что-то сказать нам о том, как в мире в целом образуются этнические рынки и районы концентрации мигрантов вокруг них. Скорее, это материал для следующих проектов в российском контексте. В дальнейшем автор планирует сравнить историю формирования и развития вьетнамских рынков в Казани, Уфе и Оренбурге; показать, как происходила их маркировка в качестве «вьетнамских»; проследить роль данных этнических рынков в становлении мигрантской инфраструктуры. Комплексный анализ этих исследовательских вопросов поможет понять, когда и почему в этих городах возникали именно вьетнамские рынки, есть ли какая-то логика их появления именно в данных территориальных рамках.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 23-28-10211, <https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

Автор благодарит двух анонимных рецензентов за их ценные комментарии и советы, позволившие улучшить первоначальный текст рукописи

Список литературы

- Bélanger, D., & Silvey, R. (2020). An Im/mobility turn: Power geometries of care and migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(16), 3423–3440. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1592396>
- Demintseva, E., & Kashnitsky, D. (2016). Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia*. *International Migration*, 54(5), 29–42. <https://doi.org/10.1111/imig.12247>
- Hannam, K., Sheller, M., & Urry, J. (2006). Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, 1(1), 1–22. <https://doi.org/10.1080/17450100500489189>
- Haugen, H. Ø. (2012). Nigerians in China: A Second State of Immobility. *International Migration*, 50(2), 65–80. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2011.00713.x>
- Hedström, P., & Ylikoski, P. (2010). Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, 36(1), 49–67. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632>
- Hoang, L. A. (2023). Migrant immobilities in the periphery: Insights from the Vietnam–Russia corridor. *Mobilities*, 18(6), 985–999. <https://doi.org/10.1080/17450101.2023.2177183>
- Hüwelmeier, G. (2017). Socialist Cosmopolitans in Postsocialist Europe. *Journal of Vietnamese Studies*, 12(1), 126–154. <https://doi.org/10.1525/jvs.2017.12.1.126>
- Kellerman, A. (2022). (Im)Mobilities: From Dichotomy to Continuum. *The Professional Geographer*, 74(2), 246–253. <https://doi.org/10.1080/00330124.2021.1993282>
- Lefebvre, H. (2000). *Writing on City*. Oxford.
- Schwenkel, C. (2017). Vietnamese in Central Europe. *Journal of Vietnamese Studies*, 12(1), 1–9. <https://doi.org/10.1525/jvs.2017.12.1.1>
- Альков, В. (2022). Все уезжают—Таджики въезжают: В Челябинске посчитали мигрантов и удивились. Sputnik Таджикистан. <https://tj.sputniknews.ru/20220817/chelebinsk-migranty-tajikistan-1050772948.html>
- Баранова, В., & Федорова, К. (2020). Видимо-невидимо: Миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 12(1), 48–80. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80>
- Бредникова, О., & Паченков, О. (2002). Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов. *Экономическая Социология*, 3(2), 74–81. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-2-74-81>
- В Магнитогорске застрелили гражданина Вьетнама. (2012). Первый областной. <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/v-magnitogorske-zastreili-grazhdanina-vjetnama-174419012012/>
- Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л., & Иванова, Н. С. (2021). Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1939>
- Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л., Иванова, Н. С., & Андреева, А. С. (2021). Мигранты в российских городах: Расселение, концентрация, интеграция. Дело.

- ВЦИОМ: Китай в первую очередь ассоциируется у 25% россиян с производимыми в этой стране товарами. (2009, сентябрь 30). РБК. https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/5592ce3f9a79473b7f4c8dea
- Вьетнамский рынок (Магнитогорск). Торговый ряд, вещевой рынок. (б. д.). Wikimapia. <http://wikimapia.org/20102535/ru/%D0%92%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA>
- Вьетнамцы ломают датчики, а студенты не смогут эвакуироваться при пожаре: Огнеборцы проверили магнитогорские общежития. (2014). MagCity74. <https://www.magcity74.ru/news/19759-vetnamcy-lomajut-datchiki-a-studenty-ne-smogut-jevakuirovatsja-pri-pozhare-ogneborcy-proverili-magnitogorskie-obshhezhitija.html>
- Газеты пишут о первых результатах отлучения иностранцев от рынков. (2007). Демоскоп Weekly. <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/gazeta025.php#1>
- Двое жителей Магнитогорска задержаны по подозрению в убийстве и ограблении гражданки Вьетнама. (2016, апрель 8). Интерфакс-Россия. <https://www.interfax-russia.ru/ural/news/dvoe-zhiteley-magnitogorska-zaderzhany-po-podozreniyu-v-ubiystve-i-ograbenii-grazhdanki-vetnama>
- Деминцева, Е. (2020). Мигранты в постсоветском городе. *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*, 12(1), 5–14. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-5-9>
- Джанызакова, С. Д. (2021). «Предпочитаю работать на себя»: Предпринимательство мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 1, 188–195. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-18>
- Дятлов, В. И. (2008). Россия: В предчувствии чайнатаунов. *Этнографическое обозрение*, 4, 6–16.
- Дятлов, В. И. (2015). Этнизация общественного пространства: Причины и механизмы процесса. *Вестник Томского государственного университета. История*, 5, 9–15. <https://doi.org/10.17223/19988613/37/2>
- Дятлов, В. И. (2020). «Этнические рынки» – мигрантские локальности в постсоветском городском пространстве. *Журнал исследований социальной политики*, 18(4), 577–592. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592>
- Зайкова, У. (2023, июнь 21). Уроженка Вьетнама откроет в центре Челябинска чайную, в которой будут подавать модные бабл ти и моти. 74.ru. Челябинск онлайн. <https://74.ru/text/food/2023/06/21/72411902/>
- Как таджику обрусеть? (2007, апрель 3). Магнитогорский рабочий.
- Каменских, М.С. (2018). Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, 4, 131–143. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.4.11>
- Леонова, С. (2019, август 12). В Магнитогорске драки, пожар, взрыв авто. Версия №1: Разборки диаспор ЧП происходят одно за другим. Силовики сбились с ног. Ura.ru. Информационное агентство. <https://ura.news/articles/1036278623>
- Лялькова, А. (2021, ноябрь 12). В Магнитогорске китайские рабочие вновь вышли бастовать – Им не дают улететь в КНР, чтобы там вакцинироваться. 74.ru. Челябинск онлайн. <https://74.ru/text/gorod/2021/11/12/70250033/>

- Мертон, Р. (2009). Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия. Социологический журнал, 2, 5–17.
- Миграция из Таджикистана в Россию быстро растет, несмотря на войну. (2023). CABAR. Asia. <https://cabar.asia/ru/migratsiya-iz-tadzhikistana-v-rossiyu-bystro-rastet-nesmotrya-na-voynu>
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (б. д.).
- Около 30 процентов иностранцев в Челябинской области—Это таджики. (2013). MagCity74. <https://www.magcity74.ru/news/13278-okolo-30-procentov-inostrancev-v-cheljabinskoj-oblasti-jeto-tadzhiki.html>
- Около цирка появилась продовольственная ярмарка. (1999, февраль 27). Магнитогорский рабочий.
- Олимова, С. (2003). Трудовая миграция из Таджикистана. Международная организация миграции.
- Опарин, Д. А. (2022). Мусульманское пространство московского региона и миграция: Фрагментация, диверсификация, интеграция. Сибирские исторические исследования, 3, 111–126. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/7>
- Пешкова, В. М. (2015a). Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве). Мир России, 24(2), 129–151.
- Пешкова, В. М. (2015b). Среднеазиатские этнические кафе Москвы: Мигрантская инфраструктура в городском пространстве. В В. И. Дятлов & К. В. Григоричев (Ред.), Этнические рынки в России: Пространство торга и место встречи (с. 186–202). Издательство ИГУ.
- По законам рынка. (1995, сентябрь 6). Магнитогорский рабочий.
- Поливанов, А. (2007). Базара нет С 1 апреля иностранцам запрещено торговать на российских рынках. Lenta.RU. <https://lenta.ru/articles/2007/04/02/bazaar/>
- Реутова, Ю. (2018). О взрывах в Магнитогорске, шахидах и вере: Муфтий Челябинской области рассказал о радикальном исламе. 74.ru – новости Челябинска. <https://74.ru/text/gorod/2019/03/04/66000810/>
- Рыночные переделки. (1995, май 31). Магнитогорский рабочий.
- Рязанцев, С. В., Ле Дык, А., Фунг Хай, Х., & Моисеева, Е. М. (2022). Вьетнамская диаспора в России и ее вклад в развитие двусторонних отношений. Вьетнамские исследования, 6(3), 34–45. <https://doi.org/10.54631/VS.2022.63-106318>
- Сильнейший пожар уничтожил павильоны торгового рынка в Магнитогорске. (2019). <https://www.lobl.ru/news/proisshestviya/silneyshiy-pozhar-unichtozhil-pavilony-torgovogo-rynka-v-magnitogorske/>
- Соколов, А. (2016). Вьетнамцы в России: История миграций и диаспоры. В С. Панарин (Ред.), Восток на Востоке, в России и на Западе: Трансграничные миграции и диаспоры (с. 145–158). Нестор-История.
- Храмова, М. Н., & До, Х. Л. (2023). Вьетнамские предприниматели в России: Иммиграция, проблемы ведения бизнеса и перспективы сотрудничества. ДЕМИС. Демографические исследования, 3(2), 119–133. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.9>
- Челябинская область в цифрах: Краткий статистический сборник. (2010). Челябинскстат.

References

- Al'kov, V. (2022). Vse uezzhayut—Tadzhiki v"ezzhayut: V Chelyabinske poschitali migrantov i udivilis'. Sputnik Tadjikistan. <https://tj.sputniknews.ru/20220817/chelebinsk-migranty-tajikistan-1050772948.html> (In Russian).
- Baranova, V., & Fedorova, K. (2020). Growing Visibility: Migration and Transformations in Saint Petersburg's Linguistic Landscape. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(1), 48–80. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80> (In Russian).
- Bélanger, D., & Silvey, R. (2020). An Im/mobility turn: Power geometries of care and migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(16), 3423–3440. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1592396>
- Brednikova, O., & Pachenkov, O. (2002). Ethnicity of the “Ethnical Economics” and Social Networks of Migrants. *Economic Sociology*, 3(2), 74–81. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-2-74-81> (In Russian).
- Chelyabinskaya oblast' v tsifrakh: Kratkiy statisticheskiy sbornik. (2010). Chelyabinskstat. (In Russian).
- Demintseva, E. (2020). Migrants in the Post-Soviet City. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(1), 5–14. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-5-9> (In Russian).
- Demintseva, E., & Kashnitsky, D. (2016). Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia*. *International Migration*, 54(5), 29–42. <https://doi.org/10.1111/imig.12247>
- Dvoe zhiteley Magnitogorska zaderzhany po podozreniyu v ubiystve i ograblenii grazhdanki V'etnama. (2016, April 8). Interfaks-Rossiya. <https://www.interfax-russia.ru/ural/news/dvoe-zhiteley-magnitogorska-zaderzhany-po-podozreniyu-v-ubiystve-i-ograblenii-grazhdanki-vetnama> (In Russian).
- Dyatlov, V. I. (2008). Rossiya: V predchuvstvii chaynataunov. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, 6–16. (In Russian).
- Dyatlov, V. I. (2015). The ethnicization of public space: reasons and mechanisms of the process. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 5, 9–15. <https://doi.org/10.17223/19988613/37/2> (In Russian).
- Dyatlov, V. I. (2020). 'Ethnic Markets' – Migrant Localities in Post-soviet Urban Spaces. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(4), 577–592. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592> (In Russian).
- Dzhanyzakova, S. D. (2021). “I prefer to work for myself”: the entrepreneurship for migrants from Central Asia in a Siberian city (the case study of Tomsk). *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 1, 188–195. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-18> (In Russian).
- Gazety pishut o pervykh rezul'tatakh otlucheniya inostrantsev ot rynkov. (2007). Demoskop Weekly. <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/gazeta025.php#1> (In Russian).
- Hannam, K., Sheller, M., & Urry, J. (2006). Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, 1(1), 1–22. <https://doi.org/10.1080/17450100500489189>
- Haugen, H. Ø. (2012). Nigerians in China: A Second State of Immobility. *International Migration*, 50(2), 65–80. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2011.00713.x>
- Hedström, P., & Ylikoski, P. (2010). Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, 36(1), 49–67. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632>
- Hoang, L. A. (2023). Migrant immobilities in the periphery: Insights from the Vietnam–Russia corridor. *Mobilities*, 18(6), 985–999. <https://doi.org/10.1080/17450101.2023.217183>

- Hüwelmeier, G. (2017). Socialist Cosmopolitans in Postsocialist Europe. *Journal of Vietnamese Studies*, 12(1), 126–154. <https://doi.org/10.1525/jvs.2017.12.1.126>
- Kak tadhiku obruset'? (2007, April 3). *Magnitogorskiy rabochiy*. (In Russian).
- Kamenskikh, M. S. (2018). Migrants and stereotypes about migrants in the public space of the Russian metropolis. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 4, 131–143. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.4.11> (In Russian).
- Kellerman, A. (2022). (Im)Mobilities: From Dichotomy to Continuum. *The Professional Geographer*, 74(2), 246–253. <https://doi.org/10.1080/00330124.2021.1993282>
- Khramova, M., & Do, H. L. (2023). Vietnamese Entrepreneurs in Russia: Immigration, Business Problems and Cooperation Prospects. *DEMIS. Demographic Research*, 3(2), 119–133. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.9> (In Russian).
- Lefebvre, H. (2000). *Writing on City*. Oxford.
- Leonova, S. (2019, August 12). V Magnitogorske draki, pozhar, vzryv avto. Versiya №1: Razborki diaspor ChP proiskhodyat odno za drugim. Siloviki sbilis' s nog. Ura.ru. Informatsionnoe agentstvo. <https://ura.news/articles/1036278623> (In Russian).
- Lyal'kova, A. (2021, November 12). V Magnitogorske kitayskie rabochie vnov' vyshli bastovat'—Im ne dayut uletet' v KNR, chtoby tam vaksinirovat'sya. 74.ru. Chelyabinsk onlayn. <https://74.ru/text/gorod/2021/11/12/70250033/> (In Russian).
- Merton, R. (2009). The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action. *Sociological Journal*, 2, 5–17. (In Russian).
- Migratsiya iz Tadzhikistana v Rossiyu bystro rastet, nesmotrya na voynu. (2023). CABAR. Asia. <https://cabar.asia/ru/migratsiya-iz-tadzhikistana-v-rossiyu-bystro-rastet-nesmotrya-na-voynu> (In Russian).
- Okolo 30 protsentov inostrantsev v Chelyabinskoy oblasti—Eto tadhiki. (2013). MagCity74. <https://www.magcity74.ru/news/13278-okolo-30-procentov-inostrancev-v-chelyabinskoy-oblasti-jeto-tadhiki.html> (In Russian).
- Okolo tsirka poyavilas' prodovol'stvennaya yarmarka. (1999, February 27). *Magnitogorskiy rabochiy*. (In Russian).
- Olimova, S. (2003). *Trudovaya migratsiya iz Tadzhikistana. Mezhdunarodnaya organizatsiya migratsii*. (In Russian).
- Oparin, D. A. (2022). Muslim Space of the Moscow Region and Migration: Fragmentation, Diversification, Integration. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 3, 111–126. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/7> (In Russian).
- Peshkova, V. M. (2015a). Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *Universe of Russia*, 24(2), 129–151. (In Russian).
- Peshkova, V. M. (2015b). Sredneaziatskie etnicheskie kafe Moskvy: Migrantskaya infrastruktura v gorodskom prostranstve. In V. I. Dyatlov & K. V. Grigoriev (Eds.), *Etnicheskie rynki v Rossii: Prostranstvo torga i mesto vstrechi* (pp. 186–202). Izdatel'stvo IGU. (In Russian).
- Po zakonam rynka. (1995, September 6). *Magnitogorskiy rabochiy*. (In Russian).
- Polivanov, A. (2007). Bazara net S 1 aprelya inostrantsam zapreshcheno trgovat' na rossiyskikh rynkakh. Lenta.RU. <https://lenta.ru/articles/2007/04/02/bazaar/> (In Russian).
- Reutova, Yu. (2018). O vzryvakh v Magnitogorske, shakhidakh i vere: Muftiy Chelyabinskoy oblasti rasskazal o radikal'nom islame. 74.ru – novosti Chelyabinska. <https://74.ru/text/gorod/2019/03/04/66000810/> (In Russian).

- Ryazantsev, S. V., Le Duc A., Phùng Huy, H., & Moiseeva E. M. (2022). Overseas vietnamese in Russia and their contributions to the promotion of bilateral relations. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6(3), 34–45. <https://doi.org/10.54631/vs.2022.63-106318> (in russian).
- Rynochnye peredelki. (1995, May 31). *Magnitogorskiy rabochiy*. (In Russian).
- Schwenkel, C. (2017). Vietnamese in Central Europe. *Journal of Vietnamese Studies*, 12(1), 1–9. <https://doi.org/10.1525/jvs.2017.12.1.1>
- Sil'neyshiy pozhar unichtozhil pavi'l'ony torgovogo rynka v Magnitogorske. (2019). <https://www.1obl.ru/news/proisshestviya/silneyshiy-pozhar-unichtozhil-pavilony-torgovogo-rynka-v-magnitogorske/> (In Russian).
- Sokolov, A. (2016). V'etnamtsy v Rossii: Istoriya migratsiy i diaspory. In S. Panarin (Ed.), *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: Transgranichnye migratsii i diaspory* (pp. 145–158). Nestor-Istoriya. (In Russian).
- United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACHR). (n. d.). (In Russian).
- V Magnitogorske zastrelili grazhdanina V'etnama. (2012). *Pervyy oblastnoy*. <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/v-magnitogorske-zastrelili-grazhdanina-vjetnama-174419012012/> (In Russian).
- V'etnamskiy rynek (Magnitogorsk). *Torgovyy ryad, veshchevoy rynek*. (n. d.). Wikimapia. <http://wikimapia.org/20102535/ru/%D0%92%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA> (In Russian).
- V'etnamtsy lomayut datchiki, a studenty ne smogut evakuirovat'sya pri pozhare: Ognebortsy proverili magnitogorskie obshchezhitia. (2014). *MagCity74*. <https://www.magcity74.ru/news/19759-vetnamcy-lomajut-datchiki-a-studenty-ne-smogut-jevakuirovatsja-pri-pozhare-ogneborcy-proverili-magnitogorskie-obshhezhitja.html> (In Russian).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., & Ivanova, N. S. (2021). Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas Around Markets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 5. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1939> (In Russian).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., Ivanova, N. S., & Andreeva, A. S. (2021). *Migranty v rossiyskikh gorodakh: Rasselenie, kontsentratsiya, integratsiya*. Delo. (In Russian).
- VTsIOM: Kitay v pervuyu ochered' assotsiiruetsya u 25% rossiyan s proizvodimymi v etoy strane tovarami. (2009, September 30). *RBC*. https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/5592ce3f9a79473b7f4c8dea (In Russian).
- Zaykova, U. (2023, June 21). *Urozhenka V'etnama otkroet v tsentre Chelyabinska chaynuyu, v kotoroy budut podavat' modnye babl ti i moti*. 74.ru. Chelyabinsk onlayn. <https://74.ru/text/food/2023/06/21/72411902/> (In Russian).

“Own Foreign Land”: The Transformation of Attitudes Towards the Pre-War Past of the Region in the “Kaliningradskiy Komsomolets” Newspaper During the Perestroika Period

Angelina V. Saenko

Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia.

Email: [angelinasaenko08\[at\]gmail.com](mailto:angelinasaenko08[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1285-2342>

Received: 12 September 2023 | Revised: 9 December 2023 | Accepted: 21 December 2023

Abstract

The perestroika-time public discussion about the “white spots” of history in the Kaliningrad region focused on the history of East Prussia, which had previously been under a tacit ban. This article analyzes publications about the pre-war past of the region in the popular youth newspaper “Kaliningradskiy komsomolets” from 1985-1991. It examines the process of changing the regional historical narrative and characterizes the transformation of the historical memory of Kaliningrad residents during the years of perestroika. The paper aims to trace how the “discovery” of East Prussian themes occurred, who promoted the new historical narrative and by what means, and the stages through which the process of “appropriation” of the cultural heritage inherited after the war by the inhabitants of the region went. The study utilized a qualitative-quantitative content analysis method of newspaper texts, conducted with the help of the MAX QDA 2020 program. The results were interpreted using the categories of “Our Own” and “the Other” from B. Wandelfels’ philosophical concept and P. Nora’s “place of memory” one. The paper concludes that by the early 1990s, Kaliningrad society had varied approaches to the “pre-Soviet” period ranging from denial of the significance of the “foreign” and “the Other” heritage to its full acceptance as “one’s own”. The analysis of the content of the publications, including the commemorative practices reflected in the newspaper, shows that the regional historical narrative changed during the years of perestroika. The course of “exorcising the Prussian spirit”, approved immediately after the war, although not completely eradicated, became a marginal phenomenon, while the study, preservation, and utilization of the experience and historical and cultural heritage of the predecessors became the dominant trend in which the press of the glasnost’ era played a significant role.

Keywords

Perestroika; Kaliningrad Region; Press; Content Analysis; The Own; The Other; Places of Memory; Appropriation; Historical Memory

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Своя чужая земля»: трансформация отношения к довоенному прошлому края в газете «Калининградский комсомолец» периода перестройки

Саенко Ангелина Вячеславовна

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. Калининград, Россия.
Email: [angelinasauenko08\[at\]gmail.com](mailto:angelinasauenko08[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1285-2342>

Рукопись получена: 12 сентября 2023 | Пересмотрена: 9 декабря 2023 | Принята: 21 декабря 2023

Аннотация

Общественная дискуссия времен перестройки о «белых пятнах» истории в Калининградской области оказалась сосредоточена на истории Восточной Пруссии, которая ранее находилась под негласным запретом. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать публикации о довоенном прошлом края в популярной молодежной газете «Калининградский комсомолец» за 1985–1991 гг. и на этой основе рассмотреть процесс смены регионального исторического нарратива, охарактеризовать произошедшую за годы перестройки трансформацию исторической памяти калининградцев. Цель работы – проследить, как проходило «открытие» восточнопрусской тематики, кто и какими способами продвигал новый исторический нарратив, какие стадии прошел процесс «присвоения» жителями области доставшегося им после войны культурного наследия. При исследовании газетных текстов применен метод качественно-количественного контент-анализа, который выполнен с помощью программы MAX QDA 2020. Интерпретация полученных результатов произведена с использованием категорий «свое» и «чужое» философской концепции Б. Вандельфельса и «мест памяти» П. Нора. Сделан вывод о наличии в калининградском социуме к началу 1990-х гг. разных подходов к «досоветскому» периоду в широком диапазоне: от отрицания значимости «чужого» и «чуждого» наследия до его полного принятия в качестве «своего». Анализ содержания публикаций, в том числе отраженных в газете коммеморативных практик, свидетельствует, что за несколько перестроечных лет произошла смена регионального исторического нарратива. Утвержденный сразу после войны курс на «изгнание прусского духа», хотя и не был изжит полностью, но стал маргинальным явлением, а доминирующим трендом оказалось стремление к изучению, сохранению и использованию опыта и историко-культурного наследия предшественников, в чем немалую роль сыграла пресса эпохи гласности.

Ключевые слова

Перестройка; Калининградская область; пресса; контент-анализ; Свой; Чужой; места памяти; присвоение; историческая память

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Введение «гласности» с началом перестройки вызвало рост интереса в обществе к наиболее острым темам исторического прошлого, заставило переосмыслить как советское наследие, так и события дореволюционной истории (Согрин, 1992). То, что было «забытым» и считалось утраченным, оказалось в центре общественной дискуссии.

В течение нескольких послевоенных десятилетий довоенное прошлое Калининградской области было заключено в рамку курса на «изгнание прусского духа». При этом фокус политики памяти на новоприсоединенной территории был сосредоточен на формировании общности «советского народа», свободного от «дореволюционных пережитков». Территория бывшей Восточной Пруссии с разительно отличавшимся историко-культурным «чужим прусским наследием» должна была быть преобразована в «свою» советскую землю (Дементьев и др., 2022, с. 15).

Особую роль в политике «изгнания прусского духа» играл сконструированный исторический нарратив, по которому земля бывшей Восточной Пруссии представлялась источником агрессии на славянские и русские земли на протяжении веков: от нашествия Тевтонского ордена на Русь в XIII веке до Второй мировой войны (Костяшов, 2003, с. 11). Иные сюжеты довоенной истории не рассматривались и не изучались. В годы перестройки именно события довоенного прошлого вызывали большой интерес у калининградцев; наиболее инициативные граждане выступили за сохранение объектов историко-культурного наследия, появилось организованное краеведческое движение. Публикации по исторической тематике стали регулярно печататься и в местной периодике.

Цель работы – проследить, как проходило знакомство с довоенной историей края на страницах молодежной прессы и охарактеризовать процесс «присвоения» калининградцами регионального культурного наследия. По мнению исследователей, трансформация от «чужого» к «своему» возможна в условиях изменения культурного, географического и социального ландшафта (Якушенков & Якушенкова, 2016, с. 11). Такие условия возникли в период перестройки, когда стали появляться новые «места памяти», которые, согласно концепции Пьера Нора, были связаны не столько с конкретными объектами в культурном ландшафте, сколько с определенными действиями, направленными обществом на воспоминание того или иного исторического сюжета (Нора, 1999, с. 26). В региональной историографии эта тематика рассматривалась в трудах Ю. В. Костяшова, И. О. Дементьева, Г. В. Кретинина, В. И. Гальцова, проанализировавших историческую политику властей региона в послевоенные годы и формирование исторической памяти калининградцев (Костяшов, 2003, 2017; Кретинин, 2015; Дементьев, 2015; Гальцов, 2017).

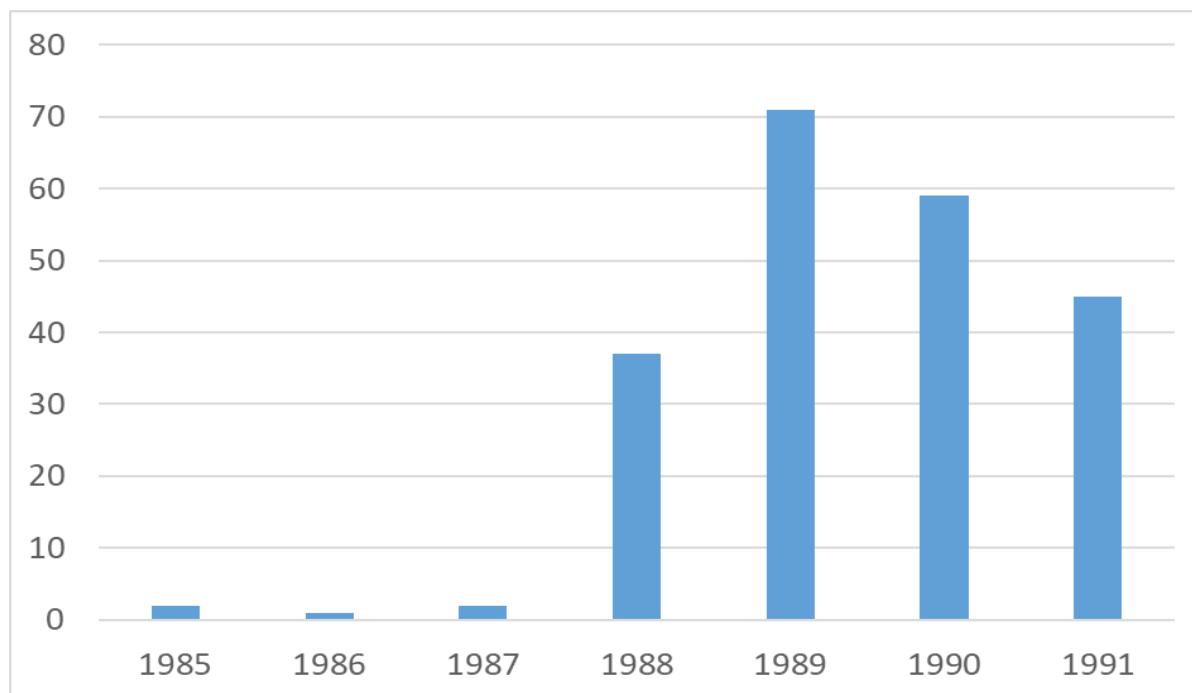
В настоящей работе понятия «свое» и «чужое» связаны с интерпретацией философской концепции Б. Вандельфельса (1995), рассмотренной в работах искусствоведа И. В. Белинцевой (2000) по отношению к Калининградской области. Как подчеркивает Р. М. Шукуров (1999, с. 11), «Абсолютно Чужое — это всегда непостижимое, оно как таковое, будучи обретенным и познанным Своим (т. е. о-своенное), неизбежно исчезнет, растворится в Своем». При этом, как рассмотрено в статье О. В. Ерохиной и В. Ю. Захарова, между «другим» и «чужим», инаковыми по отношению к «своему», существует принципиальная разница. К «чужому» относятся со страхом и ненавистью, «другое» открыто для изучения и восприятия (2023, с. 34).

В качестве источника исследования выбрано региональное молодежное издание – печатный орган обкома ВЛКСМ «Калининградский комсомолец». Одна из старейших областных газет (существовала с 1948 г.) выходила 3 раза в неделю тиражом 25 тыс. экземпляров. Газета активно взаимодействовала с читателями, значительная часть публикаций была связана с письмами в редакцию.

При анализе источников в работе использован контент-анализ, т. е. метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов, явлений и тенденций, отраженных в этих документах (Гарскова, 2018, с. 293). Контент-анализ осуществлялся с помощью программы MAX QDA 2020. Посредством тегирования и типирования текстов программа позволяет анализировать как первичные, качественные характеристики, так и вторичные, количественные, что дает возможность определить динамику обсуждения проблем прошлого и историко-культурного наследия в прессе.

Из всех материалов газеты за 1985–1991 гг. были отобраны 217 публикаций, в которых затрагивалась довоенная история края; их распределение представлено на рис. 1. В первые годы перестройки газета придерживалась прежнего исторического нарратива, фокусируя внимание на событиях Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Под влиянием расширения «гласности» с 1988 г. количество публикаций по довоенной тематике резко возрастает, доходит до пиковых значений в следующем году, а затем начинает медленно снижаться.

Авторами публикаций по интересующей нас тематике были историки, краеведы, писатели и заинтересованные журналисты. Доля публикаций профессиональных историков и краеведов составляла более трети всех материалов (39%), среди них наиболее отличились ученые университета К. К. Лавринович, Г. В. Кретинин, Ю. В. Костяшов, краеведы А. Б. Губин, Б. Н. Адамов, А. П. Овсянов, А. П. Бахтин, руководители местного отделения Советского фонда культуры (СФК) Ю. Н. Иванов и Н. П. Перетьяка.

Рисунок 1. Распределение публикаций по довоенной истории края в газете «Калининградский комсомолец» в 1985-1991 гг.

Figure 1. Distribution of publications on the pre-war history of the region in the newspaper “Kaliningradsky Komsomolets” in 1985-1991

Четвертая часть публикаций (26%) принадлежала редакции и журналистам газеты, разделявшим интерес к изучению истории края (С. Сухова, В. Константинов, А. Герасимов, Д. Власова), которые писали сами, брали интервью у ученых и должностных лиц, ответственных за сохранение памятников, печатали дискуссионные материалы.

Более пятой части (22%) составляли письма читателей в газету: студентов, врачей, учителей, инженеров, ветеранов и др. Взрывной рост активности читателей подтверждает интерес калининградцев к исторической проблематике.

Исторические очерки и заметки об отдельных событиях из истории края, известных деятелях и объектах историко-культурного наследия составляли больше половины публикаций (59%). Примером такого рода могут послужить 8 статей, напечатанных в рубрике «Летопись Кёнигсберга», составленной председателем только что открывшегося областного Клуба краеведов А. Б. Губиным. Треть материалов (33%) занимали проблемные статьи-размышления журналистов и равнодушных читателей об отношении к прошлому края и его историко-культурному наследию. Небольшая доля публикаций приходилась на фотоматериалы (5%) и художественные произведения (3%).

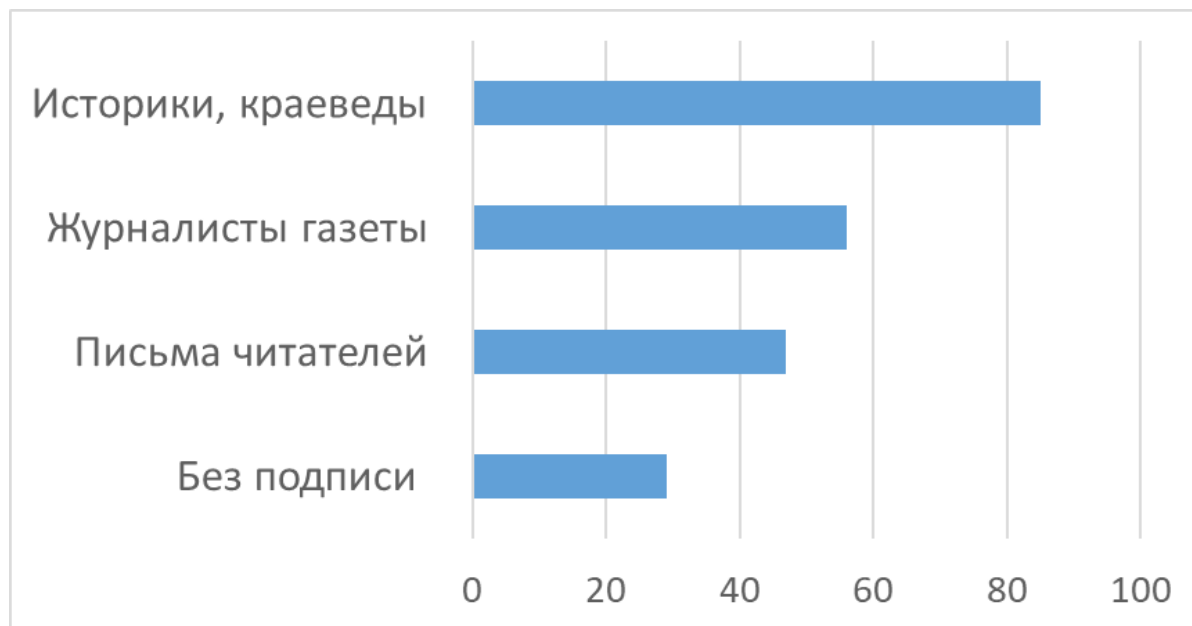

Рисунок 2. Авторство статей на исторические темы в газете
«Калининградский комсомолец» за 1985-1991 гг.

Figure 2. Authorship of articles on historical topics in the newspaper
“Kaliningradskiy komsomolets” for 1985-1991

Исторические сюжеты на страницах газеты

Чтобы проследить процесс трансформации отношения к довоенному прошлому края в первую очередь необходимо обратиться к содержанию исторических сюжетов, освещавшихся в газете. Для наиболее точного определения интересовавших прессу проблем в программе MAX QDA 2020 был выполнен статистический анализ всех слов, упоминавшихся в публикациях на историческую проблематику. При этом выделены следующие категории:

- 1) С учетом полиэтнического характера Восточной Пруссии и активного взаимодействия на ее территории разных стран и народов была выделена категория действующих субъектов исторического процесса – **Акторы**.
- 2) Для определения наиболее значимых деятелей, оставивших свой след в истории края, выделена категория **Личности**.
- 3) Оценить территориальные связи Восточной Пруссии с внешним миром позволила категория **Города**.
- 4) **Исторические события** – дала возможность определить, какие сюжеты довоенного прошлого были в фокусе внимания периодического издания.

В первую очередь обратимся к категории **Акторы**, которая позволяет ранжировать государства/народы по степени их присутствия на страницах газеты и, стало быть, отводимой им прессой роли в истории края. При подсчете частоты встречаемости учитывались не только название государства, но и другие индикаторы, на это указывающие. Так, подкатегория **Германия** включала учет таких слов, как Германия, Пруссия, Рейх, Орден, немцы, немецкий, германский, тевтонский; **Россия** – Россия, Русь, СССР (до 1945 г.), российский, русский, советский, россияне, русские и т.д. (рис. 3).

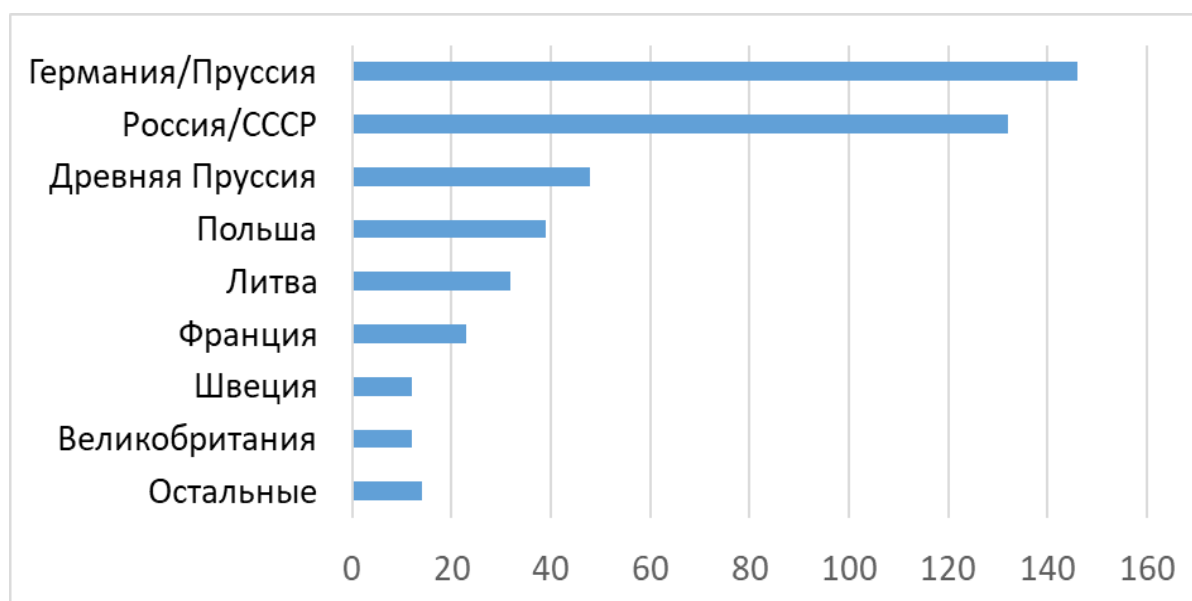

Рисунок 3. Количество упоминаний акторов региональной истории в публикациях газеты

Figure 3. Number of mentions of regional history actors in the publications

В первую очередь обращает на себя внимание, что упоминание в качестве акторов немецкого (32%) и российского (28%) государств-этносов открывают читателю двух главных субъектов довоенной истории края – Германию и Россию. Очевидно также, что редакцию и авторов статей интересовали прежде всего участие россиян в жизни Восточной Пруссии прошлых веков и ее связи с Россией.

В три раза меньшим был интерес газеты к истории древних пруссов (10%). Публикации об автохтонном населении Юго-Восточной Прибалтики в основном касались результатов археологических раскопок и изучения остатков материальной культуры пруссов. Однако сама Древняя Пруссия представлялась слишком примитивной цивилизацией и к тому же весьма отдаленной хронологически, чтобы будоражить воображение и вызывать повышенный интерес калининградцев.

На четвертом и пятом местах по частоте упоминания – польский (9%) и литовский (7%) компоненты, что связано с интенсивным взаимодействием существовавших на этой территории государственных образований (от Ордена до Королевства Пруссии) с Польшей и Великим княжеством литовским, а также со значительным удельным весом польского и литовского меньшинств в составе населения Восточной Пруссии.

Среди других стран-наций следует назвать французов (5%) и англичан (3%), что объясняется немалым числом публикаций по тем эпизодам Наполеоновских войн, которые пришлось на территорию Восточной Пруссии. В подкатегории **Остальные** на диаграмме учтены упоминания об Австрии, США, Латвии и Эстонии.

Выявленная применительно к предыдущей категории тенденция в полной мере проявилась и по категории **Личности**, что видно по облаку имен, в котором отражено 49 персон (рис. 4). Здесь также доминируют представители двух национальностей: 59% – немцы, 32% – русские. Такая бинарность может быть объяснима, с одной стороны, сосредоточением внимания на немецком периоде истории Восточной Пруссии, запрещенной ранее, а с другой – постоянной отсылкой к русскому присутствию в Восточной Пруссии в довоенный период.

Любопытно, что только около четверти всех упомянутых в газете исторических персонажей составляли государственные деятели и полководцы: посетивший Пруссию в составе Великого посольства Петр I, противостоящие друг другу в войнах 1807-1815 гг. Наполеон и Александр I, первый герцог Пруссии, основатель Кёнигсбергского университета Альбрехт; среди полководцев чаще других упоминались М. И. Кутузов, первый российский генерал-губернатор Пруссии в годы Семилетней войны В. В. Фермор, И. И. Дибич и др. Бросается также в глаза полное отсутствие политических и государственных деятелей XX в., за исключением В. И. Ленина.

А самую большую группу исторических личностей (66%) составили деятели науки и культуры: философ И. Кант, ученые Н. Коперник, К. Э. Бэр, Ф. В. Бессель, Ю. Рупп, Х. Гольдбах, М. В. Ломоносов, А. Т. Болотов, писатели и поэты Э. Т. А. Гофман, Н. М. Карамзин, Д. В. Давыдов, Л. Н. Толстой, С. Дах, С. Есенин, художники К. Донелайтис, К. Кольвиц и др. Часто рассказ об этих лицах был связан с их жизнью или временным пребыванием в Кёнигсберге. Облако имен позволяет нам определить и самые востребованные у калининградцев персоны. Это, безусловно, гений места Кант, сказочник Гофман и царь Петр Великий.

Figure 4. Category “Personality”

68

Рисунок 5. Категория «Города»

Figure 5. Category “Cities”

Далее попробуем разобраться, какие исторические события из довоенного прошлого интересовали читателей в период перестройки? В исследуемых статьях были учтены все исторические события, которые упоминались в тексте, а затем общий массив данных сгруппирован в несколько крупных тематических блоков (рис. 6).

Как видно по диаграмме (рис. 6), абсолютное большинство материалов (46%) было посвящено войнам. В военной истории ровно половина сюжетов была связана с Наполеоновскими войнами 1799–1815 гг., а второе и третье места закрепились за Семилетней войной (25%) и историей завоевательных походов Тевтонского ордена (20%). Любопытно, что на такое важное для региона событие, как Первая мировая война, пришлось только 4% военно-исторических публикаций газеты. Сегодня не лишним будет напомнить, что в советские времена эта война оставалась «забытой», а точнее, для нее не находилось подобающего места в официальном историческом нарративе, и эта традиция еще не была преодолена в годы перестройки.

Если в военной истории доминировали Наполеоновские войны, то почти весь спектр международной жизни, дипломатии и межкультурной коммуникации (17% от всей исторической тематики) оказался сосредоточен на русско-прусских отношениях и связях, начиная с Великого посольства Петра I (25%), связей Альбертины с Петербургской Академией наук (5%) и пребыванием в Кёнигсберге русских ученых, писателей и поэтов, в том числе Карамзина, Болотова, Есенина и других (40%). Остальные сюжеты были связаны с транс-

портировкой большевистской газеты «Искра» через Восточную Пруссию в Россию и установлением авиасообщения между Москвой и Кёнигсбергом.

Рисунок 6. Категория «Исторические события»

Figure 6. Category “Historical Events”

Очень бедно, всего тремя публикациями, была представлена внутренняя политика и общественно-политическая жизнь (3%) провинции. В эту подкатегорию вошли рассказы о суде над социал-демократами 1904 г. (так называемом Кёнигсбергском процессе), о Ноябрьской революции 1918 г. и очерк о нацизме в Восточной Пруссии. Зато на страницах газеты нашли довольно подробное отражение история региональной науки и культуры (16%) в лице своих наиболее известных представителей, а также религиозная жизнь Восточной Пруссии. Несомненно, активным читательским спросом пользовалась рубрика, описывающая вехи истории восточнопрусских городов (10%), среди которых большая часть очерков была посвящена Кёнигсбергу. В оставшихся сюжетах региональной истории более других выделяются темы, связанные с жизнью древних пруссов (5%).

Рисунок 7. Категория «Исторические события»

Figure 7. Category “Historical Events”

В целом следует подчеркнуть, что по всему спектру исторических тем авторов и редакторов «Калининградского комсомольца» интересовали те конкретные события региональной истории, которые прямо или косвенно были связаны с участием в них России, шла ли речь о войнах, дипломатии или межкультурной коммуникации. На них приходилось около двух третей всех публикаций, что отражено на диаграмме (рис. 7), где зеленым цветом обозначены региональные события собственно немецкой истории, а синим – относящиеся к русско-немецким связям в контексте прошлого Восточной Пруссии.

Отношение к довоенному прошлому

«Калининградский комсомолец» выражал мнения наиболее активной и образованной части общества о довоенном прошлом края и его культурном наследии. Одновременно с историческими сюжетами в газете обсуждались инициативы по восстановлению памятников, созданию новых монументальных символов, проблемы городской среды и застройки, вопросы открытия границ и межнационального сотрудничества. Для понимания процессов изменения отношения калининградцев к довоенному прошлому была выделена категория **Практики коммеморации** (рис. 8).

Рисунок 8. Практики коммеморации на страницах газеты

Figure 8. Commemorative practices on the pages of the newspaper

Коммеморацией обычно называют публичное поминовение знаковых для общества событий и личностей; при этом прошлое предстает «как особый феномен, сформированный исходя из актуальных запросов общества», который сам формирует «определенные ценности и модели поведения» (Шуб, 2016, с. 80). Применительно к теме настоящей статьи под коммеморативными практиками понимаются индивидуальные и коллективные активности калининградцев, в которых присутствовало публичное выражение отношения к довоенному прошлому или связанными с ним артефактами.

Как видно из приведенного выше облака практик (рис.8), в газете доминировала информация о трех видах деятельности: а) широкая общественная дискуссия о прошлом края, которая отразилась в создании и деятельности разнообразных общественных организаций и клубов, члены которых обменивались информацией и обсуждали спорные или мало известные вопросы местной истории; б) борьба за учет, сохранение и использование объектов историко-культурного наследия, критика на этой почве позиции властей, обращения в различные инстанции и СМИ, проведение субботников и сбора средств на консервацию и реставрацию; в) популяризация знаний о прошлом и памятниках культуры, в том числе посредством публикаций в прессе, издания альманахов и книг, проведения выставок, концертов, викторин, открытия памятных досок.

Описанные выше практики коммеморации формировали у читателя газеты информационное поле, которое делало возможным переход «чужого» прошлого в статус сначала «другого», а затем «своего». Процесс «присвоения»

начался с обращения внимания на объекты историко-культурного наследия, сохранившиеся в городской среде, что также влияло на формирование городской идентичности (Николаева, 2021).

Рисунок 9. Типология объектов историко-культурного наследия

Figure 9. Typology of historical and cultural heritage sites

На момент начала перестройки часть зданий довоенной постройки в Калининграде и других городах области всё еще находилась в руинированном состоянии, вот почему вместе с открытием прошлого края стал вопрос о судьбе памятников архитектуры (рис. 9). Фокус внимания читателей и журналов газеты был сосредоточен на проблеме состояния, возрождения и использования знаменитых фортификационных сооружений Кёнигсберга (31%): ворот, бастионов, фортов, казарм, башен. Рос интерес к кирхам (16%), общественным (11%) и жилым (9%) зданиям, как сохранившимся, так и утраченным. Среди культовых зданий лидером по частоте упоминаний стал готический Кафедральный собор на острове Канта, который на страницах прессы представлялся частью общеевропейского культурного наследия, связанного с Кантом, Петром I и Карамзиным. Процесс восстановления собора рассматривался как средство «оживления пространства "мертвого" острова Канта» (Седов, 1989, с. 6). Среди мемориальных объектов одним из символов города стала скульптура Шиллера (6%), уцелевшая в Кёнигсберге во время войны в качестве памятника «немецкому пролетарскому поэту» (рис. 10).

Рисунок 10. Инфографическое изображение категории
 «Историко-культурное наследие»

Figure 10. Infographic representation of the category “Historical and cultural heritage”

В отношении к судьбе культурного наследия, если исходить из материалов газеты, прежде всего писем читателей, можно выделить несколько позиций.

Наиболее часто среди читателей газеты проявлялся **интерес и восхищение** артефактами довоенного культурного наследия, которое в основном было немецким, но также вобрало в себя черты и традиции культуры других проживавших на этой территории этносов.

«Мы не должны забывать, какие великие люди здесь жили, как много дали они мировой цивилизации, ведь мы не националисты, – подчеркивал писатель Ю. Иванов. – Так почему в нашем городе так мало знают о Кете Кольвиц, выставка работ которой проходит в университете, в маленьком музее Канта?» (Иванов, 1988, с. 5).

Читатели высказывали мнение о благотворном влиянии местных ученых и просветителей на развитие русской культуры, в частности, на роль Альбертины в создании Петербургской Академии; нередко проводились параллели между творчеством Э. Гофмана и М. Булгакова (Стеблов, 1988, с. 8).

Авторы писем в газету называли конкретные памятники архитектуры, чье положение признавалось катастрофическим, и которые нуждались в консервации и реставрации: старинные замки, здания кирх, фортификационные укрепления. Особые упреки адресовались «безынициативному правлению общества охраны памятников», которое должно «беспокоиться о сохранении

памятников», «ставить на учет новые и новые здания и объекты», «организовывать субботники», тогда как его руководителей «вообще не интересуют памятники, не связанные с русской историей. А история и культура народа, который веками жил на этих землях, — наплевать, не наше!!!» (Павлов, 1988, с. 7). Читатели призывали потребовать от ВООПИК «реальных действий» и задавали риторический вопрос:

«Разве памятники немецкой культуры не являются частью культуры мировой? И почему до сих пор ведутся странные дебаты, что нам следует оставить, а что нет — ведь лет через 50 это будет представлять еще больший интерес — и гербы на Королевских воротах, и статуи...» (Михайлов & Сотников, 1988, с. 7).

В качестве весомого аргумента в пользу необходимости заботы о довоенном наследии в пример приводилась политика соседей из Польши и балтийских республик: «Почему рижане так чтут и сохраняют свой старый город, а ведь его тоже немецкие рыцари строили?» — задавался вопросом студент В. Артющенко (1988, с. 7).

Нередко читатели указывали на необходимость исправления совершенных в прошлом ошибок, одной из самых болезненных называлось разрушение Королевского замка, который «мы, рожденные в шестидесятых, уже не видели в глаза». Читатели газеты испытывали «стыд перед русскими воинами, павшими в 1914 году под Тильзитом, чье кладбище угасает в забвении», и чувствовали горечь за несохранившиеся памятники архитектуры (Власова, 1989, с. 9).

В интервью газете председатель областного отделения СФК очень ёмко сказал о значении восстановления и реставрации памятников, без чего «не может расти, углубляться культура всех нас, всего нашего народа, развиваться наша экономика, все наше будущее» (Иванов, 1987, с. 2).

В категорической форме позиция о необходимости «присвоения» наследия прошлых веков была изложена в напечатанном в 1988 г. «Открытом письме в метрополию» под названием «Мы — народ» художника В. Храппы, вызвавшего острую полемику в прессе. Автор выражал свой протест против прежнего курса региональных властей на «изгнание прусского духа» и, по сути, объявлял себя и своих сверстников прямыми наследниками местных культурных ценностей:

«А хотите, глянем в БСЭ¹? “Восточная Пруссия — оплот германского милитаризма”. И больше — ни слова. “Кёнигсберг — ныне Калининград” ...И его история с 1946 года. Ничего до 1946 на этой территории не было. Но ведь есть мы! Мы — потомки переселенцев, родившиеся под черепичными крышами, делавшие первые шаги под готическими сводами, облазившие в детстве все окрестные подвалы еще не разрушенных фортов и замков. Мы — хранящие как реликвии исчезнувшей цивилизации ее посуду, довоенные фото романтических кварталов» (Храппа, 1988, с. 7).

1 БСЭ — Большая советская энциклопедия.

Радикальность такого подхода была подвергнута критике в многочисленных откликах, поступивших в газету. Читатель В. Климентов заявлял, что В. Храппа не имеет права выступать «от моего имени, от имени всех русских людей и людей других национальностей, живущих в нашем крае» (1988, с. 6) Историк И. Гордеев высказал мнение, что автор «не только не разобрался [с историей края], но и способен запутать других» (1988, с. 7). Курсанты военноморского училища называли идею автора о существовании некой калининградской нации «плодом воображения» и советовали ему «употребить свое рвение» на что-то полезное (Илларионов, 1988, с. 7).

Противоположная позиция в общественной дискуссии основывалась на отрицании необходимости изучать довоенную историю области, следовании прежним установкам о том, что всё происходившее на этой земле до 1945 г. было «чужой» историей. «Своей» она стала только в процессе возрождения края из руин советскими переселенцами. Краеугольный камень этого нарратива очень точно обрисовал писатель Ю. Иванов:

«Существует понятие — и совершенно верное — о Восточной Пруссии и ее столице Кёнигсберге как о центре милитаризма, откуда начинались многие войны — против России, против Советского Союза» (Иванов, 1988, с. 5).

Сторонники такой точки зрения возражали в газете энтузиастам освоения немецкого наследия и упрекали в отрыве от родной почвы:

«Люди о немецких памятниках, кирхах, воротах помнят, борются за каждый камень, а о заброшенных обелисках на могилах наших солдат, погибших, между прочим, защищая от фашистов ту же немецкую культуру, выходит, забыли? — цитировала газета письмо читательницы А. Павловой. — Что же это происходит с нами, с памятью нашей?» (Павлова, 1988, с. 9).

Ветераны выражали сожаление, что среди молодежи очень мало тех, кто готов поклониться праху советских воинов. Председатель Знаменского совета ветеранов войны и труда А. А. Бровков возмущался «небрежностью, с которой мы относимся к памяти тех, кто погиб за эту землю»:

«Давайте спросим себя, сколько у нас в области неухоженных братских могил, сколько у нас энтузиастов, работающих над тем, чтобы восстановить в памяти поименно всех павших воинов? Много могил, а энтузиастов практически нет, за исключением школьников — юных следопытов» (Бровков, 1988, с. 8).

В этом ряду были очень эмоциональные высказывания и не всегда заслуженные упреки оппонентам:

«Вы хотите заставить нас заниматься охраной Георгенбургского замка? В России монастыри пропадают! Восемнадцатый век, между прочим! Вот что надо спасать, а не это. Это разве архитектура? У них, у рыцарей-завоевателей, и не было архитектуры» (Рожков, 1988, с. 9).

Вместе с тем, наряду с двумя этими крайними позициями, постепенно формировался и более **взвешенный подход**, основанный на понимании

важности использования достижений и материального наследия прошлых веков в сочетании с необходимостью помнить и воспроизводить на новой земле национальные традиции и ценности. Именно он оказался наиболее популярным среди калининградцев в период перестройки. Авторы писем в газету подчеркивали необходимость специальных усилий по поиску в истории края следов («мест памяти») российского присутствия на данной территории, побуждали к работе по освоению исторического и созиданию нового культурного ландшафта, прежде всего применительно к городской среде. Об этом были размышления инженера В. Ганина в подборке читательских писем:

«Мы стали хозяевами этой земли (что нам никак не хотят простить на Западе, не говоря уже о том, — забыть момент оный). А ведь в Калининградской области уже выросли два поколения, которые считаются коренными. Отцы и деды занесены ураганом великой войны в этот западный угол, а вот молодежь — здешняя, доморощенная, и земля эта для них — родная. Но чувствует ли молодежь свои корни? Я не увидел пока такой озабоченности. А ведь за ней, ежели чуть глубже взглянуть, стоит патриотизм, любовь к родному дому, чувство Родины в том конкретном понимании, из которого родится эта великая духовная абстракция. Кроме памятников старины, действительно нуждающихся в спасении, есть безликие наши дома с «мятыми» улицами, унылого вида поселки...» (Ганин, 1988, с. 9).

Этот мотив звучал постоянно, авторы писем призывали «пробудить интерес молодых к истории — вот что сейчас наиболее важно, ведь в жизнь вступает поколение людей, многие из которых довольно смутно знают историю» (Крутик, 1988, с. 8).

Заключение

Подводя итоги, еще раз отметим различие в понимании «чужого», «другого» и «своего». Если «чужое» ненавистно и опасно, то «другое» может быть изучено и понято. Именно в процессе изучения «другого» проходит его «о-своение» и принятие (Дорогавцева, 2006). Годы перестройки стали временем серьезной трансформации отношения калининградцев к довоенному прошлому родного края. Возникший с появлением потока новой информации о прошлом неподдельный интерес к истории позволил преодолеть пережитки концепции «об изгнании прусского духа» и сформироваться иному видению региональной истории, не столько как чужой и чуждой, сколько требующей внимания и изучения для ведения осмысленной созидательной деятельности. Газета «Калининградский комсомолец» внесла существенный вклад в обновление и наполнение исторической памяти калининградцев новыми знаниями и представлениями о прошлом региона.

Для журналистов, краеведов и историков процесс «присвоения» истории и культурного наследия края до 1945 года проходил ускоренными темпами. В свою очередь, чтобы облегчить этот путь для основной массы читателей

молодежной газеты, в центр обновленного регионального исторического нарратива были поставлены сюжеты, относящиеся к историческим связям Восточной Пруссии с Россией и СССР (две трети всех публикаций), и чаще всего касающиеся политически нейтральных сюжетов из истории международного сотрудничества в области науки, культуры и просвещения.

Благодарности

Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта, научный проект № 123092000008-9.

Выражаю благодарность научному руководителю доктору исторических наук Юрию Владимировичу Костяшову за значимые советы и помощь при подготовке статьи.

Список литературы

- Артюшенко, В. (1988, март 26). Здравствуй, «Комсомолец»! Калининградский комсомолец.
- Баранова, Е. В., Давиденко, А. А., Дементьев, И. О., Костяшов, Ю. В., Кретинин, Г. В., Манкевич, Д. В., Маслов, В. Н., Мегем, М. Е., Филёв, М. В., & Шепель, Я. Г. (2022). «Советский народ» на крайнем западе России 1945–1991): Теория и практика формирования «новой исторической общности в Калининградской области. Издательство БФУ им. И. Канта.
- Белинцева, И. В. (2020). Архитектура Восточной Пруссии: Факты и интерпретации. Живём.
- Бровков, А. А. (1988, январь 30). С пометкой «Звездочет». Калининградский комсомолец.
- Вальденфельс, Б. (1995). Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом». Логос. Фило-софско-литературный журнал, 6, 77–94.
- Власова Д. (1989, апрель 8). Кёнигсбергский детектив. Калининградский комсомолец.
- Гальцов, В. И. (2017). Размышления о предмете истории Калининградского края. Слово. ру: Балтийский акцент, 8, 7–17. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-2-1>
- Ганин, В. (1988, апрель 16). Строки из писем. Калининградский комсомолец.
- Гарскова, И. М. (2018). Историческая информатика. Эволюция междисциплинарного направления. Алетейя.
- Гордеев, И. (1988, июль 9). С чего начинается Родина. Калининградский комсомолец.
- Губин, А. (1990, ноябрь 17). Кенигсбергская летопись. Калининградский комсомолец.
- Дементьев, И. О. (2015). «Разделенная история»: Изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий. Балтийский регион, 4, 105–120. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-6>
- Дорогавцева, И. С. (2006). Проблема Другого в западной культуре [PhD Thesis]. Чита.

- Ерохина, О. В., & Захаров, В. Ю. (2023). «Другой/свой/чужой»: Парадоксы восприятия немцев в российской империи в конце XVIII – начало XX вв. *Журнал Фронтирных Исследований*, 8(1), 32–46. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.494>
- Иванов, Ю. (1987, январь 25). Сундук Канта. *Калининградский комсомолец*.
- Иванов, Ю. (1988, январь 16). Мы многое можем. *Калининградский комсомолец*.
- Илларионов, И. (1988, июль 9). История. Культура. Современность. *Калининградский комсомолец*.
- Климентов, В. (1988, июль 9). Прочитал «открытое письмо». *Калининградский комсомолец*.
- Костяшов, Ю. В. (2003). Изгнание прусского духа: Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. *Калининградский государственный университет*.
- Костяшов, Ю. В. (2017). Восприятие и мемориализация культурного прошлого Кёнигсберга в современном Калининграде. В *Модернизация культуры: От человека традиции к креативному субъекту* (Т. 1, сс. 237–241). Самарский государственный институт культуры.
- Кретинин, Г. В. (2015). Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960). *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 12, 61–66.
- Крутик, А. (1988, январь 30). Идею поддерживаю. *Калининградский комсомолец*.
- Михайлов, М., & Сотников, Д. (1988, март 26). Странная тенденция. *Калининградский комсомолец*.
- Николаева, Ж. В. (2021). Черта идентичности: Становление города. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(1), 144–159. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.258>
- Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж., & Винок, М. (1999). *Франция-память*. Издательство СПбГУ.
- Павлов, Ю. (1988, март 26). Позиция не устраивает. *Калининградский комсомолец*.
- Павлова, А. (1988, апрель 16). Строки из писем. *Калининградский комсомолец*.
- Рожков, К. (1988, апрель 16). Что под силу туристу? *Калининградский комсомолец*.
- Седов В. (1989, август 5). Мертвый остров, или сенсации могло не состояться. *Калининградский комсомолец*.
- Согрин, В. В. (1992). Перестройка: Итоги и уроки. *Общественные науки и современность*, 1, 133–147.
- Стеблов, К. (1988, январь 30). Идею создания фонда поддерживаю. *Калининградский комсомолец*.
- Храппа, В. (1988, апрель 23). Мы – народ. *Калининградский комсомолец*.
- Шуб, М. Л. (2016). Современные коммеморативные практики. *Челябинский гуманитарий*, 36(3), 80–87.
- Шукуров, Р. М. (1999). *Чужое: Опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья*. Алетейя.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2016). «Власть земли»: Формирование новой инаковости в условиях фронта. *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 9–21.

References

- Artyushenko, V. (1988, March 26). Zdravstvuy, «Komsomolets»! *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Baranova, E. V., Davidenko, A. A., Dement'ev, I. O., Kostyashov, Yu. V., Kretinin, G. V., Mankevich, D. V., Maslov, V. N., Megem, M. E., Filev, M. V., & Shepel', Ya. G. (2022). "Sovetskiy narod" na kraynem zapade Rossii 1945–1991): Teoriya i praktika formirovaniya «novoy istoricheskoy obshchnosti v Kaliningradskoy oblasti. Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta. (In Russian).
- Belintseva, I. V. (2020). *Arkhitektura Vostochnoy Prussii: Fakty i interpretatsii*. Zhivem. (In Russian).
- Brovko, A. A. (1988, January 30). S pometkoy "Zvezdochet". *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Dement'ev, I. O. (2015). A 'divided history': the politics of memory on the territory of the former East Prussia in the light of current discussions. *Baltiyskiy region*, 4, 105–120. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-6> (In Russian).
- Dorogavtseva, I. S. (2006). *Problema Drugogo v zapadnoy kul'ture* [PhD Thesis]. Chita. (In Russian).
- Erokhina, O. V., & Zakharov, V. Yu. (2023). «The Other/Own/Alien»: Paradoxes of Perception of Germans in the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(1), 32–46. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.494> (In Russian).
- Galtsov, V. I. (2017). Reflections on the History of the Kaliningrad Region. *Slovo.ru: baltiyskiy accent*, 8, 7–17. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-2-1> (In Russian).
- Ganin, V. (1988, April 16). Stroki iz pisem. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Garskova, I. M. (2018). *Istoricheskaya informatika. Evolyutsiya mezhdistitsiplinarnogo napravleniya*. Aleteyya. (In Russian).
- Gordeev, I. (1988, July 9). S chego nachinaetsya Rodina. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Gubin, A. (1990, November 17). Kenigsbergskaya letopis'. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Illarionov, I. (1988, July 9). Istoriya. Kul'tura. Sovremennost'. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Ivanov, Yu. (1987, January 25). Sunduk Kanta. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Ivanov, Yu. (1988, January 16). My mnogoe mozhem. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Khrappa, V. (1988, April 23). My – narod. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Klimentov, V. (1988, July 9). Prochital "otkrytoe pis'mo". *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Kostyashov, Yu. V. (2003). *Izgnanie prusskogo dukha: Kak formirovalos' istoricheskoe soznanie naseleniya Kaliningradskoy oblasti v poslevoennye gody*. Kaliningradskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russian).
- Kostyashov, Yu. V. (2017). Vospriyatie i memorializatsiya kul'turnogo proshlogo Kenigsberga v sovremennom Kaliningrade. In *Modernizatsiya kul'tury: Ot cheloveka traditsii k kreativnomu sub'ektu* (Vol. 1, pp. 237–241). Samarskiy gosudarstvennyy institut kul'tury. (In Russian).
- Kretinin, G. V. (2015). Ob istokakh formirovaniya istoricheskoy pamyati zhitel'ey Kaliningradskoy oblasti (1945–1960). *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*, 12, 61–66. (In Russian).
- Krutik, A. (1988, January 30). Ideyu podderzhivayu. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).

- Mikhaylov, M., & Sotnikov, D. (1988, March 26). Strannaya tendentsiya. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Nikolaeva, Zh. V. (2021). The Identity Feature: the Emergence of the City. *Journal of Frontier Studies*, 6(1), 144–159. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.258> (In Russian).
- Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh., & Vinok, M. (1999). *Frantsiya-pamyat'*. Izdatel'stvo SPbGU. (In Russian).
- Pavlov, Yu. (1988, March 26). Pozitsiya ne ustraivaet. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Pavlova, A. (1988, April 16). Stroki iz pisem. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Rozhkov, K. (1988, April 16). Chto pod silu turistu? *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Sedov V. (1989, August 5). Mertvyy ostrov, ili sensatsii moglo ne sostoyat'sya. *Kaliningradskiy komso-molets*. (In Russian).
- Shub, M. L. (2016). Sovremennye kommемorativnye praktiki. *Chelyabinskii gumanitarniy*, 36(3), 80–87. (In Russian).
- Shukurov, R. M. (1999). *Chuzhoe: Opyty preodoleniya. Ocherki iz istorii kul'tury Sredizemnomor'ya*. Aleteya. (In Russian).
- Sogrin, V. V. (1992). Perestroyka: Itogi i uroki. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1, 133–147. (In Russian).
- Steblov, K. (1988, January 30). Ideyu sozdaniya fonda podderzhivayu. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Vlasova D. (1989, April 8). Kenigsbergskiy detektiv. *Kaliningradskiy komsomolets*. (In Russian).
- Waldenfels, B. (1995). Svoya kul'tura i chuzhaya kul'tura. Paradoks nauki o “chuzhom”. *Logos*, 6, 77–94. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2016). “Power of land”: formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies*, 1, 9–21. (In Russian).

The Role of Weather and the Natural-Climate Factor in the Daily Nomadic Life of the Kalmyks in the Context of Traditional Nature Utilization: Effective Frontier Practices

Ellara U. Omakaeva¹ & Ekaterina N. Badmaeva²

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Elista, Russia

Received: 23 July 2023 | Revised: 22 October 2023 | Accepted: 3 November 2023

Abstract

The article is devoted to the role of the climate factor and weather in the everyday nomadic life and history of the Kalmyks, closely linked with traditional nature management. Based on the study of published and archival materials from the State Archive of the Astrakhan Region, the State Archive of the Saratov Region, and the National Archive of the Republic of Kalmykia, the article examines the main features of the nature management system, the functioning and life of the Kalmyk nomadic society in new geographical conditions, and analyzes the processes of adaptation of nomads to the specific resources of an arid ecosystem. For the Kalmyks, who led a nomadic lifestyle in the past, nature was not only a habitat but also the basis of life. Moving in search of pastures for livestock, Kalmyk pastoralists learned to use natural resources rationally. The article shows how people tried to harness these resources through magical rites. The nomadic way of life, the economic structure, the natural landscape, and the life of the nomad cattle breeder – all predetermined the nature of magic as a whole. Special attention is paid to a system of prohibitions related to nature, land, and water. “Russia’s Steppe Frontier” is an invaluable resource for understanding the Kalmyks’ historical experience in the field of nature management.

Keywords

History; Climate; Weather; Nomadic Life; Kalmyks; Adaptation; Frontier Studies; Nature Management and Folk Knowledge; Arid Ecosystem; Pastoralists

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: elomakaeva@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8965-0058>

2 Email: en-badmaeva@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4472-5535>

Роль погоды и природно-климатического фактора в повседневной кочевой жизни калмыков в контексте традиционного природопользования: эффективные фронтирные практики

Омакаева Элара Уляевна¹, Бадмаева Екатерина Николаевна²

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. Элиста, Россия

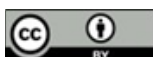
Рукопись получена: 23 июля 2023 | Пересмотрена: 22 октября 2023 | Принята: 3 ноября 2023

Аннотация

Статья посвящена роли климатического фактора и погоды в повседневной кочевой жизни и истории калмыков, тесно связанных с традиционным природопользованием. На основе изучения опубликованных и архивных оригинальных материалов Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Саратовской области и Национального архива Республики Калмыкия в статье рассматриваются основные особенности системы природопользования, функционирования и жизни калмыцкого кочевого общества в новых географических условиях, анализируются процессы адаптации кочевников к специфическим ресурсам аридной экосистемы. Для калмыков, которые в прошлом вели кочевой образ жизни, природа является не только средой обитания, но и основой жизни. Перемещаясь в поисках пастбищ для скота, калмыцкие скотоводы научились рационально использовать природные ресурсы. Показано, как люди пытались поставить их на службу магическими обрядами. Кочевой образ жизни, хозяйственный уклад, природный ландшафт и образ жизни кочевника-скотовода предопределили характер магии в целом. Особое внимание уделено системе запретов, связанных с природой, землей и водой. «Степной рубеж России» — бесценный ресурс для осмысления исторического опыта калмыков в области природопользования.

Ключевые слова

история; климат; погода; кочевая жизнь; калмыки; адаптация; фронтирное исследование; природопользование и народные знания; аридная экосистема; скотоводы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [elomakaeva\[at\]mail.ru](mailto:elomakaeva[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8965-0058>

2 Email: [en-badmaeva\[at\]yandex.ru](mailto:en-badmaeva[at]yandex.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4472-5535>

Introduction

Kalmyk steppe is the conventional name for the frontier steppe region in the northwestern part of the Caspian lowland. The Oirats, the ancestors of modern Kalmyks, migrated here at the end of the 16th–17th centuries from Dzungaria. The Kalmyk steppe was an administrative-territorial unit within the Astrakhan province of the Russian Empire.

The study deals with the history of the relations between the Kalmyks and the peoples of the given area, including Russians. In the process of developing new territories, peoples constantly had to come into contact with representatives of other cultures. During these contacts methods of communication and perception of the Alien were developed.

The geographical framework of the study is the territory of the Kalmyk steppe, a special administrative unit of the Astrakhan province, in which the nomadic Kalmyk population with a traditional way of life lived, and the territory of the Kalmyk Autonomous Region (1920), the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic (1935).

The paper is structured chronologically, following the process of incorporation of the Kalmyk steppe region into the Russian Empire over the course of the seventeenth to nineteenth centuries. It is concerned with the final period of the end of the late nineteenth century–the beginning of the twentieth century, which was accompanied by the evolution of government policy towards land settlement. The chronological scope of the work covers the end of the 19th century – 1943 (deportation of the Kalmyk people to the eastern regions of the country). Studying the problem within the specified chronological framework allows us to analyze changes in the economic activities, lifestyle, and worldview of former nomads.

The main subject of our study is the role of climate factor and weather in the context of traditional nature management and efficient frontier practices. The choice of this research subject is based on the frontier nature of the region and the frontier practices of traditional environmental management. Previously, the Kalmyk natural and economic complex was considered from a broader historical and geographical perspective.

This problem is associated with the adaptation of the Kalmyks to the new conditions and their interaction with Russian peasants-settlers in the Kalmyk steppe, which was generally peaceful. The topic that we discuss here is without question of the foremost importance to the history of the Kalmyks in Russia.

We used a corpus of varied materials relating to the history of the relationship between Kalmyks and their steppe neighbors, including some archival documents and field data.

Background

In recent decades, researchers' interest in nomadism has grown significantly. The influence of the natural environment on the formation of the cultural and economic identity of various peoples, including those for whom the main economic and cultural type is nomadic and semi-nomadic cattle breeding, including the Kalmyks, is indisputable. This topic has been deeply studied in domestic and foreign research. Here we can recall the classic work of E. E. Evans-Pritchard on the nomadic pastoralists of North Africa (Evans-Pritchard, 1985), the works of N. L. Zhukovskaya about the Mongolian nomads and many other authors.

Speaking about the current stage of historiography concerning the history of nomadic peoples, it should be noted that there has been a complete rethinking and change of scientific paradigms, new methodological approaches to the history of nomadism have been developed, taking into account the mutual influence of foreign and domestic concepts, which is confirmed by the scientific works of contemporary Russian and foreign researchers (Trepavlov, 2015; Kradin, 2006; Vasyutin, 2005; Masanov, 1995; Khodarkovsky, 2002; 2019, etc.). Michael Khodarkovsky, examining the Steppe as a frontier region, considers the points of conflict and cooperation between settled and nomadic societies.

Regarding the current state of research on the stated issues in world science, it is necessary to analyze the publications of an earlier period. In connection with the transformation of the lifestyle and way of life of nomads, their transition to a sedentary lifestyle and changes in the forms of economy, research works appeared with different views and assessments of the nature and degree of influence of natural conditions on the historical development of nomadic societies (Radlov, 1882; Radlov, 1883; Aristov, 2003, etc.).

A number of works are devoted to the analysis of the role of the frontier in the history of the Kalmyk ethnic group and the Caspian region of Russia (Tsyuryumov, 2012; Andreeva, 2017, etc.).

Climate change is one of the global environmental problems of our time. Natural and climatic factors have always had and still have a huge impact on the life and development of society. In the history of mankind, this is one of the most important characteristics of the natural environment: "The dependence of mankind on the nature surrounding it, that is, on the geographical environment, is undeniable" (Gumilyov, 1972, p. 44).

The economic activity of nomadic peoples, the peculiarities of their life are closely connected with the landscape and climate of the inhabited territory. Nomadic pastoralism is traditionally regarded as a way of adapting the economic system to local natural and climatic conditions (Gumilyov, 1987, p. 64).

There are indeed many issues that have yet to be properly researched (Yakushenkov & Yakushenkova, 2014; 2016; Badmaeva & Omakaeva, 2021; 2022, etc.).

Scientists have tried and are still trying to comprehend the role of the natural and climatic factor (Drobyshev, 2017) in the life and political history of the nomadic peoples of Central Asia in the light of ideas about the sacred nature of the supreme power. This is what the relatively recent work of the famous Orientalist-historian Yu. I. Drobyshev is devoted to (2018).

Another monograph by the author, being a logical continuation of his work “Man and Nature in the Nomadic Societies of Central Asia (3d century BC– 16th century AD)”, published earlier (Drobyshev, 2014), is just as relevant and in demand. The publication of this book, as well as the previous monograph, naturally aroused interest among specialists involved in the study of nomads (Tishin, 2016; 2020). Yu. Drobyshev considers in detail the issue of the influence of climate and weather on the course of battles, campaigns and other events. Thus, the climate influenced the timing of military campaigns: “The military activity of the nomads had a clearly pronounced seasonal character” (2018, p. 69).

Territory, settlement, cattle breeding, and agriculture

Closely linked with the other Central Asian nomadic peoples, the Kalmyks have historical and ethnocultural peculiarities which distinguish them from their eastern relatives. The Oirat ancestors of the Volga Kalmyks left Dzungaria for the Caspian steppes in the early 17th century. Arriving in new land, they changed their environment in all aspects: climate, way of life, surroundings.

Nomadic researchers note that “the geographical factor in the modern historiography of nomadism is clearly insufficiently represented, mainly only in connection with the study of certain aspects of the economy of the nomads” (Masanov, 1995, p. 13).

Let's consider local forms of interaction with the environment and frontier practices of adaptation not only in the historical-geographical or economic-economic context, but also in the linguocultural, spiritual-mental perspective (Omakaeva, 2005; 2006).

The subject of the study is the analysis of the influence of natural conditions in which the life and economic activity of nomads has occurred, and the formation of the characteristics of the material culture and mentality of the Kalmyks.

In Russian historiography, it is noted that the transition from nomadic to semi-nomadic and sedentary animal husbandry could not but affect the process of settling the nomadic population of the Kalmyk steppe (Kostenkov, 1870; Palmov, 1925; Erdniev, 1964; Komandzhayev, 1999; Gunaev, 2022, etc.). Agriculture was seen as an aid to cattle breeding.

The world of nomads has always been terra incognita for the inhabitants of settled agricultural civilizations (Kradin, 2001, p. 108). The development of agriculture in the Kalmyk steppe is associated with the transition to a settled way of life (Badmaeva & Erdneeva, 2022). The Soviet government took measures to settle

the Kalmyks and spread agriculture among them. The sown area of the Kalmyk Autonomous Region grew from year to year and by 1926 had already reached 50,000 hectares. The most prosperous in terms of water cut are Ergeni, i. e. a hill separating the low-lying Caspian steppe from the high plain of the Don region, in particular, the spring area, which extends in a narrow strip along the watershed ridge of Ergeni from south to north (SASR. F. R-841. Op. 1. D. 14. L. 27).

Ergeni was the birthplace of agriculture. Kalmyks who switched to a settled way of life were entitled to certain benefits: they were endowed with land.

The State Archive of the Saratov region has a document called “The state of agriculture and the tasks of the land and economic organization of the Kalmyk region in connection with the settling (according to the conclusions of the preliminary processing of survey materials of the Volga colonization expedition of 1924)” (SASR. F. R-841. Op. 1. D. 66. L. 2). The section “The Current Situation of Agriculture and Its Movement in the Past” states: “Only in the materials of surveys of the Kuma-Manych Expedition for 1868, there is an indication that 153 families were engaged in farming in the Kalmyk steppe with plowing of 1120 acres. Further, there is a reservation that the sowers were mainly those who lived in Russian villages” (SASR. F. R-841. Op. 1. D. 66. L. 2). As K. Kostenkov writes, “from this number, in addition, it is necessary to turn off a significant number of peasants who plow the land together with the Kalmyks, so that there will be only a few very modest units of Kalmyk nomads who have taken up agriculture” (1870).

Kalmyks during their migrations passed *malyn idg uga hazr* ‘land without pasture’. The production cycle of pastoralists consisted of grazing in winter and in the warm season. Territories suitable for keeping livestock were needed. Suitable land was considered to be land with soil, topography, and climate characteristics consistent with efficient cattle breeding. The land was allocated for summer and winter pastures. When it was warm and windless, cattle grazed on hills, windward sides of slopes and hills, in cold weather – in hollows, reeds, bushes, etc. As for the reeds, it does not have much importance as a fodder. Here it is more used for buildings (reed houses, huts, etc.) and fuel. Huge reed thickets along the *ilmens* are not completely used by the Kalmyks, representing less valuable raw materials for them (SASR. F.R-841. Op. 1. D. 298. L. 13).

Kalmyk ideas about land and water

The land was the basis of life support for the nomad (Sanzhina, 2007; Esenova, 2011; Mulaeva, 2019, etc.). The image of the earth in the perception of the Kalmyk nomad is closely merged with the image of not only the sky, but also water. Water was of great importance for the Kalmyk pastoralists. Water is not only a separate liquid substance intended for drinking and purification, but also an attribute of hydrographic objects (rivers, lakes, seas, oceans).

Water (*usn*) and earth (*shora*) are considered the most important primary elements (*mahmud*).

The Earth, like the Heaven, is attributed as the beginning of all things: the sky is the father, the earth is the mother. Moreover, the Earth acquires the properties of a chthonic deity, which is called *hazr usn* (Earth-Water). Various natural anomalies and elements were interpreted as signs of Heaven.

But back to earth. The concept of earth includes both physically localized linear space (*hazr*) and solid substance (*shora*). No less important is the figurative meaning of the word – *hazr* ‘land, world’.

Ideas about the earth are closely connected with the concept of the Motherland. The starting point for the Kalmyks was the ancestral nomad camp—*tərskn hazr* ‘homeland, native land’.

In the Kalmyk language, the word *əvсн* denotes the generic term ‘grass’. There is a variety of grass suitable for livestock feed, for example: *əлн* ‘green grass’, *hagd* ‘last year’s grass’.

The concept of *shora* ‘earth’ is also connected with the meaning ‘dust, sand’: *shorad dargdh* ‘to be covered with earth’. The concept of sand became relevant for the Kalmyks in the new territory.

In the Astrakhan province during the imperial period, sandy steppes occupied the entire eastern part of the Kalmyk steppe on the right side of the Volga and the entire left bank, starting from the Cherny Yar (SAAR. F. R-622. Op. 1. D. 137. L. 57).

The special word *elsn* ‘sand’ is found in phrases: *elsn shora* ‘dust and sand’; *elsn ulan* ‘sand dunes’; *elsn shuurhn* ‘sand storm’.

By the way, it was “the word *elsn* that gave the name of the modern capital of the Republic of Kalmykia—the city of Elista: *els* + *tə* ‘with sand, sandy’. The area where the city is located is distinguished by sandy soil, this characteristic of the place is the basis for the nomination of the settlement as a whole” (Esenova, 2011, p. 41). This oikonym, like many other toponyms, testifies to the importance of the feature indicating the characteristics of the soil surface for nomads. In such names, an important sign of the territory is fixed from the point of view of the cattle breeder.

For the historical territories inhabited by the Oirats, the ancestors of modern Kalmyks, sands and dunes were not particularly relevant. However, with the arrival of the new territory in connection with economic activity, land degradation occurred, and, as a result, desertification is being combated today.

The Kalmyk language has a special word for a desert area – *kəḁə*. Any deserted place is called by the word *kəḁə*: both a desert field and a steppe. So, the deserted, white-burnt steppe is called *əжго erm tsahan kəḁə*. A worthy death for a man, according to the Kalmyks, is death in the vast, desert steppe: *Zalu kыпнə γкl əжго erm tsahan kəḁə*.

The central place in the spatial representations of the Kalmyks is occupied by the *teg* 'steppe'. The steppe, unlike mountains or forests, is characterized by a flat horizon, where nothing obstructs the view.

Here, an important attributive feature is 'infinity, no limit'. This sign turns out to be an integral characteristic of a spatial object.

Another important marker of the Kalmyk steppe is desertedness: *ежго erm tsahan teg*, 'deserted steppe'; *ezn uga erm tsahan teg*, where *ezn* is the owner, *uga* is no, *erm* is naked, empty; *tsahan* – white; *teg* – steppe.

Life in the deserted steppe formed an important feature of the national character of the Kalmyk herders – laconicism, restraint.

Characteristics of the land fund of the Kalmyk Autonomous Region

The Kalmyks called the flat area *tal* 'open space, field, plain'.

For the successful conduct of economic activities for pastoralists, the main thing is *idg*, 'pasture'. *Buurldata idg*, 'wormwood pastures', were highly valued, *kødän idg*, 'desert pastures', *kødä teegin idg*, 'semi-desert pastures', *teegin idg*, 'steppe pastures' were distinguished.

The researchers note that "depending on the season, livestock was grazed on certain pastures, which allowed the herbage to be preserved and eliminated soil degradation. There was a group *idg*, 'distant pastures' and *uwlæn, uvlın idg* 'winter pastures'. The steppe salt licks (*teegin khujrmud*) were also important. There are special territories called *khar hazr* – 'black lands'. These lands are practically not used for grazing in the summer due to low watering, and by winter they retain a good herbage, being a reserve fund for winter grazing. In winter, the land there was not covered with snow, and therefore cattle could graze in winter (NARK. F. R-3. Op. 2. D. 667. L. 155; D. 533. L. 156).

Today in the Republic of Kalmykia there is *Khar hazr* district 'Chernozemelsky district', which is famous for its distant pastures. These pastures are leased to neighboring regions" (Esenova, 2011, p. 42).

In the desert area (*kødä teg*) there were oases (*kødä dundk urhmlta hazr*), where one could rest in the shade and enjoy the water.

The Kalmyks distinguished different types of meadows. For pastoralists, water meadows were important, on which, after the water receded, grasses grew abundantly, which had special nutritional properties. For agricultural needs, a special type of meadow was specially distinguished – *tseev* 'floodplain meadow'. Cattle could graze in the *tsarng* (estuaries). The presence of estuaries motivates the name of the administrative center of the Oktyabrsky district of modern Kalmykia. We are talking about the village of Bolshoy Tsaryn.

Firth irrigation in the steppe region was extremely necessary (SASR. F. R-841. Op. 1. D. 14. L. 28). In Soviet times, an irrigation canal was laid across this territory, the waters of which were used to grow *tutrh* 'rice', a new crop for Kalmyks.

In the "Materials of a statistical-economic and natural-historical survey of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province" for 1910, it is noted that in connection with the transition to semi-nomadic cattle breeding, the Kalmyks began to prepare feed for livestock, "such rich meadows were formed, producing a huge amount of hay, the reserves of which stacked in stacks" (NARK. F. I-9. Op. 4. D. 1695. L. 105).

The climatic features of the region largely determined the uniqueness of the flora and fauna of Kalmykia. It is interesting what types of vegetation were relevant for nomads, for what reasons the steppe cover changed over time.

The Kalmyk flora

Plants and man... Plants, first of all, symbolize a close relationship with the earth. It is impossible to imagine our earth, the surrounding world without these green friends of humanity. One of the ancient Russian manuscripts says: "The earth is like a person, only instead of hair it has trees and grass".

Flora is a historically established set of all plant species of a territory. Wild plants, together with the main cultivated and cultivated species, constitute the plant wealth of the Kalmyk flora. Perennial herbaceous plants predominate here, in particular, turf grasses (feather grass, fescue, serpentine, thin-legged, wheatgrass, etc.), various types of sedges, wormwood, and herbs. The steppe flora served as a fodder base for the nomadic pastoral civilization.

There are plant species that grow almost everywhere: for example, fescue grass, etc. Some species are found only in a certain area (they are called endemics). Each type of plants has certain requirements for environmental conditions.

Vegetation determines the appearance of the territory. Among the steppe flora, plants of great economic importance are distinguished. This is mainly fodder vegetation that grows in the steppe and forms pasture lands. A key place in the flora of Kalmykia is occupied by fodder plants, mainly pasture plants (196 species).

The world of flora is a "magic book of nature", which is originally beautiful and given to man in order to see this beauty. Steppe grasses formed the basis of many poetic images of Kalmyk folklore and poetry. Thus, the image of the *buurl teg* 'gray steppe' is motivated by the color of the most famous type of steppe wormwood *buurlda* (*Artemisia absinthium*), which has medicinal properties. Color gives a special charm to all wormwood: the plant is distinguished by gray shades with a silvery coating. Another name for this plant is *sharlæn* (from *shar* 'yellow'). Kalmyks associate their native steppe with the tart smell of wormwood. The ability of this plant to grow in difficult climatic conditions (under the mercilessly scorching sun and piercing winds) on infertile and waterless soils is simply amazing.

There is a touching legend about the reason for the appearance of wormwood in the Kalmyk steppe. It is about a poor beautiful girl named Polyn' and a rich young man named Kovyl. Having escaped to the steppe from an obsessive guy, the girl asked for asylum near the steppe, forever remaining in it in the form of a plant. Another well-known herb is mentioned in this legend. This is feather grass, in Kalmyk *tsahan øvsn* 'white grass'.

The four kinds of livestock of the Kalmyks: *dörbn züsn mal*

Livestock is the main source of wealth of Nomad, and the economy substantially depends on its production and development. Livestock keeping provided food, clothing, and means of transportation. Animal husbandry based on extensive pastoralism was the basis of the traditional nomadic economy.

Nomadic cattle-breeding vocabulary is very rich. Oirats (Kalmyks) prefer the four kinds of livestock (*dörbn züsn mal*), the basis of nomadic wellbeing (Erdniev, 1980). These are *ükr* 'cow', *khön* 'sheep', *temän* 'camel', *mörn* 'horse'. Goats were used to facilitate the grazing of numerous sheep in the steppe; it was believed that the goats lead the flock in the right direction.

Horses and sheep constituted the backbone of the nomad pastoral economy. The veneration of horse and sheep and giving them the status of "hot-breathing" animals is "due to the fact that they occupied key positions in the mythological genealogy of nomads" (Sodnompilova & Nanzatov, 2020, p. 96).

A horse is the most beloved creature of the Nomads. Horse breeding in a nomadic society traditionally occupied an important place in economic activity. This was reflected in the Kalmyk proverbs and sayings, praising the qualities of a horse, a pacer. For example: Kalm. *Agtyn biid – er taltn, avalin biid – em taltn*: As long as there is a horse, a man is confident in himself, while a legal husband is alive, a woman is confident in herself. *Sən yr cholun erst orkhñ bat, sən mörn burgdt orkhñ khurdn*: A good friend is stronger than a stone wall, and a good horse is faster than a golden eagle.

Horses were distinguished for their speed and endurance. They were herded in groups called *adun*, consisting of 100 to 200 horses.

Sheep were used as sacrificial animals. The sheep was dedicated to the popular among the Kalmyks deities *Tsagan Aav* (White Elder) and *Okon-Tengri*. L. Erdenebold in his work describes the rite of dedication of a yellow-headed sheep to the constellation Ursa Major, which was once common among the Altai Uriankhians (2012, p. 98).

The image of a yellow-headed sheep is found in Kalmyk folklore. Here is an example of a Kalmyk riddle: *Жирлһнә тса әҗирн шар толһата khөн (тәрәнә толһа)* 'Behind the mirage are sixty yellow-headed sheep' (ears of wheat). This riddle reflects the idea of the Kalmyks about the ears of wheat as about 60 yellow-headed sheep. The correlation of "sheep" and "ears" is based on the zoofact-phytofact

metaphorical model, which is so close to the nomads. Implicitly, this riddle reflects the view of the nomads on the surrounding endless space, covered with ears of wheat, as filled with sheep, since the number 60 marks the age.

The ram's shoulder was used as a divinatory tool (Ochirova, 2008), and the tibia as a talisman. Mutton is the preferred meat for Kalmyks and it is prepared in a variety of dishes.

We found an interesting message about a ram's leg falling into a pit (burrow) in the work of U. Dushan:

"Of great importance for the Kalmyks was the case of a ram or goat getting into a pit with a foot. The Kalmyks believe that these animals can put their feet into the pit only as a result of the machinations of unclean forces. Such animals portend great misfortunes to their master. Their owner has no right to touch and help free their leg from the pit. Such help can bring misfortune. Such an animal can only be touched by a spiritual person, and no one else. This is reported to some Gelung or Khurul, who take a ram or a goat for themselves. Since there is no shortage of ground squirrels and other similar animals in the steppe, there are also decent burrows. Hence, getting animals into burrows is far from a rare occurrence" (2016, p. 373).

Camels and cows were of relatively less significance. Camel was used for transportation of household goods during migrations.

A person born in the year of a certain animal (Sheep, Horse, Cow) should not kill that animal.

A system of prohibitions

Respect for land and water was formed through a system of prohibitions. It was strictly forbidden to injure the earth with sharp objects, for example, a knife, to draw on it, especially to dig out the earth more than one handful, thereby violating the integrity of its soil surface.

"Digging the ground is considered a bad omen because it's tantamount to digging your own grave. You can't destroy the roots [of plants. – E.O., E.B.], because you yourself will be left without it. It is impossible to plow without destroying the roots, hence the reluctance to engage in farming" (NA RK. F. R-3. Op. 5. D. 51. L. 130).

This could lead to the destruction of pastures, changes in the structure of plants, etc. If it was necessary to lay the foundation of a building or dig wells, it was necessary to conduct a special ritual of obtaining permission for these actions and a magical rite.

The availability of water resources was the main condition for the economic activity of Kalmyk nomads. Kalmyks said: "Be careful about water sources. Use well-cleaned buckets when taking water from springs". It is strictly forbidden to pour blood or milk into the water of the spring, to wash dirty things, to defecate in the nearby area, to kill fish and water insects. It is strictly forbidden to bring down houses from milking households on the upper side of the source of water, to pollute and muddy the water, to wash the body because the spring water is raw

water, and to take water from the well with a sooty pot. It was forbidden to swim in the river, draw water with gold and silver dishes.

It is necessary to use water from a spring within reasonable limits, otherwise the earth and water will “revolt”, which can lead to destructive natural disasters (earthquake, storm, strong wind, storm, tornado, hurricane). Violation of all these prohibitions entailed misfortune.

In the 19th century the Russian state, placing great emphasis on the development of livestock farming and providing the population of the empire with food, began to pay increased attention to the development of state programs for irrigation of the steppe and water supply to the nomadic population.

The Kalmyks roamed mainly where there were natural water resources, but due to the increase in the number of livestock, they had to master a new occupation – the construction of wells and *khuduks*.

On the territory of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province there were no large river basins, except for the Volga River, a large water artery. “Only settlements located on the banks of the Volga and its delta use fresh Volga water or the water of the Eriks and Ilmens, separated from the Volga. The population of the rest of Kalmykia uses ground salt water (*khuduks*, etc.)” (NA RK. F. R-3. Op. 5. D. 51. L. 132).

“Local people have repeatedly tried to get good [fresh.– E.O., E.B.] water. They erected dams, dug *khuduks* and wells, but to no avail. The groundwater quickly went into the sandy soil, evaporated and spoiled, and even the cattle did not drink the bitter-salty groundwater” (NA RK. F. I-9, Op. 5. D. 1835. L. 21). Thus, the water in them was not always fresh.

Mining engineer Alekseev wrote to the chief trustee of the Yandyko-Mochazhny ulus M. Sokolov that “there is no fresh water in the Bargasyn-Nur tract. This happened because the old people of the mentioned family did not agree to drill more than two wells” (NA RK. F. I-9. Op. 5. D. 371. L. 4a).

“Since watering cattle is the main concern of nomads in the summer” (Kornilov, 1854, p. 22), the Kalmyks knew perfectly well the quality of river and lake water, where and at what depth soil waters are kept. According to the steppe people, the best and shallowest water is found in quick sands lying on clay subsoil. Therefore, they located their tents not far from such sands (Kornilov, 1854, p. 23).

The wells of the nomads were divided into seasonal (winter, summer) and permanent. The number of *khuduks* and wells in the Kalmyk steppe increased every year. In 1890 there were 26 new wells (with log houses) and 95 *khuduks* (without log houses). In conditions of a hot climate and a lack of drinking water, each well in the Kalmyk steppe was strictly registered, and also had its own name.

Among the Kalmyks there were people who knew where to build wells. From the report of the head of the Aleksandrovsy ulus M. Fedorov to the Administration of the Kalmyk people on October 8, 1890: “I have the honor to inform the UKN that there are no wells in need of construction yet, with the exception of the noyon of

Tyumen, which can itself indicate places for the construction of wells” (NA RK. F. I-9. Op. 5. D. 371. L. 11). And today, according to our field data, farmers are looking for places where there is water, inviting knowing people who carried out their research early in the morning using folk signs, observing vegetation and animals. The bright color and abundance of moisture-loving vegetation (sedge, reeds, cattails, willow, willow, coltsfoot, etc.) indicated that it was possible to dig a well in this place. There were certain days in the year that were considered the best to start a well (AFM).

Rain and wind as natural phenomena

Rain for the Kalmyks was a question of life and death. As U. Dushan notes, “Kalmyks are no less interested in rain than anyone peasant farmer. The state of the pasture depends on the rains” (2016, p. 178). Special authority among the population enjoyed *zadchi*, who commanded the rain.

As for the causes of rain, the Kalmyks said:

“According to the Kalmyks, rain can also be caused by simply shaking off objects. A severe thunderstorm can break out if a white object (milk, flour, etc.) is taken outside on a cloudy day. Therefore, on cloudy days, Kalmyks do not take out such objects from the yurt. If they take it out, they certainly cover it so that the sky does not see them” (Dushan, 2016, p. 183-184).

In the life of the nomads, the winds play a big role. In winter winds accompanied by snowstorms, blizzards, bring ruin to them, because cattle deprived of pasture, die of hunger. In summer the sultry east wind dries steppe, turning it into a continuous bare desert.

A tornado was a particular danger. We are talking about a huge funnel that descends to the ground from a thundercloud. This rare natural phenomenon, called *the hanging dragon* (mong. *luu unzhih*), is reflected in oral traditions (Batmunkh, 2020).

The wind can be a threat to a yurt, a nomad's dwelling. The Kalmyks have a belief about how a person can call the wind: “Kalmyks consider a great sin to stand leaning against gratings of the yurt. This portends the owner of the yurt that there will be a strong wind and the yurt will have to be held in this way, otherwise it may fall” (Dushan, 2016, p. 66).

The Kalmyks have some signs of whether there will be wind or not. If rainbows appear near the sun or moon, this is a sign of strong winds. Exactly also, when at sunset they are shown from the western side of the cloud, then this is also a sign of the winds. The form of the clouds is considered one of the best signs of the possibility of winds. If they resemble the figure of camels, then the Kalmyks say: “Camel clouds have appeared, there will be no peace sky”, and expect strong winds and rains (Dushan, 2016, p. 177).

The relationship of astronomical objects with the weather deserves special attention. The nomads believed that the movement of the Pleiades star cluster across the sky entailed weather changes, but this is a topic for a separate article.

Conclusions

We made an attempt to study the values that have been accumulated by the ecological practice of the Kalmyks in the process of adaptation to the natural environment. Rational methods of housekeeping were identified, from the point of view of adaptability to climatic and weather conditions, environmentally sound principles of everyday life, as well as the influence of the surrounding natural-geographical environment on spiritual culture.

The specificity of the centuries-old pastoral economic activity of the Kalmyk nomads determined the key place of climate in the practice of nature management. This type of economic activity, which was completely dependent on natural conditions, gradually formed the main character traits of the Kalmyks, in which the harmony of man with nature can be traced.

Much attention was paid to folk ethics and traditional mechanisms of control over environmental management. In the future, it will be necessary to identify the possibility of using a number of specific traditional methods of environmental management at the present stage, primarily in the field of cattle breeding.

Since the life of the nomads was completely dependent on the surrounding nature and climatic conditions, the pastoralists developed observation skills; careful attitude to the environment was formed. Kalmyk nomads learned to predict a possible change in the weather by signs and prepare in advance for this. So the nomads formed a special complex of interaction between man and nature, based on a system of ethical rules and norms.

Ecological ethics is considered as part of everyday frontier practices that structure the relationship between the nomad and the natural landscape. We consider frontier practices as borderline between the known and the unknown.

Of particular note is the connection between the weather and the cyclical calendar. Years of the 12-year animal cycle were considered either favorable or unfavorable, depending on the animal symbol of the year. The need to ensure existence in a new natural environment determined the implementation of adaptation in an optimally short time frame. But the adaptation process actually slowed down due to the direct dependence of the productivity of the work of a Kalmyk nomad, and later also a farmer, on the unpredictable and controllable weather conditions in the region of residence.

The folk knowledge of the Kalmyks in the field of nature management that we have identified and the analyzed historical experience of pastoral and agricultural management can be used today. Modern Kalmyks are facing almost the same problems as their distant ancestors a century ago.

Scientific research on frontier topics shows the multidimensionality and complexity of the problem of both border cultures and territories, as well as regional and local communities. The frontier as a complex, multifaceted phenomenon includes not only economic-geographical, economic-historical, but also philosophical, cultural, spiritual, and mental aspects.

The formation of a special alimentary landscape of the frontier region as the set of practices associated with the production, processing and consumption of food under consideration deserves a separate study.

Acknowledgments

The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No 22-18-00313 “Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)” (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

References

- Andreeva, A. A. (2017). Frontier in the History of Kalmyk Ethnos (Philosophical and Cultural aspects). *Bulletin of Kalmyk University*, 1, 120–125. (In Russian).
- Badmaeva, E. N., & Erdneeva, B. A. (2022). Natural and Climatic Conditions of the Territory and Agriculture in Kalmykia (1917–1925). *Genesis: Historical research*, 9, 111–122. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2022.9.38680> (In Russian).
- Badmaeva, E. N., & Omakaeva, E. U. (2021). Transformation of traditional nomadic societies of the Caspian region in the context of socio-economic policy of the Soviet state in 1920–1930: the current state of the issue. *Nomadic civilization: historical research*, 1(3), 65–78. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2021-1-3-65-78> (In Russian).
- Badmaeva, E. N., & Omakaeva, E. U. (2022). Nomadism and Sedentarization of Eurasian Steppe Nomads in the Second Half of XVIII– First Half of XIX Centuries. *Nomadic civilization: historical research*, 2(1), 18–27. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2022-2-1-18-27> (In Russian).
- Batmunkh, G. (2020). Analysis of the Oral Version of the Legend About «Luu Unzhikh» (Tornado). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center Of The ras*, 3, 174–188. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2020-3-15-174-188> (In Russian).
- Chernik, M. V. (2017). Transgression of Kalmyks of the Astrakhan province in the Lower Volga frontier. *Journal of Frontier Studies*, 3, 7–15. (In Russian).
- Dordzhieva, E. V. (2008). The Tradition and Modernization in Kalmykia in the Period 19th – the Beginning of 20th Centuries. *Izvestiya of Altai State University*, 4–5, 49–52. (In Russian).
- Drobyshev, Yu. I. (2014). *Chelovek i priroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noy Azii (III vek do n.e. – XVI vek n.e.)*. IV RAN. (In Russian).
- Drobyshev, Yu. I. (2017). Klimaticheskiy faktor v istorii i kul'ture kochevnikov Tsentral'noy Azii. In *Sakral'noe na traditsionnom Vostoke* (pp. 110–140). IV RAN. (In Russian).

- Drobyshev, Yu. I. (2018). *Klimat i khany: Rol' klimaticheskogo faktora v politicheskoy istorii Tsentral'noy Azii*. IV RAN. (In Russian).
- Dushan, U. D. (2016). *Izbrannye proizvedeniya* (Batyrov V. V. & Sharaeva T. I., Eds.). KIGI RAN. (In Russian).
- Erdniev, U. E. (1964). K istorii zemledeliya u kalmykov (Astrakhanskaya guberniya). In *Zapiski* (pp. 47–60). KNIIYaLI. (In Russian).
- Esenova, T. S. (2011). «Zemlya» kak lingvokul'turnyy kontsept mental'nogo mira kalmykov. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5, 39–43. (In Russian).
- Evans-Pritchard, E. E. (1985). *Nuery. Opisanie sposobov zhizneobespecheniya i politicheskikh institutov odnogo iz nilotskikh narodov*. Nauka. (In Russian).
- Gumilev, L. N. (1972). *Izmeneniya klimata i migratsii kochevnikov*. *Priroda*, 4, 44–52. (In Russian).
- Gumilev, L. N. (1987). *Lyudi i priroda Velikoy stepi* (Opyt ob"yasneniya nekotorykh detaley istorii kochevnikov). *Voprosy istorii*, 11, 64–77. (In Russian).
- Gunaev, E. A. (2022). Capiton I. Kostenkov about Land Rights of Kalmyks in Astrakhan Governorate: A Review of Sources. *Oriental Studies*, 15(2), 244–258. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-60-2-244-258> (In Russian).
- Khodarkovskiy, M. (2002). *Stepnye rubezhi Rossii: Sozdanie kolonial'noy imperii, 1500–1800 gg*. Izdatel'stvo Indianskogo universiteta. (In Russian).
- Komandzhaev, A. N. (1999). *Khozyaystvo i sotsial'nye otnosheniya v Kalmykii v kontse 19–nachale 20 vv*. Dzhangar. (In Russian).
- Kostenkov, K. I. (1870). *Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoy gubernii: [S kartoy Kalmytskoy stepi]*. Ministerstvo gosudarstvennogo imushchestva. (In Russian).
- Kradin, N. N. (2001). *Kochevniki v mirovom istoricheskom protsesse*. *Filosofiya i obshchestvo*, 2, 108–138. (In Russian).
- Kuz'mina, I. V., & Imamtdinov, V. V. (2020). *Osobennosti zemel'nykh otnosheniy v Kalmytskoy stepi Astrakhanskoy gubernii v kontse XIX–nachale XX vv*. *Astrakhanskije Petrovskie chteniya: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Astrakhan', 19 dekabrya 2019 g.*, 233–235. (In Russian).
- Masanov, N. E. (1995). *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: Osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva*. Sotsinvest – Gorizont. (In Russian).
- Mulaeva, N. M. (2019). The Epic of Jangar: Functioning of the Lexeme *haзp / yazr* 'Earth' Revisited. *Mongolian Studies*, 11(3), 594–612. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-3-594-612> (In Russian).
- National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). (n. d.-a). F. I-9. In. 4. C. 1695. L. 105. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). (n. d.-b). F. R-3. In. 2. C. 533. L. 156. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). (n. d.-c). F. R-3. In. 2. C. 667. L. 155. (In Russian).
- Ochirova, B. B. (2008). The Basic Ways of Using a Sheep's Bone for Guessing Among Mongols and Kalmyks and the Similar Ways of it in Other Cultures. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*, 1, 212–219. (In Russian).

- Omaeava, E. U. (2005). Folk knowledge in the life-support system of the Kalmyk ethnos. *Combating Desertification: Traditional Knowledge and Modern Technology for the Sustainable Management of Dryland Ecosystems: Proceedings of the International Workshop, Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation, 23-27 June 2004*, 117-123.
- Omaeava, E. U. (2006). Vremya, kalendar' i traditsionnye meditsinskie znaniya kalmytskogo etnosa: Opyt osvoeniya prirodnoy sredy. In *Traditsionnoe prirodopol'zovanie i stepnye ekosistemy Kalmykii* (pp. 27-44). Dzhangar. (In Russian).
- Pal'mov, N. N. (1925). Obosedlenie kalmykov i russkaya immigratsiya v Kalmytskuyu step'. *Kalmytskaya oblast'*, 2, 125-145. (In Russian).
- Sanzhina, D. D. (2007). Zemlya v otsenke mongoloyazychnykh narodov. *Chingis-khan i sud'by narodov Evrazii-2: materialy mezhdunar. nauchnoy konf. (Ulan-Ude, 11-12 oktyabrya 2007 g.)*, 507-516. (In Russian).
- Sodnompilova, M. M., & Nanzatov, B. Z. (2020). Magic in Economic Practices of Inner Asian Nomadic Livestock Breeders. *Oriental Studies*, 13(1), 93-105. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-93-105> (In Russian).
- State Archive of Astrakhan Oblast (SAAO). (n. d.). F. R-622. In. 1. C. 137. L. 57. (In Russian).
- State Archive of the Saratov Region (SASR). (n. d.-a). F. R-841. In. 1. C. 14. L. 27. (In Russian).
- State Archive of the Saratov Region (SASR). (n. d.-b). F. R-841. In. 1. C. 298. L. 13. (In Russian).
- State Archive of the Saratov Region (SASR). (n. d.-c). F. R-841. In. 1. C. 66. L. 2. (In Russian).
- State Archive of the Saratov Region (SASR). (n. d.-d). F. R-841. In. 1. C. 298. L. 28. (In Russian).
- Tishin, V. V. (2016). Rets. Na: Yu. I. Drobyshev. Chelovek i priroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noy Azii (III v. Do n.e. – XVI v. N.e.). IV RAN, 2014. 608 s. *Vostok (Oriens)*, 4, 227-238. (In Russian).
- Tsyuryumov, A. V. (2012). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: Cherty frontira. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 1, 22-25. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2014). Transgression in a Condition of Frontier Heterotopia. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 3, 279-284. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2016). "Power of land": formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies*, 1, 9-21. (In Russian).

Список литературы

- Omaeava, E. U. (2005). Folk knowledge in the life-support system of the Kalmyk ethnos. *Combating Desertification: Traditional Knowledge and Modern Technology for the Sustainable Management of Dryland Ecosystems: Proceedings of the International Workshop, Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation, 23-27 June 2004*, 117-123.
- Андреева, А. А. (2017). Фронтир в истории калмыцкого этноса (философско-культурологические аспекты). *Вестник Калмыцкого университета*, 1, 120-125.
- Бадмаева, Е. Н., & Омаева, Э. У. (2021). Трансформация традиционных кочевых обществ Прикаспийского региона в контексте социально-экономической политики Советского государства в 1920-1930-е гг.: Современное состояние вопроса. *Nomadic civilization: historical research*, 1(3), 65-78. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2021-1-3-65-78>

- Бадмаева, Е. Н., & Омакаева, Э. У. (2022). Кочевание и седентаризация номадов Евразийской степи во второй половине XVIII-первой половине XIX вв. *Nomadic civilization: historical research*, 2(1), 18–27. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2022-2-1-18-27>
- Бадмаева, Е. Н., & Эрднеева, Б. А. (2022). Природно-климатические условия территории и земледелие в Калмыкии (1917–1925). *Genesis: исторические исследования*, 9, 111–122. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2022.9.38680>
- Батмөнх, Г. (2020). «Луу унжих» домгийн аман сурвалжийн шинжилгээ (= Исследование устной версии легенды о «Луу унжих» (смерче)). *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*, 3, 174–188. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2020-3-15-174-188>
- Государственный архив Астраханской области (ГААО). (б. д.). Ф. Р-622.Он. 1. Д. 137. Л. 57.
- Государственный архив Саратовской области (ГАСО). (б. д.-а). Ф. Р-841. Он. 1. Д. 14. Л. 27.
- Государственный архив Саратовской области (ГАСО). (б. д.-б). Ф. Р-841. Он. 1. Д. 298. Л. 13.
- Государственный архив Саратовской области (ГАСО). (б. д.-с). Ф. Р-841.Он. 1. Д. 66. Л. 2.
- Государственный архив Саратовской области (ГАСО). (б. д.-д). Ф. Р-841. Он. 1. Д. 298. Л. 28.
- Гумилев, Л. Н. (1972). Изменения климата и миграции кочевников. *Природа*, 4, 44–52.
- Гумилев, Л. Н. (1987). Люди и природа Великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников). *Вопросы истории*, 11, 64–77.
- Гунаев, Э. А. (2022). Костенков К. И. о правах калмыков на землю, предоставленную им в Астраханской губернии: Источниковедческий обзор. *Oriental Studies*, 15(2), 244–258. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-60-2-244-258>
- Дорджиева, Е. В. (2008). Традиция и модернизация в Калмыкии в XIX-начале XX в. *Известия Алтайского государственного университета*, 4–5, 49–52.
- Дробышев, Ю. И. (2014). Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III век до н.э.–XVI век н.э.). ИВ РАН.
- Дробышев, Ю. И. (2017). Климатический фактор в истории и культуре кочевников Центральной Азии. В *Сакральное на традиционном Востоке* (с.с. 110–140). ИВ РАН.
- Дробышев, Ю. И. (2018). Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. ИВ РАН.
- Душан, У. Д. (2016). *Избранные произведения* (Батыров В. В. & Шараева Т. И., Ред.). КИГИ РАН.
- Есенова, Т. С. (2011). «Земля» как лингвокультурный концепт ментального мира калмыков. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 5, 39–43.
- Команджаев, А. Н. (1999). *Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце 19 – начале 20 вв.* Джангар.
- Костенков, К. И. (1870). *Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [С картой Калмыцкой степи]*. Министерство государственного имущества.
- Крадин, Н. Н. (2001). Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество*, 2, 108–138.
- Кузьмина, И. В., & Имамтдинов, В. В. (2020). Особенности земельных отношений в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX-начале XX вв. *Астраханские Петровские чтения: Материалы IV Международной научной конференции, Астрахань, 19 декабря 2019 г.*, 233–235.
- Масанов, Н. Э. (1995). *Кочевая цивилизация казахов: Основы жизнедеятельности кочевнического общества.* Социнвест – Горизонт.

- Мулаева, Н. М. (2019). О функционировании лексемы *хазр* 'земля' (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар»). *Монголоведение*, 11(3), 594–612.
<https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-3-594-612>
- Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). (б. д.-а). Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1695. Л. 105.
- Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). (б. д.-б). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 533. Л. 156.
- Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). (б. д.-с). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 155.
- Омакаева, Э. У. (2006). Время, календарь и традиционные медицинские знания калмыцкого этноса: Опыт освоения природной среды. В *Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии* (с. 27–44). Джангар.
- Очирова, Б. В. (2008). Основные способы гадания у монголов и калмыков по бараньей лопатке и их параллели у других народов. *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*, 1, 212–219.
- Пальмов, Н. Н. (1925). Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь. *Калмыцкая область*, 2, 125–145.
- Санжина, Д. Д. (2007). Земля в оценке монголоязычных народов. *Чингис-хан и судьбы народов Евразии-2: материалы междунар. научной конф. (Улан-Удэ, 11-12 октября 2007 г.)*, 507–516.
- Содномпилова, М. М., & Нанзатов, Б. З. (2020). Магия в хозяйственных практиках скотоводов-кочевников Внутренней Азии. *Oriental Studies*, 13(1), 93–105. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-93-105>
- Тишин, В. В. (2016). Рец. На: Ю. И. Дробышев. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. До н.э. – XVI в. Н.э.). ИВ РАН, 2014. 608 с. *Восток (Oriens)*, 4, 227–238.
- Ходарковский, М. (2002). *Степные рубежи России: Создание колониальной империи, 1500–1800 гг.* Издательство Индианского университета.
- Цюрюмов, А. В. (2012). Калмыцкое ханство в составе России: Черты фронта. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1, 22–25.
- Черник, М. В. (2017). Трансгрессия калмыков Астраханской губернии в Нижневолжском фронтире. *Журнал фронтирных исследований*, 3, 7–15.
- Эванс-Причард, Э. Э. (1985). Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. Наука.
- Эрдниева, У. Э. (1964). К истории земледелия у калмыков (Астраханская губерния). В *Записки* (с. 47–60). КНИИЯЛИ.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2014). Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 279–284.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2016). «Власть земли»: Формирование новой инаковости в условиях фронта. *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 9–21.

Inventing Traditions in Minority Nationalisms: Political Sovereignty and Historical Trauma in the Iroquois Nationalist Imagination

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University. Voronezh, Russia. Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Received: 19 September 2023 | Revised: 14 November 2023 | Accepted: 27 November 2023

Abstract

The author analyzes the characteristics of the invention of traditions in modern Iroquois nationalism, a minority nationalist movement in the United States. The study examines the invention of traditions within the methodological frameworks of modern interdisciplinary historiography, particularly focusing on interventionist and imaginative turns, which are integral to analyzing minority nationalism. The author suggests that: 1) most traditions invented in modern Iroquois nationalism are political; 2) the concepts of “statehood” and “sovereignty” are central to the functioning of these political traditions; 3) the invention of traditions underscores the historical trauma of colonization and the institutionalization of the Iroquois’ unequal status as a minority group; 4) reproducing these invented traditions in political discourse is an effort to revitalize Iroquois identity; 5) the invented traditions of Iroquois nationalism serve a compensatory purpose, aiming to overcome the collective historical trauma of losing their political state tradition. Overall, the author suggests that the development of Iroquois nationalism hinges on the invention of traditions, which Native American ethnic and political activists actively use to consolidate Iroquois identity in the United States.

Keywords

Iroquois; Invention of Traditions; Political Nationalism; Minority Nationalism; Imagination of Communities; Sovereignty; Nation; Statehood

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Изобретение традиций в миноритарных национализмах: политический суверенитет и историческая травма в ирокезском националистическом воображении

Кирчанов Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.

Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

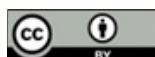
Рукопись получена: 19 сентября 2023 | Пересмотрена: 14 ноября 2023 | Принята: 27 ноября 2023

Аннотация

Автор в представленной статье анализирует особенности изобретения традиций современного национализма ирокезов как одного из миноритарных националистических движений в США. Проблемы изобретения традиций анализируются в контекстах тех методологических подходов, которые сформировались в современной междисциплинарной историографии в рамках инвенционистского и имажинативного поворотов, основные положения которых могут быть интегрированы в анализ миноритарного национализма. Автор полагает, что 1) большинство изобретенных традиций современного ирокезского национализма являются политическими, 2) концепты «государственность» и «суверенитет» играют ведущую роль в функционировании политических традиций, 3) процессы изобретения традиций актуализируют историческую травму колонизации и институционализации неравного статуса ирокезов как миноритарной группы, 4) воспроизводство изобретенных традиций национализма в политическом дискурсе представляет собой попытку актуализации идентичности ирокезов, 5) изобретенные традиции ирокезского национализма имеют компенсаторный характер, так как направлены на преодоление коллективной исторической травмы утраты собственной политической государственной традиции. В целом предполагается, что развитие ирокезского национализма невозможно как без изобретения традиций, которые активно используются индейскими этническими и политическими активистами для консолидации ирокезской идентичности в США.

Ключевые слова

ирокезы; изобретение традиций; политический национализм; миноритарный национализм; воображение сообществ; суверенитет; нация; государственность

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Начиная с XIX века, национализм стал одной из тех политических идеологий, которые определяли основные векторы культурного, социального, экономического и интеллектуального развития большинства стран Европы. Э. Смит, один из исследователей националистического феномена, признавал, что нации представляют собой «продукт национализма, а поскольку национализм как идеологическое движение зародился не раньше XVIII века, нации должны быть современными» (Сміт, 2009, с. 35). Возникнув исторически на территории европейского Запада (Hobsbawm, 2012), национализм, который «следует рассматривать как нечто специфически современное» (Бройи, 2002, с. 230), постепенно превратился в универсальную идеологию. Поэтому принципы и ценности национализма, связанные с идеями народного суверенитета, прав и свобод человека как гражданина, национального самоопределения и борьбы за равноправие малых наций или недоминантных миноритарных групп в XX столетии стали универсальными в глобальной перспективе (Bieber, 2020). Если в первую очередь национализм воспринимался и ассимилировался миноритарными европейскими нациями на территориях континентальных империй, которые были лишены политической и государственной независимости, не обладая собственными государственными институтами (Hastings, 2023), то постепенно националистические ценности проникли в неравноправные группы в других регионах мира, включая Северную Америку (Park, 2018), где миноритарные сообщества были представлены различными индейскими группами, включая ирокезов¹.

Целью статьи является анализ процесса социального, политического и культурного конструирования, а также использования изобретенных традиций в формате современного ирокезского национализма. В число задач автора входит: 1) изучение генезиса изобретенных традиций ирокезского национализма, 2) выявление особенностей и сфер проявления и использования изобретенных политических традиций в рамках ирокезского националистического дискурса и 3) анализ перспектив развития изобретенных традиций национализма ирокезов как миноритарной группы в современном американском обществе.

Методологически представленная статья основана на принципах, предложенных в рамках современной междисциплинарной историографии национализма (Breuilly, 2016). Анализируемый в данной работе ирокезский национализм рассматриваются через призму инвенционистского (Hobsbawm & Ranger, 1983) и имажинативного поворотов (Anderson, 1983). Процессы изобретения

¹ Под ирокезами в представленной статье понимается совокупность этнически родственных индейских групп, представленных следующими сообществами – сенека, кайюга, онондага, онайда, мохоки, тускароора, которые образуют Шесть наций, использующих самоназвание «хауденосауни». В общем контексте в статье используется термин «ирокезский» и его производные. В случае необходимости конкретная этничность или идентичность подчеркивается отдельно.

традиций (Murphy, 2005) воспринимаются как элемент воображения сообществ (Halvorson, 2022), в данном случае наций. Классическое определение процесса «изобретения традиций» было предложено Э. Хобсбаумом, полагавшим, что он предусматривает наличие «практик ритуального или символического характера, обусловленных принятыми правилами, которые пытаются закрепить определенные ценности и нормы» (Гобсбаум, 2005, с. 13). Несмотря на то, что «между этническими и расовыми группами существуют некоторые различия, существует замечательное сходство в том, как люди чувствуют и определяют свою национальную идентичность» (Byrd, 2023), используя в значительной степени сходные политические институты или социальные механизмы, включая изобретение традиций.

Чешский историк Мирослав Хрох, комментируя особенности применения терминологического аппарата в современной историографии, подчеркивает, что «иногда слова и термины успешно заменяют исторические события и общественные отношения, они кажутся более прочными и реальными, чем сама историческая реальность. Особенно часто это происходит, когда этот термин входит в моду. Слово возникает как метафора и заполняет пробел в терминологии конкретного научного исследования. И действительно, новые термины, введенные в качестве инструментов анализа, обычно обогащают наше понимание процессов и человеческих решений, помогая найти общие закономерности в отдельных событиях» (Грох, 2021). Подобное предположение применимо и в отношении концепции «изобретения традиций». Изначально предложенная для изучения европейских, восточных и африканских национализмов, концепция стала претендовать на универсальность, начав активно использоваться для анализа как доминантных, так и миноритарных национализмов, включая индейские.

Поэтому изобретение традиций редуцировано автором до процессов сознательного и направляемого по инициативе политических и интеллектуальных элит процесса конструирования идентичности при помощи развития и воспроизводства институтов и отношений, которые призваны актуализировать и визуализировать существование уникальной ирокезской политической и этнической идентичности в современном американском обществе.

Национализм и изобретение традиций: ирокезский контекст

Развитие национализма на территории Северной Америки в значительной степени отличалось от аналогичных явлений, которые имели место на территории Европы. По мнению М. Хроха, «нации и национальные идентичности представляли собой чисто европейское явление, экспортированное на другие континенты» (Хрох, 2011), включая США. Национализм в Северной Америке преимущественно носил гражданский характер (Gaston, 2019), будучи

связанным с различными идеологическими течениями, которые существовали на разных этапах американской интеллектуальной истории и в политическом спектре могли варьироваться от правых до левых настроений (Dirck, 2001). В этом контексте различные политические идеи, представленные в интеллектуальной истории США, могут восприниматься как проявление гражданского или культурного национализма.

Локализация этих идей в рамках националистического дискурса представляется допустимой, так как их теоретики предлагали различные концепты политической и культурной идентичности, которые соотносились с двумя универсальными явлениями в истории современного национализма, включая «воображение сообществ» (Paul, 2022) и «изобретения традиций» (Dangerfield, 1965). Если первый процесс фактически вел к институционализации нации и консолидации ее политической идентичности, то второй обеспечивал последнюю необходимыми политическими атрибутами и ритуалами, связанными с воспроизводством идей и концептов Самости в различных социальных и культурных пространствах общества (Boorstin, 1967).

В академическом сообществе существует консенсус относительно того факта, что «этнолингвистический национализм – основной механизм создания и сохранения социальной реальности» (Камусэла, 2018), поэтому ее успешное конструирование в формате националистической модернизации миноритарных групп маловероятно без изобретения политических традиций при условии их последующей имплементации в социальные и культурные реалии того или иного миноритарного сообщества. Эти процессы в индейских условиях США отличались значительными особенностями, связанными как с параллельным сосуществованием различных социальных институтов, так и с одновременным использованием взаимоисключающих дефиниций для их описания. В то время, когда Европа, по мнению Р. Брубейкера, «подвергалась массивному и концентрированному преобразованию политического пространства по национальным линиям» (Брубейкер, 2010, с. 149), Северная Америка сформировала такую географию, которая превратила миноритарные группы и их «национализмы» во второстепенные, если не маргинальные факторы развития. Если теоретики современного ирокезского национализма склонны позиционировать свое сообщество в качестве не просто этнической, но и политической нации, то группы, формирующие социум ирокезов, также конструируют себя в качестве наций. Этому частично способствует и то, что уже к началу XX века «национализм стал нормой» (Бройи, 2002, с. 231).

В американской историографии подобная ситуация, как правило, описывается в категориях соразвития и сосуществования в рамках политической и гражданской нации альтернативных миноритарных сообществ, наделяемых атрибутами племенной организации (Turner Strong & Van Winkle, 1993). Принимая во внимание то, что концепт «изобретения традиций», как полагает украинский историк Мыкола Клымчук, фактически «живет собственной исто-

риографической жизнью» (Климчук, 2000, с. 6), это понятие может быть трансплантировано в самые широкие политические, социальные и культурные контексты, в которых развиваются миноритарные «национализмы», включая ирокезский. Поэтому процесс изобретения традиций стал универсальной формой развития национализма как на уровне доминирующих, так и миноритарных национализмов, принимая во внимание заинтересованность последних в отказе от домодерных институтов в пользу современной нации. Особое место в истории американского национализма занимают националистические идеологии различных индейских групп (Walker, 1997), включая ирокезов (Bonaparte, 2008), которые играли значительную роль в политической истории Северной Америки (Johnson, 2013).

Если в историографии 1950 – 1970-х гг. подчеркивалось наличие в США уникальной культурной и политической идентичности (Kohn, 1957), отличающий американский национализм от европейских (Lipset, 1963), то активизация миноритарных групп, включая индейские, вынудила пересмотреть это допущение. Исторически ирокезы принадлежали к числу наиболее развитых индейских политических сообществ, которые на определенных этапах своей истории были не только близки к созданию собственной государственности (Worth, 2022), но и относительно успешно контактировали и конкурировали с европейцами. Политическая динамика XIX и XX веков привела к тому, что ирокезы утратили свои доминирующие позиции на региональном уровне, пополнив число миноритарных сообществ, которые проживают на территории США, так и Канады. Параллельное соразвитие ирокезов с американцами и канадцами не привело к их полной ассимиляции, но содействовало интеграции индейских сообществ в социальные институты североамериканского общества, позволив им использовать политические механизмы, включая идеологию национализма (Reid, 2021).

Последняя актуализировала концепт «представленности» миноритарных групп в публичных, общественных и образовательных пространствах США (Landsman & Ciborski, 1992), что стимулировало этнических активистов к продвижению изобретенных традиций воображаемых ими сообществ. Более того, опыт развития ирокезского национализма подчеркивает правоту предположения Э. Хобсбаума (Гобсбаум, 2005, с. 326), что по мере углубления модернизация расширяется число политических, социальных и культурных агентов, вовлеченных в процессы изобретения традиций, которые перестают быть прерогативой исключительно государства. Поэтому на современном этапе ирокезы являются миноритарной группой, чьи политические и культурные лидеры активно проводят политику, направленную на развитие собственного ирокезского национализма (Poliandri, 2016). Важнейшей задачей национализма ирокезов является консолидация и продвижение собственной национальной идентичности, что достигается, как и в случае с другими миноритарными национализмами, за счет изобретения традиций и применения символического

ресурса националистического воображения (Robbins, 2012). В этом контексте мы можем предположить, что политические и культурные интеллектуальные практики (Huhndorf, 2015) и стратегии изобретения традиций стали универсальной формой развития национализма, исключением из логики которого не является и современный ирокезский социум (Hosmer, 2013).

Изобретение «политического» в ирокезском национализме

Особое место в изобретенных традициях ирокезского национализма занимают традиции, связанные с актуализацией политической идентичности. Теоретики национализма миноритарных групп в США полагают, что «голоса коренных американцев по большей части не услышаны» (Issues Facing...), что воспринимается ими в качестве стимула для националистического воображения, включая изобретение и воспроизводство политических традиций, которые легитимировали бы как их политическую активность, так и апелляцию к опыту исторического прошлого, воспринимаемого в качестве источника более позитивного опыта, который, в отличие от современности, не прочитывается как травма.

Национализм в современном мире, как полагают американские и британские исследователи Харрис Милонас и Майя Тюдор, «более актуален для политики нашего времени, чем полвека назад. Глобальное пробуждение национализма, возможно, было наиболее заметным в Соединенных Штатах... хотя Трамп, возможно, является наиболее заметным воплощением этого «нового национализма», аналогичные движения имели место во всех уголках земного шара... наблюдатели удивлены глобальным возрождением национализма после десятилетий кажущегося отступления. После распада Советского Союза три десятилетия назад демократия, капитализм и глобализация казались повсеместно признанными лучшими способами организации экономики и управления обществом... уверенность в том, что марш прогресса оставит национализм позади, оказалась ошибочной» (Mylonas & Tudor, 2021).

Подобная логика националистического возрождения оказалась универсальной не только для государств-наций или национализирующихся государств, но также и для миноритарных групп. Общества последних, независимо от их географической локализации, представляют собой «социальные и культурные пространства, рамки которых возникли в результате столкновения практик освобождения и реальности внешнего управления в период возникновения современного общества» (Казакевич 2001, с. 47). Поэтому не менее важными акторами в процессе глобального возрождения национализма оказались и миноритарные группы, которые ранее интересовали почти исключительно этнологов и антропологов, так как воспринимались в качестве рецидивов домодерной эпохи. Несмотря на это, миноритарные группы оказались не менее восприимчивы к националистической риторике, чем признанные

европейские и американские популисты, активно использующую риторику национализма. Правда, националистический ренессанс миноритарных групп, например, в США привел к ограниченным политическим результатам, важнейшим среди которых оказалась институционализация изобретенных традиций, что относится, в том числе, и к ирокезскому национализму.

«Политическое» в ходе изобретения традиций визуализируется при помощи нарративов, которые формируют дискурс независимости (Druke Becker, 1998). Современный мир, как полагал Э. Геллнер, «в котором национализм, то есть соединение государства с национальной культурой, стал общепринятой нормой» (Геллнер, 1992, с. 9), которая трансплантируется миноритарными сообществами в собственные политические культуры и социальные структуры. Развитию политического национализма в ирокезской идентичности содействовали несколько факторов, включая наличие в прошлом собственных государственных структур, с одной стороны, и сохранение памяти о них, с другой. Основными участниками процесса изобретения традиций являются этнические активисты, которые, по их словам, стремятся «восстановить надежду и гордость... борются за то, чтобы вернуть то, что было потеряно, пытаясь найти баланс между возрождением своей культурной идентичности и жизнью в мире, где доминирует поп-культура... решают важные проблемы, с которыми сталкиваются их жители в резервациях и за их пределами, провозглашая жизненную необходимость перемен» (The Native American...).

Легитимируя такие цели, индейские националисты обращаются к символическому ресурсу прошлого, активно культивируя образы собственного политического и государственного опыта, что фактически становится изобретенной традицией. Конструирование и воображение образов государственности стало «общим местом» в политической логике миноритарных национализмов. Нации, которые продвигают идеи миноритарных национализмов, могут различно воспринимать то государство, в рамках которого они вынуждены пребывать. В историографии национализма, в связи с этим, выделяется две стратегии идеологов подобных националистических движений, которые могут действовать по формуле «нации без государства» (Guibernau, 1999) или «нации против государства» (Keating, 2001).

Уверенность ирокезских политических активистов и интеллектуалов в наличии собственных государственных традиций сообщества, к которому они принадлежат, привела к мифологизации собственного политического опыта, позволив актуализировать элементы двух вышеупомянутых тактик. В частности, в националистическом воображении доминирует соотнесение исторического и политического опыта индейских племен с принципами демократии. Например, утверждается, что «сенека были крупнейшей из шести индейских наций, входивших в Конфедерацию ирокезов... сенека – демократическое правительство, возникшее до принятия Конституции Соединенных

Штатов... Современная нация Сенека – это настоящая демократия» (Onödowá'ga: 'We Have...).

Развитие подобных нарративов в националистическом воображении, вероятно, указывает на то, что ирокезский национализм не смог реализовать узкие стратегии, основанные на «феномене мы-группа» (Элверт & Гоштони, 2010, с. 126) в этническом восприятии, предпочтя политические и гражданские интерпретации государственного опыта собственного этнического сообщества. Более того, в западной историографии высказывается мнение, что «национализм может способствовать демократии, если он является правильным, имея свои демократические традиции» (Пуле, 2010, с. 192). Такая мифологизация стала следствием структурных особенностей ирокезского национализма, который, в отличие от других миноритарных национальных движений, может быть описан как национализм с полной социальной структурой, так как ирокезы сохранили свои политические элиты, несмотря на то, что роль последних, в сравнении с американскими, кажется явно второстепенной и подчиненной. В сложившейся идеологической ситуации современная политическая динамика развития ирокезского национализма указывает на то, что, «вопреки распространённому мнению, что демократия и национализм противоречат друг другу, между ними существует тесная взаимосвязь» (Ян, 2010, с. 19).

Наличие и развитие именно таких нарративов в национализме свидетельствует о том, что «некоторые отпечатки прежней политической автономии» (Хрох, 2002) могут играть существенную роль в развитии идеологии современных этнических активистов. Американские политики и интеллектуалы оказались причастны к развитию изобретенной традиции государственности и связанного с ней суверенитета в ирокезской идентичности в не меньшей степени, чем сами индейские активисты. Именно они не только активно продвигают концепт существования в прошлом ирокезской государственности (Vecsey, 1986), но и проецируют на нее концепт «империя» (Winters, 2023). Индейские исследования в современной американской историографии испытали значительное влияние со стороны инвенционистского поворота, а ее представители внесли существенный вклад в идеализацию и позитивную мифологизацию политического опыта ирокезов, фактически трансплантируя в индейские исторические контексты государственные нарративы, позаимствованные ими из американской и европейской исторической науки.

По мнению украинского историка Г. Касьянова, «появлению идеи национализма в ее первоначальном виде предшествовал процесс структурной трансформации, в ходе которой этот народ в целом стал носителем суверенности, и в этом смысле само понятие “народ” стало неотрывным от понятия “политическая элита”» (Касьянов, 1999). Этот процесс имел место и в ирокезском социальном контексте, но протекал со значительными особенностями, связанными с ассимиляцией идеи политической нации и ее производных

индейскими интеллектуалами. Политические контакты властей США с ирокезами, признаваемыми в качестве независимой нации, и академический интерес к ирокезской проблематике, который проявляли американские историки, этнологии и культурные антропологи – эти факторы привели к тому, что в историческом воображении сформировался образ ирокезов как политического сообщества, к историческому и политическому опыту которого применима не только дефиниция «нация», но и понятие «суверенитет».

Эти концепты в современном историческом воображении ирокезских интеллектуалов последовательно подвергаются мифологизации, которая стимулируется преимущественно внешними факторами. Комментируя подобную вторичность национализмов миноритарных групп, Парта Чаттерджи подчеркивает, что «если национализм должен выбирать для себя воображаемое сообщество из набора определенных образцовых форм, уже представленного Европой и Америкой, то что же остается воображать?... Европа и две Америки не только придумали сценарий колониального порабощения, но и антиколониального сопротивления» (Чаттерджи, 2002, с. 285).

Активное использование нарративов «суверенитета» в политическом воображении национализма ирокезов, применяемых в том значении, в котором они воспринимаются западным академическим сообществом, не только визуализирует вторичность миноритарного национализма, но и ведет к тому, что эта концепция может быть определена как одна из изобретенных традиций. Поскольку современная нация, как полагает М. Хрох, «по определению есть сообщество равноправных граждан, формирование нации было прежде всего обусловлено социальной эмансипацией» (Хрох 2011), что носило универсальный характер, будучи характерным для большинства национализмов. Поэтому идеи суверенитета активно воспроизводятся как индейскими активистами в целом, так и на уровне отдельных наций, в частности. Например, в рамках националистического нарратива современных интеллектуалов онондага подчеркивается, что «коренные народы, такие как народ онондага и другие члены Хауденосауни, или Конфедерации шести наций, сохраняют свой статус суверенных наций. Как и Соединенные Штаты, Хауденосауни представляет собой союз суверенных наций, объединившихся ради общего блага своих граждан» (Sovereignty).

В этом контексте динамика развития национализма ирокезов указывает одновременно на уместность и крайнюю условность дефиниции национализма, предложенной Э. Геллнером, полагавшим, что «национализм – это политический принцип, согласно которому политическая и национальная единицы должны совпадать» (Геллнер, 2003). Активность индейских этнических активистов актуализировать именно политические измерения нации, с одной стороны, вероятно, свидетельствует о правоте первой части определения, предложенного британским историком. С другой, политические реалии современного ирокезского социума крайне слабо соотносятся с классическим гелл-

неровским утверждением о совпадении политического и национального. В националистическом воображении политическая традиция суверенитета идеализируется, что ведет к использованию подобной риторики для актуализации преемственности между историческими и современными политическими институтами индейцев, с одной стороны, и их независимом развитии без участия сначала европейцев, а позднее и американцев, с другой: «суверенитет Хауденосауни не был предоставлен Соединенными Штатами, как и суверенитет США не был предоставлен английской короной в 18 веке. Суверенитет является неотъемлемым правом, которое в случае нации Онондага было установлено с образованием Хауденосауни и принятием Великого Закона Мира» (Sovereignty).

Историческая травма как изобретенная традиция

Одной из центральных мифологем ирокезского национализма и, как результат, его политической изобретенной традицией является «травма», которая фактически институционализирует «серьезный разрыв между тем, кем являются индейцы, и тем, кем они хотят быть или чувствуют себя призванными быть» (How trauma gets...). В сложившейся в ирокезском сообществе ситуации, подобно другим случаям развития националистического воображения миноритарных групп, национализм «представляет собой политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности» (Вердери, 2002, с. 298).

Поэтому этническими активистами выдвигается программа преодоления травмы в исторической памяти и политическом опыте. По мнению историка Марии Желтой Лошади Храброе Сердце (Maria Yellow Horse Brave Heart), этническим активистам следует «бороться с исторической травмой, понять травму, освободиться от боли исторической травмы и преодолеть ее» (Looking Forward...). В рамках такой политической парадигмы, когда «объективность уступает место ценностям» (Шнаппер, 2007, с. 58), история конструируется в категориях несостоявшейся государственной истории, воображаясь как уничтоженная политическая история: «История коренных народов Северной Америки – это история потерь, лишений, насилия, предательства и присвоения. Это также история общности, духовности, разнообразия, чести и устойчивости» (The Greatest Untold Story...). В сложившейся ситуации развития ирокезского национализма процессы изобретения традиции протекали в форме придания политических смыслов историческому опыту племенных сообществ, которые в националистическом дискурсе не воспринимались в качестве племенных групп, но воображались как нация, пережившая травму европейской колонизации.

В современной историографии национализма допускается, что «эмпирически можно заметить, что меньшинства во всем мире требуют признания,

автономии и во многих случаях территориальной независимости от принимающего государства. Это привело к новым внутригосударственным конфликтам, которые часто перерастали в кровавые гражданские войны и жестокую этническую борьбу» (Anderson & Keil, 2016, p. 41). Поэтому для ирокезского национализма как миноритарного изобретение традиций редуцировано до чрезмерной актуализации государственных нарративов и травмы, связанной с утратой государственности.

Использование подобной стратегии указывает на рациональные основания национализма, так как «национальная идентичность, в отличие от других видов коллективной идентичности, чрезвычайно функциональна для модерности, отвечая потребностям широкого ряда социальных групп и индивидов в современную эпоху» (Сміт, 2006, с. 215). Поэтому, реагируя на политические запросы ирокезского социума, национализм стремится найти оптимальную модель преодоления исторической травмы, которая привела к редукции собственных политических институтов. Преодолевая коллективную травму, индейские активисты подвергают сложившиеся раннее исторические нарративы ревизии, настаивая, что одно из основных ошибочных утверждений американцев состоит в том, что «история Северной Америки началась с приходом европейцев, но задолго до того, как европейцы поселились на ее берегах, народ хауденосауни процветал на этой земле» (Cultural Misconceptions).

В ирокезской националистической риторике общим местом стали утверждения о том, что «прибытие европейских поселенцев оказало разрушительное воздействие на коренных американцев... сотни племенных экосистем – глубоко духовных, укорененных в устных традициях и культурных практиках, привязанных к конкретным областям земли – были уничтожены внедрением чужеродных микробов, чуждого образа жизни, западным насилием и постоянной экспансией» (Cultural Disruption). Подобные нарративы в современном националистическом воображении как пространстве изобретения традиций фактически легитимируют не только противостояние в рамках дихотомии «индейцы / коренные американцы» / «европейцы / американцы», но и сопоставление в качестве партнеров с американскими элитами, хотя такая тактика индейскими национальными активистами используется в меньшей степени, чем формирование образа жертвы. В современном политическом воображении ирокезского национализма нарративы травмы играют одну из центральных ролей. В частности, утверждается, что «с момента колонизации Северной Америки коренные народы страдали морально и физически. Одной из тактик, использовавшихся для того, чтобы поставить коренное население “под контроль”, была изоляция племен. Используя систему резерваций и федеральные школы-интернаты, колонисты годами разделяли племена, что разрушало традиции, языки и культуры» (Mental Health issues...).

В условиях доминирования именно политической риторики в современном ирокезском национализме несколько парадоксально то, что националистическое воображение активно использует ресурсы этносимволизма, апеллируя к примордиальной неизбежности уникальной индейской идентичности. Поэтому современными национальными активистами подчеркивается важность «понимания того, что вся жизнь индейских племен – праздники, ритуалы, охота, земледелие, рассказывание историй – происходила в отдельном месте или регионе земли и формировалась в неразрывной связи с этой землей. Племена были тесно связаны с землей, на которой они жили, и относились к Матери-Земле с почтением и благодарностью... Их чувство щедрости и уважения к земле проистекает из изначального чувства благодарности к общей матери всех существ» (A Deep Connection...). Политические традиции современного ирокезского национализма актуализируются и визуализируются при помощи концепта «травма», так как, по мнению этнических активистов, «об исторической травме стоит говорить и думать, потому что она помогает сформулировать уникальные проблемы, с которыми борются исторически маргинализированные и дискриминируемые группы» (What Role Does...), к которым относятся и ирокезы, несмотря на попытки со стороны националистов ревитализировать идентичность, используя ресурсы изобретения традиций.

«Травматизация» как националистического воображения, так и изобретенных в его рамках традиций стала следствием противоречий социальной модернизации ирокезских сообществ, которая привела к синтезу политических и этнических мотивов в полемике этнических активистов с федеральными властями США (Hauptman, 1986). Включенность активистов как в процесс националистического воображения, так и изобретения традиций позволяет им утверждать континуитет между исторической Конфедерацией ирокезов и современными формами политической организации индейских наций (Confederacy's Creation). Подобная риторика носит почти исключительно практико-ориентированный и инструменталистский характер, используя одновременно для консолидации исторической памяти, в рамках которой Конфедерация воспринимается как носитель национального суверенитета, и для современной дискуссии с властями США, в рамках которой отсылкам к исторической политической традиции ирокезскими интеллектуалами придается особое значение.

Изобретение государства как преодоление исторической травмы

Последовательная собственная виктимизация в националистическом воображении превратилась в еще одну фактически изобретенную традицию, так как актуализация риторики жертвенности и мученичества в современной

идеологической ситуации позволяет миноритарным группам и сообществам в Северной Америке решать политические задачи в дискуссиях с федеральным правительством относительно его роли в истории коренных американцев. Этим пользуются современные индейские активисты и интеллектуалы, которые применяют именно политическую риторику, проецируя на исторический опыт ирокезов понятия, привнесенные из европейского или американского контекстов.

Современные националистические идеологии, по мнению Э. Смита, имеют свои «четкие задачи коллективного самоуправления, территориального объединения и культурной идентичности, а для их достижения нередко используется политическая и культурная программы» (Смит, 2004, с. 27). Поэтому Конфедерация ирокезов в современном историческом воображении ирокезского национализма фигурирует одновременно как изобретенная традиция и коллективное место исторической памяти. На Конфедерацию проецируются такие формально прогрессивные политические качества и характеристики, как государственность, разделение властей, представительство, право вето. Если европейские национализмы, как полагает М. Хрох, «с самого начала стремились к образованию собственного государства» (Хрох, 2010, с. 114), то ирокезский, наоборот, был склонен к идеализации и мифологизации предшествующего политического опыта Лиги ирокезов как исторической формы государственности, наделённой поздними этническими активистами характеристиками и атрибутами национального государства.

В националистическом воображении Конфедерация воспринимается как результат естественного исторического развития, которое выразилось в мирном объединении «ради общей цели – жить в гармонии» (About the Haudenosaunee...). Изобретенные традиции «нация» и «государственность» в современном националистическом воображении в значительной степени мифологизированы, воспринимаясь как жертвы политики «исторического разрушения» (Native American Challenges...), которая проводилась европейцами и позднее белыми американцами. Проявлением такой положительной идеализации, превращения истории в ресурс националистического воображения, используемый в рамках изобретения традиций, например, является нарратив, согласно которому «Конфедерация ирокезов была гораздо более развитой, чем любое другое правительство того времени. Бенджамин Франклин очень восхищался их формой совета, и различные аспекты Конфедерации можно увидеть в Конституции Соединенных Штатов» (The History and Culture...).

Этот нарратив получил особое развитие, что проявляется в сопоставлении ирокезской и американской моделей государственности (Miller, 2015), хотя аналогичные идеи высказываются и некоторыми историками, которые не принадлежат к индейским миноритарным группам. Американская модель восприятия государственности в случае с развитием ирокезского национализма может быть описана в категориях вторичности и навязанности (Franck,

2001, р. 3); тем не менее, она фактически была ассимилирована индейскими активистами, которые не только интегрировали ее в собственную националистическую риторику, но и наделили статусом изобретенной традиции.

Сравнивая два пути исторического развития, ирокезский и американский, этнические активисты подчеркивают, что «Конституция Конфедерации Хауденосауни, которую часто называют старейшей демократией прямого участия на Земле, считается образцом американской конституции» (About the Haudenosaunee Confederacy). Подобная мифологизация прошлого в рамках процесса изобретения традиций стала следствием того, что «сознание и “историческая мысль” каждого индивида включают в себя оба уровня – научный и мифологический подход к прошлому. Естественно, в сознании историка преобладает научное знание, и наоборот. Большинство людей между этими двумя полюсами или уровнями имеют комбинацию знаний, предвзятых представлений и суеверий» (Hroch, 2014, р. 21). Именно последние нередко формируют основу процесса изобретения традиций, так как националисты, влекущие представителей миноритарных групп, заинтересованы не в академическом понимании истории, но в ее использовании как ресурса для легитимации создаваемых ими изобретаемых традиций.

В более радикальной версии националистического воображения США воспринимаются как государство, созданное по образцу Конфедерации. Сторонники такой точки зрения среди ирокезских этнических активистов настаивают на том, что Конгресс фактически повторяет функции Большого Совета, а двухпартийная система генетически восходит к разделению пяти наций на «старших» и «младших» братьев (Influence On Democracy). Развитие таких нарративов в мемориальной культуре ирокезской идентичности стало следствием того, что «по самой своей природе коллективная память должна представлять собой относительно стабильный набор взглядов и информации, поскольку она стремится воспроизводить стабильные, неизменные отношения и ценности» (Hroch, 2017, р. 29), чем фактически и занимаются этнические активисты современных индейских сообществ, вовлеченные в процессы изобретения традиций.

Некоторыми активистами и вовсе утверждается, что «более тысячи лет назад на берегу озера Онондага, в современном центре Нью-Йорка, зародилась демократия» (History. Birth of a Nation). Институционализацией таких идей стали попытки выдачи паспортов хауденосауни для идентификации личности представителей индейских наций. Появление подобных документов стало следствием компромисса между властями индейских наций и США. Паспорта хауденосауни имеют ограниченное применение и не признаются большинством зарубежных государств, хотя со стороны национальных активистов периодически имеют место попытки использования именно этих документов при пересечении границ, а не паспортов США. Появление и распространение таких документов стало следствием роста европейского национа-

лизма: активисты миноритарных групп показали, как «сообществам без гражданства проецировать свою идентичность в более широкое политическое пространство» (Keating & McGarry 2001), чем и воспользовались индейские активисты в США.

Национальные активисты воспринимают нации, к которым они принадлежат, как суверенные и настаивают на том, что те вправе выдавать паспорта, однако миграционные службы других стран, как правило, не признают такие документы, полагая, что правом выдачи паспортов обладает только суверенное государство. В такой ситуации миноритарный национализм является фактором, «предоставляющим большому количеству людей разнообразные шансы участия» (Лангевише, 2010, с. 103), граничащего в маргинальность. В контексте этого юридического спора актуализируются различные понимания суверенитета как индейскими националистами, воспринимающими нации в качестве суверенных авторов, так и другими государствами, которые не склонны распространять понятие «суверенитет» на нации ирокезов, признавая его исключительно за США.

Выводы

Если в XIX веке национализм был преимущественно европейским явлением, то постепенно процессы национального строительства охватили и другие регионы мира.

Современные изобретенные традиции ирокезского национализма и этнического активизма не ограничены только теми проектами, которые проанализированы выше. Национализм ирокезов обладает широким спектром изобретенных традиций, которые формально разнообразны, но фактически их большинство генетически и исторически восходит к XX веку. Кроме этого, анализируя особенности процесса национального строительства в среде ирокезов и, как следствие, развитие изобретенных традиций, во внимание следует принимать в значительной степени вторичный характер этого процесса. Изобретенные традиции современного ирокезского национализма нередко могут имитировать, симулировать или воспроизводить те универсальные практики и стратегии развития и поддержания национальной идентичности, которые успешно и эффективно используются миноритарными группами в других регионах. Формально разнообразные на современном этапе, изобретенные традиции национализма ирокезов могут содержательно быть сведены к следующим.

С одной стороны, это создание и продвижение образов национальной истории, которые при помощи музеев как мемориальных пространств конструируют уникальные образы исторического прошлого, стимулируя развитие исторической памяти. С другой стороны, это имитация и симуляция политических и государственных институций, характерных для более

успешных национальных сообществ, которые смогли в полной мере трансформироваться в гражданские нации. Важнейшим проявлением подобной изобретенной традиции является имитация государственных институтов, что относится к попыткам внедрения так называемых индейских паспортов и их позиционирования в качестве легитимных документов, подчеркивающих и актуализирующих особую идентичность ирокезов.

Наряду с политическими изобретенными традициями следует упомянуть и культурные, которые включают создание и продвижение особых видов спорта, связанных с визуализацией и актуализацией ирокезской идентичности и этничности в современном обществе потребления. Кроме этого, к культурным изобретенным традициям мы можем отнести организацию и проведение культурных фестивалей, сфокусированных на ревитализации и консолидации этнической и языковой идентичности. Эти проявления этнического активизма нуждаются в дальнейшем изучении в рамках анализа как инструментализации этничности, так и изобретения традиций, которое в современном национализме обретает массовый характер.

Формы изобретения традиций, таким образом, универсальны как по своей политической природе, так и по тактикам и стратегиям реализации этническими и политическими активистами, которые стремятся к большей визуализации своей миноритарной группы в многосоставном обществе. Такие традиции широко применяются современными националистическими и интеллектуальными лидерами ирокезского национального движения. Это актуализирует его включенность в мировой контекст развития национализма и националистического воображения, успешное функционирование и воспроизводство которого невозможно как без самого процесса изобретения традиций, так и активного политически мотивированного использования их для консолидации и визуализации ирокезской идентичности как миноритарной в широких контекстах современного американского общества.

Список литературы

-
- A Deep Connection: Native Americans and the Land. (n.d.). Nativ Hope.
<https://www.nativehope.org/native-american-history>
- About the Haudenosaunee Confederacy. (n.d.). <https://www.haudenosauneeconfederacy.com/who-we-are/>
- Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso.
- Anderson, P., & Keil, S. (2016). Minority Nationalism and the European Union. The Cases of Scotland and Catalonia. *L'Europe En Formation*, 1, 40–57. <https://doi.org/10.3917/eufor.379.0040>
- Bieber, Fl. (2020). *Debating Nationalism: The Global Spread of Nations*. Bloomsbury Academic.
<https://doi.org/10.5040/9781350098558>

- Bonaparte, D. (2008). *Creation and Confederation: The Living History of the Iroquois*. Wampum Chronicles.
- Boorstin, D. J. (1967). *The Americans: The National Experience*. Vintage.
- Breuilly, J. (2016). *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. Oxford University Press.
- Byrd, D. (2023). Nationalism and National Identity in North America. *Nationalities Papers*, 1, 1–10.
<https://doi.org/10.1017/nps.2023.31>
- Confederacy's Creation. (n.d.). <https://www.haudenosauneeconfederacy.com/confederacys-creation/>
- Cultural Disruption: The Impact of Colonization on Native Americans. (n.d.).
<https://www.nativehope.org/native-american-history>
- Cultural Misconceptions. (n.d.). <https://www.haudenosauneeconfederacy.com/cultural-misconceptions/>
- Dangerfield, G. (1965). *Awakening of American Nationalism: 1815–1828*. Harper and Row.
- Dirck, B. (2001). *Lincoln and Davis: Imagining America, 1809–1865*. University Press of Kansas.
- Druke Becker, M. (1998). 'We Are an Independent Nation': A History of Iroquois Sovereignty. *Buffalo Law Review*, 46(3), 981–999.
- Franck, T. (2001). Tribe, Nation, State: Traditional Forms of Imposed Identity. In *The Empowered Self: Law and Society in the Age of Individualism* (pp. 1–11). Oxford Academic Press.
<https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199248094.003.0001>
- Gaston, K. (2019). *Imagining Judeo-Christian America: Religion, Secularism, and the Redefinition of Democracy*. The University of Chicago Press.
<https://doi.org/10.7208/chicago/9780226663999.001.0001>
- Guibernau, M. (1999). *Nations without States*. Polity Press.
- Halvorson, B. E. (2022). *Imagining the Heartland: White Supremacy and the American Midwest*. University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520387621>
- Hastings, D. (2023). *Nationalism in Modern Europe: Politics, Identity, and Belonging since the French Revolution*. Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781350303614>
- Hauptman, L. M. (1986). *The Iroquois struggle for survival: World War II to Red Power*. Syracuse University Press.
- History. Birth of a Nation. (n.d.). <https://www.onondaganation.org/history/>
- Hobsbawm, E. J. (2012). *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295582>
- Hobsbawm, E., & Ranger, T. (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press.
- Hosmer, B. (2013). *Tribal Worlds: Critical Studies in American Indian Nation Building*. SUNY Press.
<https://doi.org/10.1353/book22109>
- How trauma gets passed down through generations. (n.d.). <https://pages.nativehope.org/how-trauma-gets-passed-down-through-generations>
- Hroch, M. (2014). Paměť a historické vědomí v kontextu národní pospolitosti [Memory and Historical Consciousness in the Context of National Community]. In R. Šustrová & L. Hádlová, *Česká paměť: Národ, dějiny a místa paměti* [Czech memory: Nation, history and places of memory] (pp. 18–26). Academia. (In Czech).

- Hroch, M. (2017). Memory and Historical Consciousness. In K. Ćwiek-Rogalska & M. Filipowicz (Eds.), *Słowiańska pamięć. Slavic Memory* (pp. 21–31). Libron.
- Huhndorf, S. (2015). *Going Native: Indians in the American Cultural Imagination*. Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9780801454431>
- Influence On Democracy. (n.d.). <https://www.haudenosauneeconfederacy.com/influence-on-democracy/>
- Issues Facing Native Americans Today. (n.d.). <https://pages.nativehope.com/native-americans-today>
- Johnson, M. G. (2013). *Iroquois: People of the Longhouse*. Firefly Books.
- Keating, M. (2001). *Nations against the state*. Palgrave.
- Keating, M., & McGarry, J. (2001). *Minority Nationalism and the Changing International Order*. Oxford Academic Press. <https://doi.org/10.1093/0199242143.001.0001>
- Kohn, H. (1957). *American Nationalism: An Interpretative Essay*. Macmillan.
- Landsman, G., & Ciborski, S. (1992). Representation and Politics: Contesting Histories of the Iroquois. *Cultural Anthropology*, 7(4), 425–447. <https://doi.org/10.1525/can.1992.7.4.02a00020>
- Lipset, S. (1963). *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective*. Basic Books.
- Looking Forward with Hope. (n.d.). <https://www.nativehope.org/building-a-hopeful-future>
- Mental Health issues from historical trauma plague Native Americans. (n.d.). <https://blog.nativehope.org/mental-health-issues-from-historical-trauma-plague-native-americans>
- Miller, R. J. (2015). American Indian Constitutions and Their Influence on the United States Constitution. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 159(1), 32–56.
- Murphy, G. (2005). *Hemispheric Imaginings: The Monroe Doctrine and Narratives of U.S. Empire*. Duke University Press Books. <https://doi.org/10.2307/j.ctv125jhvr>
- Mylonas, H., & Tudor, M. (2021). Nationalism: What We Know and What We Still Need to Know. *Annual Review of Political Science*, 24, 109–132. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-101841>
- Native American Challenges in the Modern World. (n.d.). <https://pages.nativehope.com/native-americans-today>
- Onödowá'ga: 'We Have a Proud & Rich History. (n.d.). <https://sni.org/about/>
- Park, B. (2018). *American Nationalisms: Imagining Union in the Age of Revolutions, 1783–1833*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108333290>
- Paul, R. (2022). *Indivisible: Daniel Webster and the Birth of American Nationalism*. Riverhead Books.
- Poliandri, S. (2016). *Native American Nationalism and Nation Re-building: Past and Present Cases*. SUNY Press.
- Reid, G. (2021). *Chief Thunder water: An Unexpected Indian in Unexpected Places*. University of Oklahoma Press.
- Robbins, J. (2012). *Native Americans: Patriotism, Exceptionalism, and the New American Identity*. Encounter Books.
- Sovereignty. (n.d.). <https://www.onondaganation.org/government/sovereignty/>

- The Greatest Untold Story of Our Time. (n.d.). <https://www.nativehope.org/native-american-history>
- The History and Culture of the Iroquois. (n.d.). <https://blog.nativehope.org/the-history-and-culture-of-the-iroquois>
- The Native American Identity Crisis and the Rise of Suicide. (n.d.). <https://blog.nativehope.org/native-american-identity-crisis-and-the-rise-of-suicide>
- Turner Strong, P., & Van Winkle, B. (1993). Tribe and nation: American Indians and American Nationalism. *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*, 33, 9–26.
- Vecsey, Ch. (1986). The Story and Structure of the Iroquois Confederacy. *Journal of the American Academy of Religion*, 54(1), 79–106. <https://doi.org/10.1093/jaarel/LIV.1.79>
- Walker, Ch. (1997). *Indian Nation: Native American Literature and Nineteenth-Century Nationalisms*. Duke University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv125jt89>
- What Role Does Historical Trauma Play in the Lives of Native Americans? (n.d.). <https://pages.nativehope.org/how-trauma-gets-passed-down-through-generations>
- Winters, J. C. (2023). "The Amazing Iroquois" and the Invention of the Empire State. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197578223.001.0001>
- Worth, R. (2022). *The Rise and Fall of the Iroquois Confederacy*. Independently published.
- Бройи, Д. (2002). Подходы к исследованию национализма. В *Нации и национализм* (сс. 201–235). Праксис.
- Брубейкер, Р. (2010). Национальные меньшинства, национализирующиеся государства и внешние национальные родственные государства в новой Европе. В *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Т. 1. Неудавшийся национализм в многонациональных и частичных национальных государствах (сс. 149–173). РОССПЭН.
- Вердери, К. (2002). Куда идут «нация» и «национализм»? В *Нации и национализм* (сс. 297–307). Праксис.
- Геллнер, Э. (1992). Пришествие национализма. Мифы нации и класса. *Путь: международный философский журнал*, 1, 9–61.
- Гелнер, Е. (2003). *Нації та націоналізм*. Націоналізм. Таксон.
- Гобсбаум, Е. (2005а). Вступ: Винаходження традицій. В *Винайдення традиції* (сс. 12–28). Ніка-Центр.
- Гобсбаум, Е. (2005b). Масове традицієтворення: Європа, 1870 – 1914 рр. В *Винайдення традиції* (сс. 302–352). Ніка-Центр.
- Грох, М. (2021). Памяць і гістарычная свядомасць. *Беларускі Гістарычны Агляд*, 28(1–2). <https://www.belhistory.eu/archives/4723>
- Казакевіч, А. (2001). Пра калёнію. *Палітычная сфера*, 1, 44–47.
- Камусэла, Т. (2018). Нацыяналізм і нацыянальныя мовы. *Беларускі Гістарычны Агляд*, 25(1–2). <https://www.belhistory.eu/archives/4321>
- Касьянов, Г. В. (1999). *Теорії нації та націоналізму*. Либідь.
- Климчук, М. (2005). «Паст енд Презент»: Винахідники традицій. В *Винайдення традиції* (сс. 6–11). Ніка-Центр.

- Лангевише, Д. (2010). Западноевропейский национализм в XIX – XX столетиях. В *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Т. 1. Неудавшийся национализм в многонациональных и частичных национальных государствах (с. 90–106). РОССПЭН.
- Пуле, Г.-Ю. (2010). Новые национализмы в Восточной Европе – шестая волна? В *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Т. 1. Неудавшийся национализм в многонациональных и частичных национальных государствах (с. 174–195). РОССПЭН.
- Сміт, Е. (2004). *Націоналізм: Теорія, ідеологія, історія*. К.I.C.
- Сміт, Е. (2006). *Нації та націоналізм у глобальну епоху*. Ніка-Центр.
- Сміт, Е. Д. (2009). *Культурні основи націй. Ієрархія, заповіт і республіка*. Темпора.
- Хрох, М. (2002). От национальных движений к полностью сформировавшейся нации. В *Нации и национализм* (с. 121–145). Праксис.
- Хрох, М. (2010). Исторические предпосылки национализма в центрально- и восточноевропейских странах. В *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Т. 1. Неудавшийся национализм в многонациональных и частичных национальных государствах (с. 107–121). РОССПЭН.
- Хрох, М. (2011). Консенсусное объяснение формирования наций. *Вопросы философии*, 1, 27–36.
- Чаттерджи, П. (2002). Воображаемые сообщества: Кто их воображает? В *Нации и национализм* (с. 283–296). Праксис.
- Шнаппер, Д. (2007). *Спільнота громадян. Про модерну концепцію нації*. Фоліо.
- Элверт, Г., & Гоштони, К. (2010). Насилие и этничность. В *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Т. 1. Неудавшийся национализм в многонациональных и частичных национальных государствах (с. 122–148). РОССПЭН.
- Ян, Э. (2010). Государственная трансформация на востоке Европы. «Второе национальное возрождение» или национализм, национальные движения и образование национальных государств в поздне- и посткоммунистической Европе с 1985 года. В *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Т. 1. Неудавшийся национализм в многонациональных и частичных национальных государствах (с. 17–89). РОССПЭН.

References

- A Deep Connection: Native Americans and the Land. (n.d.). Nativ Hope. <https://www.nativehope.org/native-american-history>
- About the Haudenosaunee Confederacy. (n.d.). <https://www.haudenosauneeconfederacy.com/who-we-are/>
- Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso.
- Anderson, P., & Keil, S. (2016). Minority Nationalism and the European Union. The Cases of Scotland and Catalonia. *L'Europe En Formation*, 1, 40–57. <https://doi.org/10.3917/eufor.379.0040>
- Bieber, Fl. (2020). *Debating Nationalism: The Global Spread of Nations*. Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781350098558>
- Bonaparte, D. (2008). *Creation and Confederation: The Living History of the Iroquois*. Wampum Chronicles.

- Boorstin, D. J. (1967). *The Americans: The National Experience*. Vintage.
- Breuilly, J. (2016). *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. Oxford University Press.
- Broyi, D. (2002). Podkhody k issledovaniyu natsionalizma. In *Natsii i natsionalizm* (pp. 201–235). Praksis. (In Russian).
- Brubeyker, R. (2010). Natsional'nye men'shinstva, natsionaliziruyushchiesya gosudarstva i vneshnie natsional'nye rodstvennye gosudarstva v novoy Evrope. In *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. T. 1. Neudavshiysya natsionalizm v mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstvakh* (pp. 149–173). ROSSPEN. (In Russian).
- Byrd, D. (2023). Nationalism and National Identity in North America. *Nationalities Papers*, 1, 1–10. <https://doi.org/10.1017/nps.2023.31>
- Chatterdzhii, P. (2002). Voobrazhaemye soobshchestva: Kto ikh voobrazhaet? In *Natsii i natsionalizm* (pp. 283–296). Praksis. (In Russian).
- Confederacy's Creation. (n.d.). <https://www.haudenosauneeconfederacy.com/confederacys-creation/>
- Cultural Disruption: The Impact of Colonization on Native Americans. (n.d.). <https://www.nativehope.org/native-american-history>
- Cultural Misconceptions. (n.d.). <https://www.haudenosauneeconfederacy.com/cultural-misconceptions/>
- Dangerfield, G. (1965). *Awakening of American Nationalism: 1815–1828*. Harper and Row.
- Dirck, B. (2001). *Lincoln and Davis: Imagining America, 1809–1865*. University Press of Kansas.
- Druke Becker, M. (1998). 'We Are an Independent Nation': A History of Iroquois Sovereignty. *Buffalo Law Review*, 46(3), 981–999.
- Elvert, G., & Goshtoni, K. (2010). Nasilie i etnichnost'. In *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. T. 1. Neudavshiysya natsionalizm v mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstvakh* (pp. 122–148). ROSSPEN. (In Russian).
- Franck, T. (2001). Tribe, Nation, State: Traditional Forms of Imposed Identity. In *The Empowered Self: Law and Society in the Age of Individualism* (pp. 1–11). Oxford Academic Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199248094.003.0001>
- Gaston, K. (2019). *Imagining Judeo-Christian America: Religion, Secularism, and the Redefinition of Democracy*. The University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226663999.001.0001>
- Gellner, E. (1992). Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa. Put': mezhdunarodnyy filosofskiy zhurnal, 1, 9–61. (In Russian).
- Gellner, E. (2003). Natsii ta natsionalizm. Natsionalizm. Takson. (In Ukrainian).
- Guibernau, M. (1999). *Nations without States*. Polity Press.
- Halvorson, B. E. (2022). *Imagining the Heartland: White Supremacy and the American Midwest*. University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520387621>
- Hastings, D. (2023). *Nationalism in Modern Europe: Politics, Identity, and Belonging since the French Revolution*. Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781350303614>
- Hauptman, L. M. (1986). *The Iroquois struggle for survival: World War II to Red Power*. Syracuse University Press.

- History. Birth of a Nation. (n.d.). <https://www.onondaganation.org/history/>
- Hobsbaum, E. (2005a). Vstup: Vinakhodzhennya traditsiy. In *Vinaydennya traditsii* (pp. 12–28). Nika-Tsentr. (In Russian).
- Hobsbaum, E. (2005b). Masove traditsietvorenniya: Evropa, 1870 – 1914 rr. In *Vinaydennya traditsii* (pp. 302–352). Nika-Tsentr. (In Russian).
- Hobsbawm, E. J. (2012). *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295582>
- Hobsbawm, E., & Ranger, T. (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press.
- Hosmer, B. (2013). *Tribal Worlds: Critical Studies in American Indian Nation Building*. SUNY Press. <https://doi.org/10.1353/book22109>
- How trauma gets passed down through generations. (n.d.). <https://pages.nativehope.org/how-trauma-gets-passed-down-through-generations>
- Hroch, M. (2014). Paměť a historické vědomí v kontextu národní pospolitosti [Memory and Historical Consciousness in the Context of National Community]. In R. Šustrová & L. Hádlová, *Česká paměť: Národ, dějiny a místa paměti* [Czech memory: Nation, history and places of memory] (pp. 18–26). Academia. (In Czech).
- Hroch, M. (2017). Memory and Historical Consciousness. In K. Ćwiek-Rogalska & M. Filipowicz (Eds.), *Słowiańska pamięć. Slavic Memory* (pp. 21–31). Libron.
- Hroch, M. (2021). Memory and Historical Consciousness. *Belaruski Histarychny Ahlyad*, 28(1–2). <https://www.belhistory.eu/archives/4723> (In Belorussian).
- Hrokh, M. (2002). Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'yu sformirovavsheysya natsii. In *Natsii i natsionalizm* (pp. 121–145). Praksis. (In Russian).
- Hrokh, M. (2010). Istoricheskie predposylki natsionalizma v tsentral'no- i vostochnoevropeyskikh stranakh. In *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. T. 1. Neudavshiysya natsionalizm v mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstvakh* (pp. 107–121). ROSSPEN. (In Russian).
- Hrokh, M. (2011). Consensual Explanation of Nation-Formation. *Voprosy Filosofii*, 1, 27–36. (In Russian).
- Huhndorf, S. (2015). *Going Native: Indians in the American Cultural Imagination*. Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9780801454431>
- Influence On Democracy. (n.d.). <https://www.haudenosauneeconfederacy.com/influence-on-democracy/>
- Issues Facing Native Americans Today. (n.d.). <https://pages.nativehope.com/native-americans-today>
- Johnson, M. G. (2013). *Iroquois: People of the Longhouse*. Firefly Books.
- Kamusela, T. (2018). Natsyyanalizm i natsyyanal'nyya movy. *Belaruski Histarychny Ahlyad*, 25(1–2). <https://www.belhistory.eu/archives/4321> (In Belorussian).
- Kas'yanov, G. V. (1999). *Teorii natsii ta natsionalizmu. Libid'*. (In Ukrainian).
- Kazakevich, A. (2001). Pra kaljoniyu. *Palitychnaya sfera*, 1, 44–47. (In Belarussian).
- Keating, M. (2001). *Nations against the state*. Palgrave.
- Keating, M., & McGarry, J. (2001). *Minority Nationalism and the Changing International Order*. Oxford Academic Press. <https://doi.org/10.1093/0199242143.001.0001>

- Klimchuk, M. (2005). "Past end Present": Vynakhidniki traditsiy. In *Vynaydennya tradytsii* (pp. 6–11). Nika-Tsentr. (In Ukrainian).
- Kohn, H. (1957). *American Nationalism: An Interpretative Essay*. Macmillan.
- Landsman, G., & Ciborski, S. (1992). Representation and Politics: Contesting Histories of the Iroquois. *Cultural Anthropology*, 7(4), 425–447. <https://doi.org/10.1525/can.1992.7.4.02a00020>
- Langevishe, D. (2010). Zapadnoevropeyskiy natsionalizm v XIX – XX stoletiyakh. In *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. T. 1. Neudavshiysya natsionalizm v mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstvakh* (pp. 90–106). ROSSPEN. (In Russian).
- Lipset, S. (1963). *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective*. Basic Books.
- Looking Forward with Hope. (n.d.). <https://www.nativehope.org/building-a-hopeful-future>
- Mental Health issues from historical trauma plague Native Americans. (n.d.). <https://blog.nativehope.org/mental-health-issues-from-historical-trauma-plague-native-americans>
- Miller, R. J. (2015). American Indian Constitutions and Their Influence on the United States Constitution. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 159(1), 32–56.
- Murphy, G. (2005). *Hemispheric Imaginings: The Monroe Doctrine and Narratives of U.S. Empire*. Duke University Press Books. <https://doi.org/10.2307/j.ctv125jhvr>
- Mylonas, H., & Tudor, M. (2021). Nationalism: What We Know and What We Still Need to Know. *Annual Review of Political Science*, 24, 109–132. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-101841>
- Native American Challenges in the Modern World. (n.d.). <https://pages.nativehope.com/native-americans-today>
- Onödowá'ga: 'We Have a Proud & Rich History. (n.d.). <https://sni.org/about/>
- Park, B. (2018). *American Nationalisms: Imagining Union in the Age of Revolutions, 1783–1833*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108333290>
- Paul, R. (2022). *Indivisible: Daniel Webster and the Birth of American Nationalism*. Riverhead Books.
- Poliandri, S. (2016). *Native American Nationalism and Nation Re-building: Past and Present Cases*. SUNY Press.
- Pule, G.-Yu. (2010). Novye natsionalizmy v Vostochnoy Evrope – shestaya volna? In *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. T. 1. Neudavshiysya natsionalizm v mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstvakh* (pp. 174–195). ROSSPEN. (In Russian).
- Reid, G. (2021). *Chief Thunder water: An Unexpected Indian in Unexpected Places*. University of Oklahoma Press.
- Robbins, J. (2012). *Native Americans: Patriotism, Exceptionalism, and the New American Identity*. Encounter Books.
- Shnapper, D. (2007). Spil'nota hromadyan. Pro modernu kontseptsiiyu natsii. Folio. (In Ukrainian).
- Smit, E. (2004). *Natsionalizm: Teoriya, ideolohiya, istoriya*. K.I.S. (In Ukrainian).
- Smit, E. (2006). *Natsii ta natsionalizm u hlobal'nu epokhu*. Nika-Tsentr. (In Ukrainian).
- Smit, E. (2009). *Kul'turni osnovy natsiy. Ierarkhiya, zapovit i respublika*. Tempora. (In Ukrainian).

- Sovereignty. (n.d.). <https://www.onondaganation.org/government/sovereignty/>
- The Greatest Untold Story of Our Time. (n.d.). <https://www.nativehope.org/native-american-history>
- The History and Culture of the Iroquois. (n.d.). <https://blog.nativehope.org/the-history-and-culture-of-the-iroquois>
- The Native American Identity Crisis and the Rise of Suicide. (n.d.). <https://blog.nativehope.org/native-american-identity-crisis-and-the-rise-of-suicide>
- Turner Strong, P., & Van Winkle, B. (1993). Tribe and nation: American Indians and American Nationalism. *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*, 33, 9–26.
- Vecsey, Ch. (1986). The Story and Structure of the Iroquois Confederacy. *Journal of the American Academy of Religion*, 54(1), 79–106. <https://doi.org/10.1093/jaarel/LIV.1.79>
- Verderi, K. (2002). Kuda idut “natsiya” i “natsionalizm”? In *Natsii i natsionalizm* (pp. 297–307). Praksis. (In Russian).
- Walker, Ch. (1997). *Indian Nation: Native American Literature and Nineteenth-Century Nationalisms*. Duke University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv125jt89>
- What Role Does Historical Trauma Play in the Lives of Native Americans? (n.d.). <https://pages.nativehope.org/how-trauma-gets-passed-down-through-generations>
- Winters, J. C. (2023). “The Amazing Iroquois” and the Invention of the Empire State. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197578223.001.0001>
- Worth, R. (2022). *The Rise and Fall of the Iroquois Confederacy*. Independently published.
- Yan, E. (2010). Gosudarstvennaya transformatsiya na vostoke Evropy. «Vtoroe natsional'noe vozrozhdenie» ili natsionalizm, natsional'nye dvizheniya i obrazovanie natsional'nykh gosudarstv v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope s 1985 goda. In *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope*. T. 1. Neudavshiysya natsionalizm v mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstvakh (pp. 17–89). ROSSPEN. (In Russian).

Characteristic features of Reformation in Hungary and the Formation of the Unitarian (Anti-Trinitarian) Church in Transylvania in the Second Half of the 16th Century

Mikhail Yu. Shlyakhov¹ & Nina V. Starikova²

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Nizhny Novgorod, Russia

Received: 11 July 2023 | Revised: 2 October 2023 | Accepted: 18 October 2023

Abstract

This article examines the peculiarities of the Reformation process in the Hungarian territories, followed by the formation of a Unitarian (Anti-Trinitarian) church in Transylvania in the 16th century. The study aims to identify the specific features and periodization of this process in the said area. The first feature is the complex ethnic composition of the population, which led to political and religious opposition and the strengthening of state power by certain ethnic groups that adopted Protestant religious doctrines. The second feature is related to the complex military-political situation in Central Europe in the 16th century: the disintegration of the Kingdom of Hungary, the annexation of parts of the disintegrated kingdom by the Ottoman Empire, which led to several major Austro-Turkish wars and constant border skirmishes. This resulted in the emergence of various vassal formations and the use of interfaith conflict as a means to achieve success in military-political confrontations. The third feature, closely related to the previous ones, is the strengthening of magnate clans, which, in the context of weak government and a challenging international situation, became independent political forces significantly influencing the religious processes in the country. These characteristics of Reformation in the Hungarian territories led, in the second half of the 16th century, to a substantial expansion of Protestantism supporters and an increase in the number of Protestant denominations. In the small, frontier, vassal state of the Eastern Hungarian kingdom under the Ottoman Empire, the widest religious freedom in Europe was granted. A few years later, a Unitarian (Anti-Trinitarian) Christian church was established, receiving equal rights with all other religious denominations. It continues to exist in Hungary and Romania. This study will be of interest to the researchers of history of Reformation and religion in general.

Keywords

Unitarian Church of Transylvania; Unitarianism; Christian Antitrinitarianism; Reformation in Hungary; Ferenc David; Janos II Zápolya; Hungarian Reformed Church; Giorgio Blandrata; Religious Freedom; Eastern Hungarian Kingdom

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: mik-shlyakhov[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4398-4391>

2 Email: ninast78[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6631-0296>

Особенности Реформации на территории Венгрии и формирования унитарной (антитринитарной) церкви в Трансильвании во второй половине XVI века

Шляхов Михаил Юрьевич¹, Старикова Нина Владимировна²

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.
Нижний Новгород, Россия

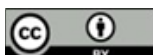
Рукопись получена: 11 июля 2023 | Пересмотрена: 2 октября 2023 | Принята: 18 октября 2023

Аннотация

В статье исследуются особенности прохождения процесса Реформации в венгерских землях с последующим формированием унитарной (антитринитарной) церкви в Трансильвании в XVI веке. Целью исследования стало определение специфических черт и периодизации данного процесса на обозначенной территории. Первую особенность можно обозначить как сложный этнический состав населения, приводивший к политическому и религиозному противодействию и усилению государственной власти со стороны отдельных этнических групп, принявших протестантские религиозные доктрины. Вторая особенность связана со сложной военно-политической ситуацией, сложившейся в регионе Центральной Европы в XVI веке: распад Венгерского королевства, захват Османской империей части распавшегося королевства, повлекший за собой несколько крупных австро-турецких войн и постоянные пограничные столкновения. Это привело к возникновению нескольких вассальных образований и использованию межконфессиональной борьбы как фактора, позволяющего добиться успеха в военно-политическом противостоянии. Третья особенность, тесно связанная с предыдущими, это усиление магнатских родов и возможность при слабом государственном управлении и сложной международной обстановке быть самостоятельной политической силой, которая влияет на религиозные процессы в стране. Вышеперечисленные особенности Реформации на территории венгерских земель привели во второй половине XVI века к значительному расширению сторонников протестантизма и увеличению числа протестантских деноминаций. В небольшом, пограничном, находящемся в вассальной зависимости от Османской империи, Восточно-Венгерском королевстве была дарована самая широкая свобода вероисповедания в Европе. Несколько лет спустя в нем образовалась унитарная (антитринитарная) христианская церковь, получившая равные права со всеми другими религиозными конфессиями, существующая до сих пор на территории Венгрии и Румынии. Данное исследование будет полезно всем, интересующимся историей Реформации и религии в целом.

Ключевые слова

унитарная церковь Трансильвании; унитаризм; христианский антитринитаризм; Реформация в Венгрии; Ференц Давид; Янош II Запольяи; Венгерская реформаторская церковь; Джорджио Бландрата; свобода вероисповедания; Восточно-Венгерское королевство

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: mik-shlyakhov[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4398-4391>

2 Email: ninast78[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6631-0296>

Введение

Тема развития антитринитарных идей и формирования на их основе церковных организаций в странах Восточной Европы является малоисследованной в истории европейской Реформации. Появившиеся в середине XVI века в Западной Европе первые антитринитарные идеи встретили ожесточенную критику как со стороны католичества, так и со стороны большинства протестантских лидеров. Идея отказа от канонического понимания Троицы, переосмысления сущности Христа, нового прочтения евангельских текстов, возвращения к острым дискуссионным вопросам, вызывавшим ожесточенные споры в первые века существования христианства, представлялась недопустимой не только для католической церкви, но и для большинства именитых теологов протестантизма. Хорошо известна судьба Мигеля Сервета (1511–1553), издавшего первый антитринитарный трактат, преследуемого католической инквизицией и в результате осужденного и казненного в Женеве при прямом участии Жана Кальвина. Жестоко преследуемые в Западной и Центральной Европе, сторонники радикальной Реформации смогли во второй половине XVI века найти убежище в странах Восточной Европы (Польско-Литовском государстве и Венгрии). Центр радикальной Реформации переместился в пограничные земли католического мира, в места его соприкосновения с восточным христианством (огромная территория Великого княжества Литовского) и наступающим мусульманским миром (Венгерское королевство). Важно подчеркнуть, что королевской власти не удалось в этих регионах подавить радикальную Реформацию: были созданы крупные общины и привлечены к движению представители феодальной аристократии, городских сообществ, этнических групп. Это привело к уникальной для Европы XVI века религиозной ситуации – свободе вероисповедания и создания признанных государством антитринитарных церковных организаций, которые были осуждены в странах Западной и Центральной Европы. Унитарная церковь Трансильвании является единственной антитринитарной христианской конфессией, существующей с конца XVI века до настоящего времени в Венгрии и Румынии.

Термин «унитарная церковь» появился лишь в начале XVII века, но мы его будем использовать для обозначения церковной организации конца XVI века, как это принято в историографической традиции. Формирование и длительное существование антитринитарных христианских церквей стало возможным в Польско-Литовском государстве (Малая реформаторская церковь просуществовала до середины XVII века) и в землях Венгерского королевства благодаря уникальной ситуации взаимодействия внутривластных, внешнеполитических, конфессиональных и этнических факторов, изучение которых и является важной нерешенной научно-исследовательской задачей.

В данной работе мы изучим особенности процесса Реформации на землях Венгерского королевства, генезис формирования ее радикального крыла,

выделения в нем антитринитарного течения, приведшего к образованию унитарной церковной организации на территории Трансильвании.

Обзор историографии

В отечественной исторической науке не существует отдельных исследований, посвященной заявленной теме. Мы можем отметить несколько общих трудов по истории Венгрии и ряд статей по истории венгерского государства в XVI веке, где рассмотрены отдельные аспекты Реформации (Борецкий-Бергфельд, 1908; История Венгрии, 1971; Исламов и др., 1991; Контлер, 2002; Гусарова, 2018а, с. 123-141; Гусарова, 2018b). Общие работы по истории венгерского государства не позволяют реконструировать ход процесса Реформации, выделить его особенности, понять причины возникновения антитринитарной церкви.

В зарубежной историографии существует несколько традиций изучения христианского антитринитаризма. Первая из них связана с историками-унитариями Великобритании и США, которые на протяжении нескольких веков изучали истоки формирования собственной церковной традиции во время Реформации. Поиск теологических и исторических причин формирования унитарной христианской деноминации Англии и США в XVIII веке вызывал их особый интерес по отношению к польским и венгерским антитринитарным организациям и мыслителям XVI века. Наиболее полные исторические работы лишь в общих чертах описывали события биографии деятелей венгерской антитринитарной Реформации и давали краткий очерк развития радикальной Реформации в венгерских землях (Bonet-Maurgy, 1884; Allen, 1894; Cooke, 1902). Наиболее полной работой, посвященной истории Реформации, является двухтомное исследование Эрла Морса Уилбура (1945; 1946), в котором начало второго тома посвящено унитаризму в венгерских землях. Последовательно излагая историю развития протестантизма в Польше и Венгрии и последующее возникновение унитарных церквей, Э. М. Уилбур вписывает эти события в общемировой процесс развития антитринитарной христианской мысли. Особенностью этой исторической традиции стала провиденциалистская концепция, которая рассматривала события эпохи Реформации как результат теологической предопределенности постепенной реализации внутри христианства принципов свободы, индивидуализма, разума и толерантности.

Вторая традиция, зародившаяся в Венгрии и впоследствии ставшая обще-европейской, рассматривает региональную историю религии в Европе. В период формирования исторической мысли в XIX веке появилась обобщающая работа по истории протестантизма в Венгрии Яноша Баухофера (1854), где был воссоздан общий ход реформационных процессов на территории Венгерского королевства, находящейся под контролем Габсбургов. Предисловие к этой работе написал другой видный исследователь истории протестантизма в Венгрии Янош Баухофер.

стантизма Жан-Анри Мерль д'Обинье. На протяжении многих лет он готовил восьмитомное фундаментальное исследование по истории Реформации в Европе, в котором затронуты вопросы связи немецкой и швейцарской Реформации с венгерским протестантским движением в период с 1862 по 1877 гг.

Новый этап в изучении венгерского протестантизма начался в конце XX века. Падение социалистического строя в странах Восточной Европы, религиозное возрождение и восстановление свободной деятельности католической и всех протестантских христианских конфессий вызвали большой общественный и научный интерес к прошлому этих деноминаций. Среди множества публикаций выделим работы крупнейшего венгерского историка религии, профессора Сегедского университета Михая Балажа, который выпустил ряд фундаментальных работ по истории христианских конфессий в Трансильвании (1988; 1998; 2016). Распространению Реформации на венгерской территории, подконтрольной Османской империи, посвящена работа Унгвари Шандора (1989). В последние десятилетия историческая наука обогатилась исследованиями немецких историков, которые подробно рассматривают Реформацию в немецких городах Трансильвании, связи немецкой и венгерской Реформации (Leppin & Wien, 2005; Wien, 2017). Важное место в современной зарубежной историографии занимают исследования, обобщающие и систематизирующие историю Реформации в Центральной и Восточной Европе. В них проведен сравнительно-типологический анализ реформационных процессов в странах и регионах Восточной Европы, включая Венгрию и Трансильванию (Almási G., Brzeziński S., Horn I., 2015; Peter K., 2018; Maag K., 2016; Craciun M., Ghitta O., 2017).

Важным достижением в области источниковедения изучаемой проблемы стала публикация международной группой исследователей христианского неконформизма и истории протестантизма "Bibliotheca Dissidentium" (Библиотеки несогласных), серии из 30 томов (1980–2016) исторических изданий религиозных произведений XVI века. Таким образом были введены в научный оборот и систематизированы сотни произведений лидеров радикальной Реформации из всех регионов Европы. Данные тексты представляют собой особую группу уникального источникового материала, изучение которого дает возможность проследить общую направленность движения религиозной и связанной с ней общественно-политической мысли того времени, выявить их общие черты и специфические особенности.

Пятнадцатый и двадцать третий тома Библиотеки были посвящены текстам венгерских радикальных реформаторов Дьёргу Энъеду, Пола Каради, Ференца Давида, Деметра Хуньяди, Матиуса Торокаи и других (Balazs, 1993; Mout, 2010). В них содержатся трактаты, позволяющие проследить процесс формирования радикальных религиозных взглядов, критику существующих догматов и церковных порядков, острую полемику не только с официальной

католической доктриной, но и внутри протестантского движения Венгрии и Трансильвании. Анализ ряда произведений из “Bibliotheca Dissidentium” составили источниковую базу данного исследования.

Особенности проведения первого этапа Реформации в венгерских землях

Идеи Реформации в Венгерском королевстве начали распространяться в начале 1520-х годов в среде немецких торговцев и студенчества. Венгерское королевство являлось многонациональным государством, население которого состояло из нескольких крупных этнических групп: венгров (магнаты и феодалы королевства в основном были этническими венграми), саксов (этнических немцев, переселившихся во время Средневековья, живших крупными общинами), собственно немецкого населения Западной Венгрии и крупных венгерских городов, секеев (особой этнической группы, компактно проживающей в восточной части Венгрии, славившейся своими военными формированиями), южнославянского населения (сербов, хорватов и других). Эта пестрая этническая картина стала важным фактором в последующих политических и конфессиональных процессах в стране.

Уже в 1520 году король Людовик II издал указ о жестоком наказании в стране «еретиков из Германии», подразумевая сторонников идей Лютера, создающих среди городского населения небольшие протестантские группы (Bauhofer, 1854, p. 25–26). Более широкое распространение Реформации началось с катастрофического момента в жизни страны, наступившего в результате поражения от Османской империи в битве при Мохаче (1526 год) и гибели короля Людовика II, не оставившего прямых наследников. Последующая междоусобица привела к возникновению на территории королевства двух государств, соперничавших между собой. Северо-западная часть Венгрии оказалась оккупированной Фердинандом I Габсбургом (женой которого была Анна, старшая сестра погибшего короля Людовика II). Оставшаяся территория королевства оказалась под контролем выбранного местной венгерской знатью короля Яноша (Иоанна) I Заполяи, признавшего себя вассалом Османской империи.

В последующее десятилетие на территории Восточно-Венгерского королевства без прямого участия государства существенно ускорилась протестантская реформация. Немецкое население городов и отдельные венгерские дворяне, принимая лютеранское вероучение, проводили конфискацию земель католической церкви. На подконтрольной Габсбургам венгерской территории идеи Реформации не могли так быстро распространяться из-за жесткой католической позиции Фердинанда I и его близких советников, католических епископов (Bauhofer, 1854, p. 40–50).

Поддержку протестантизму оказывали магнаты, которые укрепили свое влияние из-за раздробления единого королевства и стали самостоятельной политической силой в острой австро-турецкой борьбе. Крупнейшие магнатские семьи венгерского королевства (Надашди, Батори, Петровичи, Зринские, Баттяни, Бочкаи и другие) сыграли важную роль в процессе Реформации.

Показательным примером распространения Реформации и роли в ней феодальной аристократии является история Матьяша Деваи, крупнейшего деятеля венгерского протестантизма в 1530-1540-е годы. Первоначально Матьяш Деваи был учеником Лютера в Виттенбергском университете; вернувшись весной 1531 года в Венгрию, он стал пастором в Буде и приступил к активной пропаганде протестантизма. Основой его проповеди стало недавно составленное Аугсбургское вероисповедание. Острые критики Матьяша Деваи было направлено на культ почитания святых и католическое монашество. Во время пребывания в венгерских землях, находившихся под контролем Габсбургов, он был арестован и отправлен в Вену, где предстал перед церковным судом. Венский суд после длительного разбирательства отпустил его, но по возвращении в Буду его арестовали уже по приказу короля Яноша Заполяи. Поддержка со стороны венгерских дворян, многие из которых стали сторонниками протестантизма, позволила избежать судебного разбирательства, и Матьяш Деваи был освобожден. После этого он поселился в замке Шегеда, владении венгерского могущественного магната Томаса Надашди, где, пользуясь его покровительством, подготовил несколько работ в защиту протестантского учения.

История проповеднической деятельности Матьяша Деваи показывает, что королевские власти пытались бороться с распространением протестантских идей на территории Венгерского королевства, но вмешательство мощной магнатской оппозиции не только мешало осуждению лидеров лютеранских общин, но и давало им в руки материальные и пропагандистские ресурсы.

Новым событием, осложнившим ситуацию в Венгерском королевстве, стала внезапная смерть в 1540 году Яноша I через две недели после рождения у него сына. Собранный экстренным порядком Сейм провозгласил королем младенца Яноша II при регентстве королевы-матери Изабеллы (дочери польского короля Сигизмунда I) и епископа Дьёрдя Мартинуцци. Фердинанд I, которому еще до женитьбы Янош I обещал королевство (договор в Вараде 1538 года), не признал новую власть, и в 1541 году последовала осада Буды австрийскими войсками.

Осада Буды сорвалась, и боевые действия, шедшие еще несколько лет, завершились поражением Габсбургов. По мирному договору 1547 года произошел раздел Венгрии на три части: северо-западная часть страны осталась под контролем Фердинанда I (впоследствии Королевская Венгрия), Буда и центральная часть контролировалась султаном (впоследствии Османская Венгрия), а восточная часть была отдана Яношу II, который, в свою очередь,

признавал вассальную зависимость от Османской империи. Новое государство Яноша II в исторической науке получило название «Восточно-Венгерское королевство», хотя сам он использовал титул короля Венгрии, который официально уступил Максимилиану II лишь в 1570 году (Шпейерский договор), после чего принял титул князя Трансильвании. Политическая раздробленность страны и постоянная внешняя угроза, продолжающаяся на протяжении многих веков, стала следующей особенностью религиозных процессов в венгерских землях во второй половине XVI века.

В венгерских землях, находившихся под контролем Османской империи, реформационные процессы в 1540-е годы пошли еще быстрее. Турецкие власти не препятствовали проповеди протестантских идей среди венгерского населения, так как видели в конфессиональных противоречиях внутри христианства залог ослабления европейских государств (Unghváry, 1989, p. 24).

В Восточно-Венгерском королевстве ситуация была сложной. За власть на протяжении десятилетия боролись выбранные сеймом регенты Яноша II: католический епископ Дьёрдом Мартинуцци (Джорджо Утешенович) и венгерский магнат Петер Петрович. Епископ Дьёрд Мартинуцци старался объединить венгерские земли под контролем Габсбургов, чтобы изгнать турок и не допустить быстрого распространения идей Реформации. Петер Петрович представлял партию в основном протестантской направленности, она была готова оставаться под вассалитетом турок, но не допустить власти католических Габсбургов. Эта политическая борьба не помешала быстрому распространению Реформации, все больше общин и дворян конфисковывали земли католической церкви. Этнический фактор сыграл важную роль в лютеранской Реформации, особенно быстро она проходила в немецких городах Трансильвании, получивших название Семиградье. В течение нескольких лет, с 1541 по 1544 годы, все немецкие города ввели лютеранское богослужение и изгнали католических монахов и настоятелей соборов (Wien, 2017, p.12). В 1545 году прошел первый протестантский Синод в Восточно-Венгерском королевстве в городе Ардуде, где за доктринальную основу новой церкви было принято Аугсбургское вероисповедание.

В сентябре 1549 года регент Дьёрд Мартинуцци и Фердинанд I договорились о передачи земель Восточно-Венгерского королевства Габсбургам. В обмен Янош II и его мать получали земельные владения в Силезии (герцогства Оппельн и Ратибор), большую денежную компенсацию (100 тысяч золотых дукатов) и ежегодную ренту в 25 тысяч золотых дукатов. Используя антитурецкие настроения, Мартинуцци смог убедить сейм в необходимости объединения с Габсбургами. Янош II с матерью были вынуждены согласиться с этим решением и в 1551 году покинуть Венгрию. Амбициозный епископ Мартинуцци получил за блестящую операцию кардинальское звание и стал примасом Венгрии, но через полгода в результате сложных политических интриг был убит наемниками генерала Кастальдо, подчинявшегося Фердинанду I.

Военная ситуация в Восточно-Венгерском королевстве во время очередной австро-турецкой войны (1552–1559) часто менялась и в результате закончилась возвращением в 1556 году Яноша II и его регента – королевь-матери Изабеллы – при полной победе сторонников Реформации во главе с магнатом Петером Петровичем. Возвращение Запольяи привело к быстрому утверждению протестантизма на государственном уровне, конфискации всех оставшихся католических земель в пользу короны и магнатов. Понимая важность мира в небольшом полиэтническом государстве, зажатом между сильными постоянно воюющими противниками, в июне 1557 года Тордайским эдиктом Янош II подтвердил свободу двух вероисповеданий (в духе Аугсбургского мира), возложив на дворянство и общины право самим определять свою религиозную идентичность (История Венгрии, 1971, с. 307). Эдикт был практической политической мерой, призванной способствовать установлению мира между католиками и лютеранами, а не утверждением политики терпимости государства к любой религии. Уже в следующем, 1558 году сейм запретил растущую «секту сакрамертарцев» (так называли сторонников концепции Цвингли-Кальвина).

Временем завершения начального этапа Реформации в венгерских землях, на наш взгляд, является середина 1550-х годов. В землях, бывших под контролем Османской империи, и Восточно-Венгерских землях окончательно побеждает Реформация. Практически все земельные владения католической церкви переходят в руки государства, местных общин и феодалов. Параллельно начинается распространение более радикальных реформаторских идей, многие общины постепенно переходят из лютеранской в швейцарскую традицию. В Королевской Венгрии, несмотря на сопротивление имперской администрации, идеи протестантизма также получили значительное распространение; росло количество сторонников Реформации среди венгерского дворянства и горожан; некоторые магнатские семьи открыто перешли в лютеранское вероисповедание.

Второй этап Реформации в венгерских землях.

Начало распространения антитринитарных идей

Следующий этап развития Реформации в Венгрии, начавшийся во второй половине 1550-х годов, связан с распространением идей швейцарской протестантской традиции и появлением радикальных антитринитарных концепций. Существует два основных подхода к определению времени появления и начала распространения антитринитарных идей в Венгрии.

Первый подход утверждает, что они появились в 1550-е годы, и связывает это с деятельностью Франческо Станкаро (1501–1574), который был приглашен в Трансильванию магнатом Петером Петровичем в качестве личного врача в 1554 году и пробыл там до смерти своего покровителя в 1559 году. Станкаро

был известен как сторонник радикальных протестантских взглядов, его деятельность в начале 1550-х годов привела к созданию в Польше первых протестантских общин, ориентированных на учение швейцарской Реформации. Его работа “*Canones Reformationis*” (Реформация канонов), во многом близкая к швейцарской реформаторской школе, вызвала раскол в польском протестантском движении и заставила автора трактата уехать в Трансильванию. Протестантские синоды в Сике в 1554–1555 годы обсуждали спорные христологические взгляды Станкаро о сочетании двух ликов божественного и человеческого в Христе. Сутью позиции Станкаро была идея о посреднической роли Христа между Богом и людьми. Посредничество могло идти лишь через человеческий лик Христа, а не божественный. Опровержение этого факта ставило бы божественность Христа ниже Бога-Отца, что приводило бы к разрушению догмата Троицы (Wilbur, 1945, p. 318–319). По многим другим теологическим вопросам он соглашался с позицией швейцарских богословов.

Франческо Станкаро воспринимается в исторической литературе как фигура противоречивая, теолог, часто менявший свои взгляды и вызывавший конфликты в протестантском сообществе. Дискуссии со Станкаро, взгляды которого в 1550-е годы не являлись последовательно антитринитарными, радикализировали венгерскую Реформацию и способствовали распространению швейцарской теологии, а не утверждению антитринитарных идей (Wilbur, 1946, p. 16).

Второй подход датирует распространение антитринитарных идей в Восточно-Венгерском королевстве серединой 1560-х годов и связывает их с деятельностью Ференца Давида (1510–1579) и Джорджио Бландраты (1515–1588).

Ференц Давид (1510–1579) является самой яркой фигурой венгерской Реформации. Он получил образование во францисканской школе, а затем в знаменитом Виттенбергском университете. Работал ректором католической школы, но после перехода в протестантизм стал пастором и ректором лютеранской школы в Колошварах. В 1550-е годы известность Ференца Давида растет, в спорах с Франческо Станкаро и сторонниками Кальвина он проявляет себя большим знатоком Библии, искусным теологом и прекрасным оратором. В 1557 году на синоде венгерских общин его избирают лютеранским епископом (суперинтендантом) Трансильвании (Erdo, p. 12).

Как мы отмечали ранее, второй период Реформации в 1550–1560-е годы стал временем широкого распространения взглядов «сакраментарцев» (швейцарских реформаторов). Пламенным оратором и главным защитником их взглядов в многочисленных дискуссиях внутри протестантской среды стал молодой пастор Петер Мелиус Юхас (1532–1572). Ференц Давид выступал в них как защитник классической лютеранской теологии; главным дискутируемым вопросом была разница в подходе к причастию. В 1559 году Ференц Давид постепенно переходит к идеям реформаторов и в следующем году

в результате очередной дискуссии, где он высказывает взгляды на таинства в духе сторонников Кальвина, его исключают из членов лютеранской церкви. Последовательные переходы из одной христианской конфессии в другую и видное положение, которое Ференц Давид занимал в каждой из них, яркий полемический талант, харизматичность и умение влиять на окружающих резко разделили современников в оценке его личности. Противники характеризовали Ференца Давида как человека беспринципного, легко меняющего позицию под воздействием политической конъюнктуры, стремящегося к личному возвышению, а сторонники воспринимали его как искренне верующего христианина, идущего в поиске истины до конца, несмотря на авторитеты учителей церкви. Сам Ференц Давид в поздних работах заявлял, что антитринитарные идеи возникли у него еще в 1560 году сразу после перехода в реформаторскую церковь. Это произошло в виде «откровения», которое он пережил, изучая библейские тексты. Исследователи не находят фактов, подтверждающих эту версию (Wilbur, 1946, p. 20). До приезда в Трансильванию Джорджио Бландраты и синода 1564 года Ференц Давид последовательно и ярко защищал идеи швейцарской Реформации.

Политическая ситуация в Восточно-Венгерском королевстве сильно поменялась со смертью королевы Изабеллы в 1559 году и началом самостоятельного правления Яноша II Запольяи. Он живо интересовался вопросами религии и хотел примирить постоянно враждующие протестантские конфессии, чтобы не допустить религиозного раскола внутри страны, живущей под постоянной военной угрозой со стороны Габсбургов. Несмотря на заключенный в 1559 году австро-турецкий мир, борьба за область Парциум (Затисье) между Яношем II и Габсбургами продолжалась. Стремительное распространение реформаторских взглядов среди венгров и секлеров в конце 1550-х годов, доминирование лютеранских взглядов в немецких городах, постоянная католическая угроза и военные столкновения вызывали у монарха желание преодолеть религиозные разногласия подданных и помочь им объединиться в единую протестантскую конфессию. Молодой король поощрял богословские дискуссии между представителями лютеранской и реформатской церквей, с целью достижения между ними компромисса.

В 1563 году при дворе Яноша II появился итальянец Джорджио Бландрата – человек, известный ему с детства, врач его матери и бабушки (королевы Боны) в 1540-е годы, известный деятель польского реформаторского движения, сторонник антитринитарных взглядов (Rotondo, 1863). Он становится представителем короля на примирительном синоде лютеранской и кальвинисткой групп в Эньеде в апреле 1564 года. Синод не смог выработать богословский компромиссный вариант и объединить разные протестантские группы и привел к обратному эффекту – образованию отдельной реформатской церкви Трансильвании во главе с епископом Ференцем Давидом.

Формальная неудача синода способствовала сплочению радикальной части реформаторов и началу сотрудничества Джорджио Бландраты и Ференца Давида. Используя влияние Джорджио Бландраты, Ференц Давид становится придворным проповедником короля, взгляды которого постепенно меняются в сторону признания антитринитаризма. В итоге это привело к формированию государственной политики поддержки радикальной Реформации, которая заканчивается возникновением унитарной церкви Трансильвании.

Образование унитарной церкви в венгерских землях

Исследователи не могут точно обозначить ведущую сторону в совместной работе Джорджио Бландраты и Ференца Давида, хотя доминирующей точкой зрения является мнение, что опытный дипломат Бландрата заронил сомнение в епископе и короле и смог направить их по пути рационального осмысления противоречий устоявшихся церковных догматов о сущности Христа (Carteny, 2004, p. 31–32; Wilbur, 1946, p. 22; Williams, 1992, p. 1099).

Фактом является постепенное изменение взглядов нового лидера реформаторов в отношении догмата Троицы. 20 января 1566 года Ференц Давид произнес свою первую публичную речь, где подверг критике догмат Троицы. Это вызвало временное объединение лютеран и швейцарских реформаторов, и они общим фронтом выступили в защиту Троицы. На протяжении последующих лет происходили постоянные синоды и дискуссии между Ференцом Давидом и Петером Мелиусом Юхасом, который отстаивал ортодоксальные взгляды швейцарской теологии. В этих дебатах выкристаллизовывалась позиция обеих сторон.

Ференц Давид и Джорджио Бландрата подготовили и издали произведение “*De vera et falsi unius Dei, Filii et Spiritus Sancti cognitione*” («Об истинном и ложном понимании единого Бога, Сына и Святого духа»), разделенное на две книги, написанное в 1567 г. и опубликованное в 1568 г. в Дьюла-Фельерваре (Rotondo, 1863, p. 432). Реформаторы подготовили и издали в 1568 документ, названный «Варадское исповедание», где изложили свои аргументы в защиту Троицы и других догматов швейцарского исповедания. Раскол между антитринитариями и реформаторами преодолеть не удалось; острые дискуссии и публичное обсуждение догмата Троицы стали примечательным событием в религиозной жизни всей Европы, демонстрирующее редкое свободомыслие (Williams, 1992, p. 1109).

Янош II в сложной международной обстановке не собирался насильно насаждать одну из протестантских деноминаций и продолжил политику поиска религиозного компромисса.

6–13 января 1568 года сейм Торда провозгласил свободу вероисповедания и совести в следующей формулировке:

«Наше Королевское Величество, как он решил на прежних прениях в своей стране по вопросам религии, подтверждает также и на нынешнем сейме, что каждый оратор должен проповедовать евангелие по своему (личному) пониманию, в любом месте, если эта община хочет принять его, а если нет, то никто не должен принуждать его только потому, что их душа не удовлетворена им, но община может держать такого проповедника, чьи учения восхитительны. [Поэтому никто не должен] вредить проповеднику этой или прежней конституцией, никто не может быть обвинен из-за его вероисповедания. Это слышание зачато словом Божиим» (Erdo, 1990, p.18).

Это решение не имело аналогов в современной Европе, так как признавало личные права свободы вероисповедания, а не передавало права общинам или феодалам. В эдикте не было списка разрешаемых для выбора конфессий, что делало эту свободу чрезвычайно широкой. Интересны параллели с аналогичной ситуацией в Речи Посполитой, где в момент ослабления королевской власти в период “interrex” (1572–1573 годы) и острой внутривластной борьбы магнатских партий удалось также добиться от Генриха Валуа в момент его избрания на престол гарантий свободы вероисповедания для всех протестантских деноминаций (Кареев, 1886, с.172–174).

Эдикт Торды считается началом образования унитарной христианской церкви Трансильвании. Король Янош II явно симпатизировал новому движению, он стал первым и единственным монархом-унитарием (Wilbur, 1946, p. 26–27). При его поддержке была основана типография, и училище в Коложваре перешло в руки антитринитариев. В ней публиковались религиозные труды, материалы дискуссий, переведенные на венгерский язык. Ораторский талант, поддержка власти и активная проповедническая деятельность позволили за несколько лет обратить тысячи человек и создать десятки приходов. Антитринитарные идеи распространились за пределы Трансильвании в земли, подконтрольные Османской империи, – Трансданию и Альфельд. Были установлены тесные связи с Младшей реформистской церковью, которая организационно оформилась в 1565 году в Польско-Литовском государстве. Ференц Давид, являясь суперинтендантом новой религиозной организации, смог добиться за короткий промежуток больших успехов, создать структуру, сохранившую себя и после прекращения государственной поддержки.

Мощный подъем унитаризма закончился со смертью Яноша II в 1571 году с приходом к власти в Трансильвании правителей-католиков – Стефана Батория (1571–1576) и его брата Кристофа (1576–1581). Они пытались восстановить католическую церковь и вытеснить протестантизм, в особенности унитаризм, который своим отрицанием догмата Троицы вызывал наиболее сильное неприятие со стороны всех христианских конфессий. Политика католической контрреформации не смогла восторжествовать в Трансильвании в силу обозначенных нами факторов: этнической пестроты, пограничного положения княжества и сложной международной обстановки. На сейме местное дворян-

ство, представители городов последовательно добивались от новых правителей подтверждения эдикта Торды (1568 года) и значительным образом ограничивали возвращение влияния католической церкви и приведенных Стефаном Баторием иезуитов. Унитарная, лютеранская и реформаторская общины Трансильвании смогли сохранить свой официальный статус признанных государственных религий.

На территории Султанской и Королевской частей Венгрии протестантизм в 1560–1570-е годы также окончательно оформился, но численность его сторонников перестала расти. Правление Максимилиана II (1564–1576), монарха веротерпимого и склонного к компромиссу с протестантами, благотворно сказалась на положении сторонников лютеранства и кальвинизма в Королевской Венгрии. Имперская администрация и католическая церковь старались не допускать проповеди протестантизма, но не применяли прямого преследования и репрессий. Прекращение на длительное время больших войн между Габсбургами и Османской империей (с 1568 по 1593 годы) также способствовало определенной стабилизации конфессиональной ситуации и закрепления статуса протестантских церквей. Таким образом, мы можем констатировать прекращение активной фазы процесса Реформации на венгерских землях в 1570-х годах, закончившегося образованием нескольких протестантских религиозных организаций, в том числе и Унитарной церкви Трансильвании.

Выводы

В ходе исследования нами были выделены особенности течения Реформации, способствовавших победе радикальных протестантских направлений в венгерских землях. Первая особенность – это влияние сложного этнического состава, которое значительно увеличивало децентрализацию и усиливало местные власти в периоды утраты стабильности или распада единого государства. В своей внутренней политике правителям приходилось учитывать позицию отдельных этнических групп, принявших разные религиозные доктрины, что делало необходимым поиск не только этнического, но и религиозного мира.

Вторая особенность – это сложная международная обстановка в регионе Центральной Европы XVI века. Распад Венгерского королевства, австро-венгерские войны и постоянные пограничные столкновения, приведшие к возникновению сопредельных и соперничающих между собой относительно независимых государственных образований, позволили претендентам на власть использовать в своей борьбе приверженность населения той или иной конфессии; в итоге это привело к уникальной ситуации свободы вероисповедания в Трансильвании. Венгерские земли стали на многие десятилетия фронтиром культурно-религиозной борьбы христианского мира с исламской угрозой (Андреева, 2014, с.13). В этой борьбе фактор распространения протестантизма сыграл ключевую роль.

стантизма был одним из определяющих, что привело к возникновению сложной комбинации борьбы разнонаправленных политических групп, которые рассматривали проведение Реформации как возможность добиться успеха в военном противостоянии.

Третья особенность заключается в том, что распад единого государства и полиэтническая ситуация привели к усилению роли крупных феодалов (магнатов), в том числе, в конфессиональной политике в регионе. Стремление к расширению политических прав и возвышению в рамках возникших государственных образований заставляло многие магнатские рода поддерживать и защищать протестантские конфессии.

Влияние приведенных особенностей и исторические события XVI века в венгерских землях позволяют выделить в процессе Реформации несколько этапов. В результате первого этапа, проходившего с начала 1520-х годов до середины 1550-х, распространение протестантизма протекало относительно медленно, встречая сопротивление государственной власти. Процесс ускорился из-за турецкого вторжения и распада единого Венгерского королевства; на территориях, оказавшихся под контролем или в вассальной зависимости от Османской империи, победила умеренная (лютеранская) Реформация.

Второй этап приходится на середину 1550-х – 1570-е годы. В это время Реформация на территориях всех венгерских земель сильно радикализировалась. Появилось и одержало победу реформаторское движение, внутри которого зародилось еще более радикальное антитринитарное учение. В результате этого процесса в Восточно-Венгерском королевстве установилась самая широкая в Европе свобода вероисповедания, а также образовалась унитарная христианская церковь Трансильвании, получившая равные права со всеми другими религиозными конфессиями. Унитарная церковь Трансильвании смогла сохраниться и стать уникальным явлением в острой политической и конфессиональной борьбе на фронтире христианско-исламского противостояния в Центральной Европе. Она сыграла важную роль в формировании венгерского и румынского этносов и культуры и существует до сих пор, как старейшая унитарная церковь мира.

Список литературы

- Allen, J. H. (1894). *An historical sketch of the unitarian movement since the Reformation*. Christian Literature Co.
- Almási, G., Brzeziński, S., Horn, I., Teszelszky, K., & Zarnóczy, A. (2015). *A Divided Hungary in Europe: Exchanges, Networks and Representations, 1541-1699: Vol. 1. Study Tours and Intellectual-Religious Relationships*. Cambridge Scholars Publisher.
- Balázs, M. (1988). *Az erdélyi antitrinitarizmus az 1560-as évek végén [Antitrinitarianism in Transylvania in the late 1560s]*. Akadémiai Kiadó. (In Hungarian).

- Balazs, M. (1993). *Bibliotheca Dissidentium. Répertoire des non-conformistes religieux des seizième et dix-septième siècles.*, Tome XV: *Ungarlandische Antitinitarier II*. [Bibliotheca Dissidentium. Directory of religious non-conformists of the sixteenth and seventeenth centuries, Volume XV: *Ungarlandische Antitinitarier II*]. György Enyedi, Baden-Baden. (In French).
- Balázs, M. (1998). *Teológia és irodalom. Az Erdélyen kívüli antitrinitarizmus kezdete* [Theology and literature. The beginning of anti-Trinitarianism outside Transylvania]. László és Tsa Bt. (In Hungarian).
- Balázs, M. (2016). *Hitújítás és egyházalapítás között. Tanulmányok az erdélyi unitarizmus 16-17. Századi történetéről*. Editura Episcopiei Unitariane. (In Hungarian).
- Bauhofer, J. G. (1854). *History of the Protestant Church in Hungary: From the beginning of the reformation to 1850; with special reference to Transylvania*. J. Nibset and Co.
- Bonet-Maury, G. (1884). *Early sources of English unitarian Christianity*. Br. and For. Unitarian Association.
- Carteny, A. (2004). Italian influences in the humanistic (and autonomous) Hungarian culture of Transylvania (XVIth century). In *Hatalom és kultúra. V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszus* (Jyväskylä, 2001. Augusztus 6-10.) előadásai [Power and culture. Papers presented at the V International Congress of Hungarology (Jyväskylä, 6-10 August 2001)]. Budapest.
- Cooke, G. W. (1902). *Unitarianism in America. A history of its Origin and Development*. American Unitarian Association.
- Craciun, M., & Ghitta, O. (2017). *Confessional Identity in East-Central Europe*. Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781315259680>
- d'Aubigné, M. (1988). *Histoire de la Réformation en Europe au temps de Calvin*, 8 vols., 1862-1877. Akadémiai Kiadó.
- Dizionario biografico degli Italiani [Biographical Dictionary of Italians]: Vol. X . Giorgio Biandrata. (1968). Istituto dell'Enciclopedia Italiana. (In Italian).
- Erdo, J. (1990). *Transylvanian Unitarian Church: Chronological History and Theological Essays*. Center for Free Religion.
- Leppin, V., & Wien, U. A. (2005). *Konfessionsbildung und Konfessionskultur in Siebenbürgen in der Frühen Neuzeit. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa* [Confessional formation and confessional culture in Transylvania in the early modern period. Sources and Studies on the History of Eastern Europe]. Franz Steiner Verlag. (In German).
- Maag, K. (2016). *The Reformation in Eastern and Central Europe*. Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781315237442>
- Mout, M. E. H. N. (2010). Mihály Balázs, *Ungarländische Antitrinitarier IV. Ferenc Dávid* [Bibliotheca Dissidentium. Répertoire des non-conformistes religieux des seizième et dix-septième siècles, édité par André Séguenny, 26; Bibliotheca Bibliographica Aureliana 222]. Koerner, Baden-Baden/Bouxwiller 2008, 45 Abb., 325 S. isbn 9783873207226. €98. *Church History and Religious Culture*, 90(2-3), 418-419. <https://doi.org/10.1163/18712411-0X542662>
- Péter, K. (2018). *Studies on the History of the Reformation in Hungary and Transylvania*. Vandenhoeck & Ruprecht. <https://doi.org/10.13109/9783666552717>
- Rotondo, A. (1863). *Histoire, descriptive, artistique et pittoresque, du monastère royal de St.-Laurent, vulgairement dit de l'Escorial: Ouvrage dédié à S.M. la reine Isabelle II et à son auguste époux S.M. le roi D. Francois d'Assise* [A descriptive, artistic and picturesque history of the royal

- monastery of St Lawrence, commonly known as El Escorial: A work dedicated to H.M. Queen Isabella II and her august husband H.M. King D. Francis of Assisi.]. Imprimerie de D. Eusebio Aguado, imprimeur de la chambre de S.M. et de la Maison royal. (In French).
- Unghváry, A. S. (1989). *The Hungarian Protestant Reformation in the sixteenth century under the Ottoman impact: Essays and profiles*. E. Mellen Press.
- Wien, U. A. (2017). *Pionierregion der Religionsfreiheit. Luther, Honterus und Wirkungen der Reformation*. Schiller Verlag.
- Wilbur, E. M. (1945). *A history of Unitarism* (Vol. 1). New-York.
- Wilbur, E. M. (1946). *A History of Unitarianism: In Transylvania, England and America: Vol. II*. New-York.
- Williams, G. H. (1992). *The radical Reformation* (3rd, rev.expanded. 1992 ed.). n. p.
- Андреева, А. А. (2014). «Фронт» как культурно-историческая категория. *Вестник Майкопского технологического университета*, 3, 11–15.
- Борецкий-Бергфельд, Н. П. (1908). *История Венгрии в средние века и новое время*. АО «Брокгауз-Ефрон».
- Гусарова, Т. П. (2018a). Реформация и политические запросы венгерского дворянства в первой половине 1520-х гг. *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*, 4(2), 123–141.
- Гусарова, Т. П. (2018b). Католики и протестанты в Венгрии перед лицом закона от Мохача до Венского мира (1526-1608 гг.). *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 9(73). <https://doi.org/10.18254/S0002488-5-1>
- Исламов, Т. М., Пушкаш, А. И., & Шушарин, В. П. (1991). *Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней*. Наука.
- История Венгрии* (Т. 1). (1971). Наука.
- Кареев, Н. И. (1886). *Очерк истории реформационного движения в Польше и католической реакции в Польше*. Типография Мамонтова и Ко.
- Контлер, Л. (2002). *История Венгрии: Тысячелетие в центре Европы*. Весь Мир.

References

- Allen, J. H. (1894). *An historical sketch of the unitarian movement since the Reformation*. Christian Literature Co.
- Almási, G., Brzeziński, S., Horn, I., Teszelszky, K., & Zarnóczy, A. (2015). *A Divided Hungary in Europe: Exchanges, Networks and Representations, 1541-1699: Vol. 1. Study Tours and Intellectual-Religious Relationships*. Cambridge Scholars Publisher.
- Andreeva, A. A. (2014). "Frontier" as a Cultural and Historical Category. *Bulletin of Maikop State Technological University*, 3, 11–15. (In Russian).
- Balázs, M. (1988). *Az erdélyi antitrinitarizmus az 1560-as évek végén [Antitrinitarianism in Transylvania in the late 1560s]*. Akadémiai Kiadó. (In Hungarian).

- Balazs, M. (1993). *Bibliotheca Dissidentium. Répertoire des non-conformistes religieux des seizième et dix-septième siècles.*, Tome XV: *Ungarlandische Antitinitarier II*. [Bibliotheca Dissidentium. Directory of religious non-conformists of the sixteenth and seventeenth centuries, Volume XV: *Ungarlandische Antitinitarier II*]. György Enyedi, Baden-Baden. (In French).
- Balázs, M. (1998). *Teológia és irodalom. Az Erdélyen kívüli antitrinitarizmus kezdete* [Theology and literature. The beginning of anti-Trinitarianism outside Transylvania]. László és Tsa Bt. (In Hungarian).
- Balázs, M. (2016). *Hitújítás és egyházalapítás között. Tanulmányok az erdélyi unitarizmus 16-17. Századi történetéről*. Editura Episcopiei Unitariane. (In Hungarian).
- Bauhofer, J. G. (1854). *History of the Protestant Church in Hungary: From the beginning of the reformation to 1850; with special reference to Transylvania*. J. Nibset and Co.
- Bonet-Maury, G. (1884). *Early sources of English unitarian Christianity*. Br. and For. Unitarian Association.
- Boretskiy-Bergfel'd, N. P. (1908). *Istoriya Vengrii v srednie veka i novoe vremya*. AO "Brokgauz-Efron". (In Russian).
- Carteny, A. (2004). Italian influences in the humanistic (and autonomous) Hungarian culture of Transylvania (XVIth century). In *Hatalom és kultúra. V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszus* (Jyväskylä, 2001. Augusztus 6–10.) előadásai [Power and culture. Papers presented at the V International Congress of Hungarology (Jyväskylä, 6–10 August 2001)]. Budapest.
- Cooke, G. W. (1902). *Unitarianism in America. A history of its Origin and Development*. American Unitarian Association.
- Craciun, M., & Ghitta, O. (2017). *Confessional Identity in East-Central Europe*. Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781315259680>
- d'Aubigné, M. (1988). *Histoire de la Réformation en Europe au temps de Calvin*, 8 vols., 1862–1877. Akadémiai Kiadó.
- Dizionario biografico degli Italiani [Biographical Dictionary of Italians]: Vol. X. Giorgio Biandrata. (1968). Istituto dell'Enciclopedia Italiana. (In Italian).
- Erdo, J. (1990). *Transylvanian Unitarian Church: Chronological History and Theological Essays*. Center for Free Religion.
- Gusarova, T. P. (2018b). Catholics and Protestants in Hungary in the Face of the Law from Battle of Mohács to the Peace of Vienna (1526–1608). *Istoriya*, 9(73). <https://doi.org/10.18254/s0002488-5-1> (In Russian).
- Gusarova, T. P. (2018a). Reformacija i politicheskie zaprosy vengerskogo dvorjanstva v pervoj polovine 1520-h gg. *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History And Culture*, 4(2), 123–141. (In Russian).
- Islamov, T. M., Pushkash, A. I., & Shusharin, V. P. (1991). *Kratkaya istoriya Vengrii. S drevneyshikh vremen do nashikh dney*. Nauka. (In Russian).
- Istoriya Vengrii* (Vol. 1). (1971). Nauka. (In Russian).
- Kareev, N. I. (1886). *Ocherk istorii reformatsionnogo dvizheniya v Pol'she i katolicheskoy reaktsii v Pol'she*. Tipografiya Mamontova i Ko. (In Russian).
- Kontler, L. (2002). *Istoriya Vengrii: Tysyacheletie v tsentre Evropy*. Ves' Mir. (In Russian).

- Leppin, V., & Wien, U. A. (2005). *Konfessionsbildung und Konfessionskultur in Siebenbürgen in der Frühen Neuzeit. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa [Confessional formation and confessional culture in Transylvania in the early modern period. Sources and Studies on the History of Eastern Europe]*. Franz Steiner Verlag. (In German).
- Maag, K. (2016). *The Reformation in Eastern and Central Europe*. Taylor & Francis.
<https://doi.org/10.4324/9781315237442>
- Mout, M. E. H. N. (2010). Mihály Balázs, Ungarländische Antitrinitarier IV. Ferenc Dávid [Bibliotheca Dissidentium. Répertoire des non-conformistes religieux des seizième et dix-septième siècles, édité par André Séguenny, 26; Bibliotheca Bibliographica Aureliana 222]. Koerner, Baden-Baden/Bouxwiller 2008, 45 Abb., 325 S. isbn 9783873207226. €98. *Church History and Religious Culture*, 90(2-3), 418-419. <https://doi.org/10.1163/18712411-0X542662>
- Péter, K. (2018). *Studies on the History of the Reformation in Hungary and Transylvania*. Vandenhoeck & Ruprecht. <https://doi.org/10.13109/9783666552717>
- Rotondo, A. (1863). *Histoire, descriptive, artistique et pittoresque, du monastère royal de St.-Laurent, vulgairement dit de l'Escurial: Ouvrage dédié à S.M. la reine Isabelle II et à son auguste époux S.M. le roi D. Francois d'Assise [A descriptive, artistic and picturesque history of the royal monastery of St Lawrence, commonly known as El Escorial: A work dedicated to H.M. Queen Isabella II and her august husband H.M. King D. Francis of Assisi.]*. Imprimerie de D. Eusebio Aguado, imprimeur de la chambre de S.M. et de la Maison royal. (In French).
- Unghváry, A. S. (1989). *The Hungarian Protestant Reformation in the sixteenth century under the Ottoman impact: Essays and profiles*. E. Mellen Press.
- Wien, U. A. (2017). *Pionierregion der Religionsfreiheit. Luther, Honterus und Wirkungen der Reformation*. Schiller Verlag.
- Wilbur, E. M. (1945). *A history of Unitarism (Vol. 1)*. New-York.
- Wilbur, E. M. (1946). *A History of Unitarianism: In Transylvania, England and America: Vol. II*. New-York.
- Williams, G. H. (1992). *The radical Reformation (3rd, rev.expanded. 1992 ed.)*. n. p.

From “Decisive Hostility” to “Cordial Agreement”: “The Times” on the Evolution of Britain’s Image in Russian Press at the Beginning of the 20th Century

Lidia V. Antonova

Pskov State University. Pskov, Russia. Email: antonova.lidia.24[at]yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2283-6664>

Received: 14 August 2023 | Revised: 22 November 2023 | Accepted: 2 December 2023

Abstract

The article deals with the reflection of the image of Britain in the analytical reviews of “The Times” newspaper on the pages of the Russian periodical press at the beginning of the 20th century.

The study covers the period from the turn of the 19th–20th centuries until 1907, when the relations between Russia and Britain transitioned from extreme tension and rivalry in different regions of the world to an alliance within the Triple Entente. At this time, the press became truly massive and exerted a stronger influence than ever on the development of international relations. One of the leading English newspapers, “The Times”, took a largely pro-government stance and reflected the official position on foreign policy issues. It regularly reviewed the publications in the Russian press concerning Anglo-Russian relationship or British politics in general.

As a result of the analysis of “The Times” reviews, it is possible to show the significance of the British political image, the dynamics of public opinion in the Russian Empire regarding a possible confrontation or Anglo-Russian rapprochement. The Russian press formed among readers a certain perception of Britain in the context of the Anglo-Boer War, the events in the Far East, the process of resolving contradictions, and the conclusion of the 1907 agreement, while the English press reflected on this image. The transformation of rhetoric in the press happened as rapidly as the changes in relations between the two powers.

Keywords

Periodicals; The Times; Russian Empire; British Empire; Anglo-Boer War; Boxer Rebellion; Russo-Japanese War; The Image of the Enemy; The Image of The Ally; Entente

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

От «решительной враждебности» к «сердечному согласию»: “The Times” об эволюции образа Британии в российской печати начала XX в.

Антонова Лидия Владимировна

Псковский государственный университет. Псков, Россия. Email: antonova.lidia.24[at]yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2283-6664>

Рукопись получена: 14 августа 2023 | Пересмотрена: 22 ноября 2023 | Принята: 2 декабря 2023

Аннотация

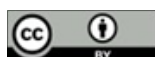
В статье рассматривается отражение в аналитических обзорах газеты “The Times” образа Британии на страницах российской периодической печати начала XX в.

Исследование охватывает период с рубежа XIX– XX вв. до 1907 г., когда отношения России и Британии прошли путь от крайней напряжённости и соперничества в разных регионах мира к союзу в рамках Тройственной Антанты. Пресса в это время становится по-настоящему массовой и оказывает как никогда сильное влияние на развитие международных отношений. Одна из ведущих английских газет “The Times” занимала, в основном, проправительственную позицию и отражала официальное мнение по внешнеполитическим вопросам. В ней регулярно делались обзоры на публикации российской прессы, касавшиеся англо-русских отношений или британской политики вообще.

В результате анализа обзоров “The Times” удалось показать, насколько значимым для публики был вопрос политического имиджа Британии, динамики общественного мнения Российской империи относительно возможной конфронтации или англо-русского сближения. Российская печать формировала у читателей определённое восприятие Британии в контексте англо-бурской войны, событий на Дальнем Востоке, процесса урегулирования противоречий и заключения соглашения 1907 г., а английская печать проводила рефлексию этого образа. Трансформация риторики в прессе происходила также стремительно, как и изменения в отношениях двух держав.

Ключевые слова

периодическая печать; The Times; Российская империя; Британская империя; англо-бурская война; восстание ихэтуаней; русско-японская война; образ врага; образ союзника; Антанта

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

К началу XX столетия отношения Великобритании и России были далеки от союзнических. До конца 70-х гг. XIX в. центр противоречий находился на Балканах, затем переместился в Среднюю Азию, наконец, на первое место вышел Дальний Восток. На страницах газеты “The Times” большое внимание уделялось не только британским новостям, но и международной проблематике и внутривластным делам других государств. Одним из традиционных типов публикаций были аналитические обзоры иностранной, в том числе и российской прессы, которые и стали источником для данного исследования (The Times, 1901–1908). Они представляли собой подборку цитат, сокращённых или полных статей из зарубежных газет по определённому вопросу, иногда с комментариями, иногда без них. Такие обзоры делались обычно на публикации в прессе так называемых великих держав: регулярно – России, Германии, Франции, иногда Австро-Венгрии и Италии. Они появлялись на страницах “The Times” без определённой периодичности, но достаточно часто. Публикация могла быть со ссылкой на корреспондента “The Times”, например, в Петербурге, или вообще без указания авторства.

Использование историко-сравнительного метода при анализе публикаций позволяет проследить эволюцию взаимного восприятия двух держав в отечественной и английской прессе на рубеже XIX–XX вв. В то же время методы и подходы, разработанные в рамках исторической империологии, дают возможность проанализировать механизмы формирования и функционирования образа России как противника или союзника в британской прессе на примере материалов газеты “The Times”.

Какие российские печатные органы цитировались и анализировались в британском издании? Чаще всего это «Новое время» – газета, имевшая тогда репутацию проправительственной и реакционной. Также встречались выдержки из таких изданий как «Речь», «Русь», «Московская газета», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости», «Слово», «Русский инвалид», реже упоминались небольшие оппозиционные газеты.

“The Times” была традиционно известна своей антироссийской позицией. Россия воспринималась британской публикой как одновременно европейская и азиатская и при этом весьма непредсказуемая держава (Макаров, 2012). В середине 1880-х гг., когда на повестке дня была ситуация в Средней Азии, риторика “The Times” стала настолько враждебной, что министр иностранных дел граф Гренвиль даже обращался в редакцию с просьбой быть сдержаннее; но и в дальнейшем “The Times” не проявляла гибкости в отношении России. В то же время в редакции газеты считали крайне важным понимать российскую позицию, будь то относительно ситуации в Европе, в Китае, Турции или на Дальнем Востоке. Большое внимание уделялось тому, чтобы тщательно

изучать общественное мнение в России и иметь достоверные источники информации. (The History of “The Times”..., 1947, p. 180–184).

Необходимо обозначить, какой, в целом, была оценка положения российской печати со стороны “The Times”. Мнение по этому вопросу, в частности, высказывалось в связи с юбилеем российской прессы – 200-летием основания первой русской газеты «Ведомости» в 1903 г. “The Times” тогда отмечала, что большей части российской публики нет никакого дела до этой даты, кроме профессионалов из числа издателей, журналистов, политических публицистов. Это представлялось как закономерная ситуация, поскольку пресса зажата множеством ограничений, постоянно подвергается преследованиям со стороны цензурной комиссии и министра внутренних дел и поэтому неспособна выполнять свои функции так, как это делает, например, британская печать. Наглядным признаком отсутствия свобод в Российской империи, неоднократно упомянутым в “The Times”, стал запрет праздничного банкета, который хотели провести в связи с юбилеем либерально настроенные литераторы и журналисты. (The Times, 1902, Dec. 26, p. 8, 1903, Jan. 1, p. 5, Jan. 3, p. 7). В одном из номеров “The Times” достаточно подробно охарактеризовала сложившуюся в России систему, но в текущих публикациях при ссылках на российские издания крайне редко давалась какая-либо характеристика их политической ориентации или оценка влияния. Вместе с тем внимание “The Times” к российским газетам не ослабевало, что даёт богатый материал, позволяющий расширить наше представление о трансформации взаимовосприятия двух стран в изучаемый период.

Русско-английские отношения в конце XIX – начале XX вв., как часть сложного клубка накопившихся в мире противоречий, широко изучены в историографии (Синегубов & Шилов, 2016, Романова, 2008, Рыбачёнок, 2012, Сергеев, 2012). Исследователи неоднократно обращали внимание на перемены в политической ориентации держав в этот период – хотя Россия и рассматривалась как сопоставимая с Германией угроза британским интересам, к 1907 г. наметились основания для сближения (Neilson, 1995, Капитонова & Романова, 2020). Множество исследований посвящено вопросам развития британской прессы, её роли в формировании общественного мнения и влиянии на международные отношения (Lee, 1976, Temple, 2008, The History of “The Times”..., 1947, Банникова, 2016), а также анализу положения российской прессы, особенностям цензурной политики (Блохин, 2009). Немало публикаций построено на характеристике того или иного аспекта международных отношений по материалам британских газет, в том числе и “The Times” (Медведик, 2006, Макаров, 2012, Антонова, 2021). Отражение образов противников и союзников России на страницах отечественной печати также привлекало внимание историков (Фролов, 2021). Ранее специально не исследовалось то, как “The Times” истолковывала содержание российской прессы и какой облик Британии, по мнению газеты, формировался у российской общественности.

Итак, каким был образ Великобритании в публикациях российской периодической печати, и как “The Times” реагировала на них? Насколько изменения в риторике газет отражали трансформацию в отношениях двух стран – или, наоборот, провоцировали эти изменения?

«Клеветническая кампания»: “The Times” об оценках англо-бурской войны в русской прессе

На рубеже веков, в 1899–1902 гг., Англия вела Вторую англо-бурскую войну. Начало конфликта было воспринято европейской общественностью с редким единодушием. Пресса на континенте немедленно осудила британскую агрессию. Собственные корреспонденты “The Times” со всей Европы сообщали о том, что симпатии на стороне буров.

Изначально сами британцы вовсе не были единодушны в восприятии войны, но государственная пропаганда использовала все инструменты для выработки общественной поддержки. Цензура оказывала давление на газеты. В первые недели войны редакции ведущих изданий были очищены от сторонников буров. Тема войны, задача сплочения и патриотического подъёма проникла буквально во все стороны жизни англичан, включая повседневность (Антонова & Дронова, 2020). Газеты были главным источником информации о войне, а “The Times” – одной из самых влиятельных и уважаемых газет в Британии и в мире. Известно было, что она получала сведения с места событий от профессиональных военных корреспондентов. В период войны “The Times” занимала прочную проправительственную позицию. Есть мнение, что газета была напрямую связана с С. Родсом и событиями так называемого рейда Джеймсона (см. подробнее The History of “The Times”..., 1947, p. 210–247). “The Times” сыграла роль в создании отрицательного образа буров, так как ещё со времён Первой англо-бурской войны писала об их отсталости и жестокости. К началу второго конфликта данные стереотипы глубоко укоренились в сознании англичан, а целью “The Times” было «вызвать желание войны» в британском обществе (Kent, 2013). Можно сказать, что этой цели служили не только сообщения о бурах, которые якобы ведут себя как свирепые полудикари, но и освещение международного контекста под определённым углом. Свидетельством эффективности пропаганды в прессе служит тот факт, что на выборах 1900 г. избиратели вновь поддерживали находящуюся у власти консервативную партию, интересы которой в значительной степени выражала “The Times”.

В Российской империи симпатии были отданы бурским республикам. Печать скрупулёзно освещала ход военных действий, и к событиям в Африке было приковано внимание всех слоёв общества. Оценки большинства печатных изданий совпадали – у читателя формировался положительный

образ отважно сражающегося за свою землю бура и негативный образ англичан, начавших несправедливую захватническую войну.

Тема восприятия событий этой войны в России широко освещена в отечественной историографии. Интересы России и Англии сталкивались в Средней Азии и на Дальнем Востоке, но, казалось бы, никак не в Африке. Однако связи с Южной Африкой были: в конце XIX – начале XX вв. туда наблюдалась эмиграция из России; известно сравнение характера и быта буров с русскими. Но в первую очередь подоплека этого интереса была в более широком контексте англо-русского противостояния. Правительство пользовалось ситуацией для того, чтобы ослабить положение Англии на международной арене (Кривоногова, 2011, Давидсон & Филатова, 2000, Туманов, 2010).

“The Times” подчёркивала, что англофобские статьи в русской печати являются отражением позиции властей и, возможно, даже распространяются по их заказу. Доказательством этого служило то, что все русские газеты, в том числе и те, что находились под полным контролем правительства, «открыто демонстрируют антипатию к британской империи и британской армии». Русское правительство ведёт свою «большую игру» в Китае, – разъясняла газета английскому читателю, – и поэтому «не сожалеет, что так называемая независимая пресса создает Англии самые большие проблемы в Южной Африке». С одной стороны, это было связано с влиянием Англии на ситуацию в Китае, с другой стороны, поощряло продолжение сопротивления буров. Последнему в Петербурге придавали большое значение не столько из-за сочувствия бурам, сколько потому, что война отвлекала Британию от событий в Азии. Упоминалось о том, что в русской прессе обсуждают возможность визита в Россию изгнанного президента Трансвааля П. Крюгера. (The Times, 1901, Dec. 1, p. 5).

“The Times” писала, что русская пресса сознательно то стремится указать на слабость отношений Англии со своими союзниками, то уличить их в злонамеренных сговорах. Так, у Англии и Португалии существовал договор 1891 г. о сферах влияния в Африке. В период войны Португалия разрешала транспортировку английских войск через свои колониальные территории. “The Times” цитировала «Московскую газету»: «К большому сожалению, державы не разместили военные корабли в гаванях Южной Африки. В Трансваале живёт немало русских подданных, служит много добровольцев ...Кто знает, какое насилие они могут претерпеть со стороны британских и португальских властей?». Разумеется, контекст публикации подразумевал необоснованность и оскорбительность подробных высказываний (The Times, 1901, Dec. 1, p. 5).

«Хорошо известно, – писала “The Times”, – что российская пресса сыграла заметную роль в клеветнической оскорбительной кампании, которую вели газеты большинства континентальных государств с самого начала войны в Южной Африке». При этом, по утверждению британского издания, многое из тех «позорных выдумок» и «грязной клеветы на британскую армию»,

что повторяют российские газеты, изначально придумано в Германии (The Times, 1902, Apr. 5, p. 7). Колониальные интересы Британии и Германии напрямую сталкивались в Африке. Германия хотела установления своего протектората над республиками. Официально она заняла нейтральную позицию, но её настрой был хорошо понятен, в том числе благодаря неосторожным речам кайзера (Царёв, 2010).

Всплеск англофобии действительно был характерен для всех слоёв российского общества в годы англо-бурской войны, хотя в связи с позднейшим потеплением отношений двух держав действия Англии в Южной Африке будут оправдывать задним числом (Кривоногова, 2011). Например, «Вестник Европы» во время конфликта вторил другим русским изданиям, а в 1907 г. в период урегулирования вопроса об автономии Трансвааля и, что важнее, подготовки русско-английского союза писал, что «побеждённые буры не имеют повода оплакивать свою судьбу» (Вестник Европы, 1907, янв., с. 411). В целом, бурский вопрос только обострял конфликтность в отношениях двух держав, порождённую иными проблемами, главные из которых в тот момент сосредоточились на Дальнем Востоке и в Китае.

«Очередная английская интрига»: пресса о причинах и последствиях обострения ситуации в Китае

В конце XIX – начале XX вв. Россия стремилась расширить своё присутствие на Дальнем Востоке, как преследуя геополитические и экономические интересы, так и заботясь об охране границ. Цинский Китай к этому времени оказался расчленён на сферы влияния европейскими странами, США и Японией. Ставшая после модернизации эпохи Мейдзи державой с большими амбициями, Япония рассматривалась Россией как одна из главных угроз в регионе. В задачи России входило недопущение окончательного раздела Цинской империи, укрепление позиций в Китае и препятствие усилению Англии (Рыбачёнок, 2012, с. 476–565). В 1898 г. усилия дипломатов увенчались подписанием конвенции об аренде Ляодунского полуострова и концессией на строительство КВЖД.

В этом же году в Китае началось направленное против иностранной экспансии движение ихэтуаней, названных на западе боксёрами. Обострение обстановки привело к тому, что в августе 1900 г. армия восьми держав, в том числе России и Британии, совершила совместную интервенцию и захватила Пекин. Заключительный «боксёрский» протокол, подписанный 7 сентября 1901 г., окончательно превратил Китай в полуколонию. В ходе последующих событий русские войска оккупировали Манчжурию. В Британии на фоне крупного антиевропейского восстания активизировались дискуссии об идентификации «своего» и «чужого». В этом контексте Россия считалась европейской державой, «своей» перед угрозой от «восточных варваров». Однако, в целом,

именно в этот период противоречия Британии и России в Китае достигли наибольшей остроты. Россия представлялась британцам наиболее опасным конкурентом на Дальнем Востоке; их волновало развитие отношений между недавними союзниками; велись споры о том, выгодно ли Британии поддерживать территориальную целостность Китая или поучаствовать в его разделе, одним из активных сторонников которого считалась Россия (Калюжная, 1978, с. 13–27, 311–328, Макаров, 2011, 2012).

В июне 1900 г. в момент наивысшего обострения ситуации в Китае “The Times” обратилась к интерпретации происходившего в русской прессе. Россия оказалась очень подходящим кандидатом на место общего руководителя интервенции, но брать на себя эту роль означало, что в дальнейшем ей может угрожать политическая изоляция, поэтому российское руководство проявляло в переговорах консерватизм и сдержанность (Фарбетова & др., 2018). В связи с этим неудивительно, что “The Times” отмечала отсутствие в российских официальных изданиях содержательных комментариев относительно дальнейших намерений России. Вместе с тем сообщалось, что привычную «брань на Англию за подчинение буров разнообразили глупые инсинуации против неё в связи с китайскими “боксёрами”». Так, согласно «Биржевым ведомостям», оказывалось, что боксёры действуют в интересах англичан в том смысле, что «британская дипломатия никогда не упустит возможности извлечь выгоду из таких осложнений, в особенности на Дальнем Востоке». Допустить, чтобы Англия воспользовалась ситуацией в свою пользу, нельзя, и Россия, получив Порт-Артур, должна в обмен дать Китаю гарантии против Англии и Японии. «Эта идея, – по выражению “The Times”, – в сочетании с уверенностью в том, что Россия держит Англию под контролем на индийской границе», приводила русскую газету к приятному выводу о том, что появление иностранных соединений в Пекине не несёт большой опасности (The Times, 1900, June 8, p. 5). В свою очередь «Новое время» прокомментировало утверждения, что Россия имеет слишком большие преимущества из-за сложившейся обстановки. Газета оценила их как «очередную английскую интригу с целью посеять раздор между державами, заинтересованными в китайских делах», заметила, что у англичан есть «привычка всегда ставить под подозрение Россию», и пригрозила, что «если в итоге кто-то и обнаружит себя в изоляции, то это будет Англия» (The Times, 1900, June 8, p. 5).

В ноябре 1901 г. в английском журнале “National Review” вышла статья, в которой якобы от имени некоего представителя российской дипломатии высказывалось мнение о возможности сближения Англии и России. Это произвело большое впечатление на всём континенте и стало темой бесконечных спекуляций в европейской прессе. “The Times” ответила статьей, разъясняющей сложности, стоящие на пути к соглашению между Россией и Англией по поводу Персии, отметила наличие договоров у России с Францией и Австро-Венгрией, а также проанализировала реакцию российской прессы.

«В конце концов, пренебрежительный тон, в котором некоторые ведущие российские журналы опровергли предположение об англо-русском соглашении, устранил все сомнения в том, что идея имеет под собой очень мало оснований или вовсе никаких», – заключила газета. Тем самым она посчитала оценки в прессе достаточным поводом прекратить какие-либо дискуссии по этому вопросу (The Times, 1901, Nov. 21, p. 5).

3 января 1902 г. в “The Times” вышла статья, в которой со ссылкой на располагающий доказательствами компетентный источник в Монголии сообщалось, что Россия давно плела хитроумные интриги на Востоке и при участии видного дипломата и востоковеда Э. Ухтомского заключила тайное соглашение с Китаем за два года до восстания боксёров. По этому соглашению якобы уже тогда устанавливалось, что «Манчжурия, Монголия, часть Туркестана и Тибет не являются больше частью Китайской империи, а либо находятся под протекторатом России (как Монголия), либо аннексированы Россией (как Манчжурия)». В конечном счете, в статье подразумевалось, что Россия стояла за организацией восстания боксеров. Спустя несколько дней корреспондент “The Times” в Петербурге передавал опровержение Ухтомского. Тот заявил, что «Россия пострадала от восстания боксёров больше любой другой державы, и это абсурд вменять восстание, которое было китайским и националистическим по характеру, интригам России» (The Times, 1902, Jan. 3, p. 6, Jan. 14, p. 4).

“The Times” подчеркнула, что воздерживается от комментариев в пользу той или иной стороны, и на той же странице того же номера продолжила отслеживать дискуссию в русской прессе о вероятном примирении. «Новое время» опубликовало перевод упомянутой выше статьи в “National Review” и дало возможность высказаться как допускающим скорое сближения с Англией, так и отрицающим его. Среди последних был некий публицист М. Снальковский, который, как писала “The Times”, известен читателям ведущей российской газеты своими атаками на Великобританию. Он утверждал, что автор статьи в “National Review” никогда не был российским дипломатом, поскольку таковой не мог говорить, что «до начала Крымской войны отношения Великобритании и России были неизменно дружественными». Мораль всей статьи Снальковского “The Times” резюмировала так: «Великобритания и Россия всегда были врагами, и никакое согласование их противоположных интересов не является возможным или желательным». Было также подчеркнута, что мнение этого автора не является официальной позицией «Нового времени», но всё же «российская пресса продолжает обсуждать британскую политику и британские дела с решительной враждебностью» (The Times, 1902, Jan. 14, p. 4).

Публикации в таком же тоне продолжались с обеих сторон и далее. Собственный корреспондент “The Times” Д. Брехем даже был выслан из России (The Times, 1903, May 29, p. 3, Банникова, 2016). Критиковавшие британскую

политику российские издания “The Times” регулярно обозревала и неизменно обвиняла в предвзятости и необъективности. Так, в заметке 1903 г. замечалось, что «у “Нового времени” нет другого счастья, кроме как атаковать какое-нибудь иностранное государство. Обычно его ядовитые нападки нацелены на Германию, но ради разнообразия иногда достается и Великобритании. Изредка оно направляет свой бранный язык на то, чтобы выделить определённые союзные и дружественные державы, и этим союзникам выражает большое уважение» (The Times, 1903, Apr. 9, p. 3).

Перемена курса: русская пресса об Англии в 1904–1907 гг.

Активная политика России на Дальнем Востоке выявила общность интересов Англии и Японии. Обе они опасались активности России в Корее и Китае, но у Британии гораздо больше беспокойства вызывала ситуация в Центральной и Южной Азии. К 1903 г. Россия сконцентрировала войска в Туркестане и на восточной границе Персии. Уже сложился союз России с Францией, имевшей колонии в Индии. В случае крупномасштабного конфликта в регионе Британская Индия была бы под угрозой блокады русско-французской эскадрой. Япония оказывалась союзником, который мог создать угрозу России на Дальнем Востоке и отвлечь её от Индии. Первый англо-японский договор был подписан 30 января 1902 г. Англия и США предоставили Японии ссуды на строительство и приобретение кораблей, часть из них строилась на английских верфях, а экипажи включали английских специалистов. В течение 1904–1905 гг. Японией получались финансовые средства на ведение боевых действий (Куценко, 2020). Подписание англо-японского договора можно считать первым практическим шагом по пути отхода Британии от политики «блестящей изоляции» (Капитонова & Романова, 2020, с. 206–207).

Когда началась русско-японская война, “The Times” подробно освещала происходящее, комментируя его примерно в тех же выражениях, в каких русская пресса писала о бурской войне. Английская печать в период войны работала в различных направлениях с целью дискредитации России, дестабилизации её внутреннего положения, шпионажа в пользу Японии и т. д. (Куценко, 2020). Однако всё это не было так очевидно для современников, о чём свидетельствуют те высказывания русской прессы об Англии, которые продолжала печатать “The Times”. Кроме того, позиция самого английского правительства в отношении России начинает меняться после подписания договора с Францией в 1904 г. (Синегубов & Шилов, 2016, с. 247, Guillen, 1971).

В разгар русско-японской войны в сентябре 1904 г. “The Times” перепечатала заметку из “Journal de St.-Petersbourg”, не сопроводив её никакими комментариями. В ней выражалась надежда, что Япония не будет «искать спасения» в расширении войны и вовлечении в неё третьей державы. «Вот, например, война с Британией не может разразиться, потому что на это

нет существенных причин, – утверждалось в статье, – в русских сердцах нет реальной враждебности к англичанам, а русские моряки никогда не посягали на честь британского флага». «Мы только хотим, чтобы в Британии появилось такое же уважение к России, какое уже существует здесь по отношению к англичанам... Придёт день, возможно, он ближе, чем кажется, когда необходимость искреннего сближения с Россией будет чувствоваться в Англии», – с неожиданным оптимизмом предполагалось в статье (The Times, 1904, Sep. 3, p. 3). Эти высказывания вовсе нельзя считать частным мнением какого-то мелкого издателя, ведь “Journal de St.-Petersbourg” был официальным органом Министерства иностранных дел России, издававшимся под разными названиями с 1807 г. Он выходил на французском языке, поскольку тот считался языком дипломатии, что к началу XX в. уже было, скорее, данью традиции. В самом журнале не указывалось имён редакторов и даже выпускающего ведомства, но его статус и так был хорошо известен (Сперанская, 2015). В этой связи появление в “The Times” полного текста этой заметки выглядит неслучайным.

В декабре 1904 г. “The Times” поместила очередной обзор на русские газеты, обсуждавшие вероятность англо-русской конвенции. «Новое время» и «Биржевые ведомости» считали её «желанной победой для русской дипломатии», но симпатий в отношении Англии не демонстрировали и рассчитывали на помощь Франции – «верного союзника России». Статья в «Биржевых ведомостях», которую цитировала “The Times”, называлась «Как обуздать дикое животное джингоизма?». В ней утверждалось, что английская ненависть в отношении России просто спит, во многом благодаря положительному влиянию выступающей «громоотводом» Франции (The Times, 1904, Dec. 12, p. 3).

В мае 1905 г. “The Times” заявляла, что «Новое время» продолжает свою англофобскую кампанию, возлагая на Англию ответственность за восстание в Йемене и выражая надежду, что «британские козни» будут пресечены Германией – «защитником целостности Оттоманской империи». Британское издание иронически писало о «Новом времени», что непонятно, когда оно шутит, а когда пишет всерьёз. К примеру, утверждение, что в Аравии никогда не было восстаний против турецкого господства, пока Англия не появилась в Египте, «по-видимому, шутка» (The Times, 1905, May 5, p. 5).

Ранее “The Times” неоднократно разъясняла читателям суть противоречий с Россией, в особенности часто затрагивая вопрос о Персии (“The Times”, Jan. 7, 1903, p. 3). Так, в 1903 г. она цитировала «Новое время», утверждавшее, что «политическая независимость Персии окрепла благодаря российской дружбе и поддержке. Мы ни в коем случае не собираемся покуситься на эту независимость путем раздела сфер влияния, и нас не заставят пойти на этот шаг напыщенные высказывания британских политиков» (“The Times”, March 14, 1903, p. 7). Однако взгляд на эту проблему изменился к 1905 г. – Россия терпит поражение в войне с Японией, переживает революцию, а главное, начинает осознавать

возрастание германской опасности. Германия становится основной угрозой и для Англии (Синегубов & Шилов, 2016, 132–184, Bridge & Bullen, 2005, 266–286), и это толкает страны на сближение.

“The Times” писала о том, как в русской прессе освещались события Танжерского кризиса и какую «мрачную картину» возможного германо-французского конфликта рисовало «Новое время» (The Times, 1905, June 26, p. 5). Пока дипломаты искали возможности урегулирования, “The Times” цитировала заметки, подтверждающие скорые изменения во внешнеполитических ориентирах России. Это были не только выдержки из русской прессы, но и аналогичные обзоры не французскую печать. В обоих случаях всё чаще звучали суждения о том, что «российские и британские интересы не противоположны», а «нерушимый русско-французский союз» должен быть дополнен договором с Британией. Выражалась открытая надежда на то, что, «следуя счастливому примеру Франции», которая подписала договор с Англией в 1904 г. (Guillen, 1971), Россия тоже заключит Антанту с Англией (The Times, 1905, Oct. 10, p. 4, 1906, May 1, p. 7).

Следует сказать также, что изменилась внутривнутриполитическая ситуация в Британии. 1905 г. ознаменовался кризисом в правительстве, а выборы 1906 г. принесли победу либеральной партии. Традиционно считается, что британские либералы не одобряют силовые методы в ведении внешней политики и менее склонны к колониальным авантюрам. В течение последних лет среди либералов наметился раскол по этим вопросам, но в любом случае смена кабинета сказалась на британском внешнеполитическом курсе и дипломатии (Капитонова & Романова, 2020, с. 204). В России также произошла демократизация самодержавного режима. Обновились политические элиты обеих стран. Появление таких фигур как А. П. Извольский и Э. Грей способствовало запуску переговорного процесса (Сергеев, 2012, с. 268–269). В контексте нашей темы не следует забывать о том, что “The Times” продолжала оставаться газетой преимущественно консервативной ориентации и не могла считаться выразителем мнения всей британской общественности (Temple, 2008, p. 14–30).

Активные переговоры между Россией и Англией о согласовании интересов в Тибете, Персии и Афганистане начались в 1906 г., и их ход хорошо освещен в научной литературе (Борков & Ильин, 2012, Макутчев, 2014). Сергеев опровергает распространённое заблуждение, что переговоры велись исключительно дипломатами, за плотно закрытыми дверями. На самом деле, в них сыграли важную роль военные, бизнес, чиновники на местах, а также журналисты (2012, с. 269). Периодическая печать отслеживала события, могущие стать отражением успеха или провала усилий дипломатов. В июне 1906 г. было объявлено, что уже согласованный дружественный визит британского флота в Россию отложен по инициативе принимающей стороны. В самой Британии не было однозначного понимания целей намеченного визита; вопрос вызвал бурное обсуждение в Палате общин, министр иностранных дел Э. Грей вынуж-

жден был доказывать парламенту его целесообразность. Когда же визит отменили, в “The Times” вышла обширная заметка с комментариями из русской периодики. «Биржевые ведомости» посчитали, что «визит британского флота рассматривается как акт международной вежливости по отношению к державе, с которой формируются добрососедские отношения, он желателен для обоих государств и не должен откладываться». Это визит закрепит «дружеский союз, признаки которого стали проявляться в последнее время», он означает «сближение между двумя странами», внезапная его отмена может быть воспринята как смена избранного Россией политического курса. Газета «Речь» сравнила уважительное отношение Англии к России с отношением некоторых других держав. Они не назывались, но очевидно, что подразумевалась Германия. Если эти другие государства ищут некие «династические и эгоистические комбинации», то Англия «проникнута глубоким и искренним желанием взаимопонимания между нациями». Более того, по утверждению «Речи», Франция и Англия делают всё возможное, чтобы поощрять конституционный порядок в России, в то время как некоторые другие державы способствуют внутренним волнениям и хотят воспользоваться её слабостью, «они хотят гражданской войны в России». В итоге “The Times” заключала, что настрой российской общественности был благожелателен к данному визиту и в целом к Англии как будущему партнёру. Ответственность же за отмену мероприятия британская газета возлагала на недалёковидных реакционеров в российском правительстве (The Times, 1906, July 7, p. 7).

Соглашение было подписано в августе 1907 г. в Санкт-Петербурге британским послом А. Николсоном и российским министром иностранных дел А. П. Извольским. Он был известным сторонником англо-русского союза, в связи с чем “The Times” регулярно высказывалась о нём с большим уважением. Как известно, согласно положениям конвенции, Россия признавала Афганистан сферой интересов Британии, стороны отказывались от притязаний на Тибет, а Персия делилась на сферы влияния.

В течение сентября 1907 г. в “The Times” приводились мнения русских газет самой разной политической направленности. Кадетская «Речь» поддерживала соглашение, но считала, что это «только шаг на пути к будущему сближению» и указала на то, что британская публика также проводит различие между «локальной Антантой» и “Entente Cordiale” (The Times, 1907, Sept. 5, p. 3). Либеральная газета «Русь» полагала, что конвенция «предваряет дальнейшее развитие дружеских отношений, обещает в ближайшем будущем новую комбинацию политических сил в мире и улаживает многие сложные вопросы, ранее считавшиеся неразрешимыми». Если какие-то нерешённые проблемы ещё и оставались в отношениях двух стран, то теперь нет препятствий к заключению дополнительных соглашений. Немаловажным для британского читателя было мнение «Руси», что Россия окончательно оставила все идеи о выдвигании в сторону Индийского океана. «Новое время» не спешило говорить о крепкой и

долговременной дружбе держав, а осторожно писало, что «конвенция может служить как инструментом мира, так и войны. Это зависит от отношения других держав и от нас самих». Газета левых кадетов «Товарищ», которую “The Times” характеризовала то как «крайне радикальную», то как «социалистическую», подтверждала опасения, переполнявшие британскую прессу в предшествующие годы. «Ещё пять лет назад Россия не подписала бы такое соглашение, – говорилось в заметке, – ведь тогда она мечтала об экспедиции в Индию или, по крайней мере, о возможности угрожать этим Великобритании по первому подходящему поводу» (The Times, 1907, Sept. 28, p. 5).

В конце сентября корреспондент “The Times” в Петербурге писал, что можно констатировать в местной прессе «полное отсутствие неблагоприятных комментариев», кроме упомянутой газеты «Товарищ», но она оппозиционная и поэтому просто «отказывается признать, что правительство способно сделать хоть какой-то мудрый шаг». В то же время все ведущие органы печати, включая «Новое время», «Слово», «Речь», находятся «под впечатлением от справедливого характера соглашения». Было ясно, что сам по себе факт соглашения оценивался положительно, но корреспондент “The Times” увидел и серьёзные изменения в настроениях русской печати вообще. Он писал: «Нужно отметить, что тон всех разделов прессы никогда не был таким одинаково дружелюбным по отношению к Англии. Старые подозрения, кажется, похоронены, давайте надеяться, что навсегда» (The Times, 1907, Sept. 27, p. 7).

В течение ближайших месяцев “The Times” фиксировала изменения в риторике в отношении Британии и сама использовала совсем иные характеристики. Так, например, «Новое время», в адрес которого ранее звучали самые язвительные эпитеты, в дальнейшем лаконично именовалась консервативной газетой.

В знак наступившей дружбы в мае 1908 г. состоялась встреча английского короля Эдуарда VII с Николаем II в Ревеле. “The Times” всегда уделяла большое внимание событиям с участием монарха и королевской семьи. И в тот раз не обошлось без подробного изложения программы мероприятия, а также обзора европейской прессы. Большее внимание по очевидным причинам было уделено реакции немецких газет на это свидетельство англо-русского сближения. Обозреватель “The Times”, процитировав несколько русских газет, заключил: «Погода далека от приятной, но... англо-русские раздоры уступают место англо-русской дружбе, которая поспособствует реальному, а не мнимому балансу сил в Европе» (The Times, 1908, June 8, p. 3).

Анализ аналогичных публикаций в “The Times” последующего периода показывает, что в Англии союз с Россией считался крайне значимым, но в то же время казался непрочным. “The Times” постоянно выискивала в русской прессе возможные свидетельства поворота общественных настроений в сторону союза с Германией. Какое-либо взаимодействие между германской и русской дипломатией или контакты между Николаем и Вильгельмом воспринимались

как потенциальная угроза Антанте. “The Times” всегда с большим удовлетворением писала о том, что русская пресса настроена критично по отношению к Германии и по-прежнему привержена идее англо-русского союза и дружбы (Антонова, 2021).

Выводы

В начале XX в. отношения с Россией и любые потенциальные их изменения являлись значимой составляющей британской внешнеполитической повестки. Они волновали не только правительство и дипломатические структуры, но и представляли неподдельный интерес для широкой общественности. Неудивительно, что ведущая британская газета “The Times” практически в каждом номере в том или ином контексте затрагивала вопросы российской внешней политики. При этом “The Times” внимательно следила за тем, в каком тоне российская пресса упоминает Британию, каким её образ выглядит на страницах российских газет и что это означает в общем контексте англо-русских взаимоотношений.

Практика обзоров на иностранную прессу была стандартной для европейской печати. Все такие публикации взаимно отслеживались, и иногда даже возникали длительные разбирательства из-за некорректного цитирования или неверного перевода. Очевидно, что пресса других государств постоянно находилась под пристальным вниманием в Лондоне, но до английских читателей доводили только отдельные выдержки, по мнению “The Times”, заслуживавшие их внимания. В большинстве случаев эти цитаты подтверждали общую идею, которую редакция хотела донести в тот момент. Например, об усилении в российской прессе и обществе англофобии или, напротив, о дружественном настрое в отношении Британии.

Необходимо учитывать происходившую в рассматриваемый период смену партий у власти, а в связи с этим и специфику “The Times”. Газета традиционно позиционировала себя как независимое, объективное, надпартийное издание, могла критиковать отдельные решения правительства, но имела авторитет проконсервативной. Последовательно демонстрируя консервативную ориентацию, она, тем ни менее, не вставала в жесткую оппозицию к правительству, даже если кабинет был либеральным.

Аудитория “The Times”, по крайней мере, та её часть, которая читала внешнеполитические обзоры, явно не нуждалась в постоянных пояснениях относительно политической ориентации российских изданий – образованная публика была с ними знакома. Как видно из проанализированных публикаций, риторика “The Times” в отношении России и русской прессы была весьма экспрессивной. Отметим, что газета старалась не переходить границу даже в периоды наибольшего обострения отношений двух стран. Редакция всегда отделяла свою позицию от мнения частных лиц. Публикуя информацию

о неких неподтверждённых слухах, “The Times” воздерживалась от собственных комментариев в их поддержку. Когда речь шла об императоре или царской семье, тон публикаций, как правило, был уважительным или нейтральным.

В свою очередь, статьи «Нового времени» и прочих попадавших в поле зрения британской газеты российских изданий были не менее эмоциональны, что, в целом, типично для публицистического стиля. Мы можем проследить стремительное изменение во взаимных оценках. Если до англо-русского сближения “The Times” называла статьи в российской прессе англофобскими, клеветническими, предвзятыми, спекулятивными, враждебными, то накануне и после подписания конвенции 1907 г. чаще всего звучала характеристика «дружественный». Всё это ярко сигнализировало об изменениях в расстановке политических сил в Европе. Вместе с тем нельзя говорить о том, что взаимовосприятие русских и англичан так же быстро поменялось в противоположную сторону. “The Times”, хоть и смягчила общую риторику в отношении России, но продолжала быть осторожной в оценках перспектив Антанты. Если же речь шла о внутренней жизни России, она не упускала случая покритиковать российскую политическую систему и социальный строй. Так, когда в январе 1906 г. в Британии проходили выборы, “The Times” писала: «Большинство [русских] газет демонстрируют чувство зависти и восхищения по отношению к стране, где текущие политические вопросы решаются без кровопролития» (The Times, 1906, Jan. 18, p. 6).

В целом, на основе рассмотренных публикаций в “The Times”, можно наблюдать, как за первое десятилетие XX в. отношения России и Британии прошли путь от «решительной враждебности» к «сердечному согласию» – Антанте. За это время официальная риторика и тональность публикаций в прессе обеих стран также претерпела серьезные изменения. Обращение к русской и британской периодической печати того периода напоминает нам о том, как быстро могут произойти кардинальные сдвиги во внешнеполитической ситуации и какое мощное влияние на восприятие того или иного государства в качестве врага, конкурента или союзника оказывает пресса.

Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00770 «Образ врага в российской дореволюционной периодической печати XX века», <https://rscf.ru/project/23-28-00770/>

Список литературы

- Archive. (1900, 1908). The Times. <https://www.thetimes.co.uk/archive>
- Bridge, R., & Bullen, R. (2005). *The Great Powers and the European States System 1814-1914*. Pearson Longman.
- Guillen, P. (1971). *The Entente of 1904 as a Colonial Settlement In France and Britain in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule*, 333–368. Yale University Press.
- Kent, K. S. (2013). Propaganda, Public Opinion, and the Second South African Boer War. *Inquiries Journal*, 5(10). <http://www.inquiriesjournal.com/articles/781/3/propaganda-public-opinion-and-the-second-south-african-boer-war>
- Lee, A. J. (1976). *The origins of the popular press in England, 1855-1914*. Croom Helm.
- Neilson, K. (1995). *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894-1917*. Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198204701.001.0001>
- Temple, M. (2008). *The British Press*. Open University Press.
- The History of "The Times". The Twentieth Century Test. 1884-1912. (1947). The Macmillan Company.*
- Антонова, Л. (2021). "The Times" о российско-германских отношениях накануне Первой мировой войны. Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге. Сборник материалов Международного научно-просветительского форума (Псков, 16-17 сентября 2021 г.), 10-15. <https://doi.org/10.37490/de2021/002>
- Антонова, Л. В., & Дронова, Н. В. (2020). Британский милитаризм и общество: Опыт военных выставок 1901 года в Лондоне. *Вестник гуманитарного образования*, 4, 56-66. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.049>
- Банникова, Н. В. (2016). Корреспондент Джордж Добсон (1854-1938): Жизнь и работа в России. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 1, 28-38. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-1-28-38>
- Блохин, В. Ф. (2009). Из истории цензурного реформаторства: Государство и легальная печать России в политическом контексте (1865-1905 годы). *Вестник Челябинского государственного университета*, 6, 34-44.
- Борков, А. В., & Ильин, А. В. (2012). Обсуждение тематики Черноморских проливов в ходе российско-английских переговоров 1906-1907 гг. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 1, 21-25.
- Вестник Европы*. (1907). Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. <https://www.prlib.ru/section/684601>
- Давидсон, А. Б., & Филатова, И. И. (2000). Англо-бурская война и Россия. *Новая и новейшая история*, 1, 31-51.
- Калюжная, Н. М. (1978). *Восстание ихэтуаней (1898-1901)*. Наука.
- Капитонова, Н. К., & Романова, Е. В. (2020). *История внешней политики Великобритании. Международные отношения*.
- Кривоногова, С. А. (2011). Англо-бурская война и эволюция образа Англии в российском общественном сознании. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 9, 31-33.

- Куценко, Б. О. (2020). Причины и формы участия Британской империи в Русско-японской войне 1904–1905 гг. *Манускрипт*, 13(9), 44–50. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.8>
- Макаров, В. А. (2011). «Раздел Китая» в восприятии британских авторов (по материалам периодической печати). 1897–1901. *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 5, 13–16.
- Макаров, В. Н. (2012). «Европа» и «Не-Европа»: Цивилизационная идентичность России и Японии в британском общественном сознании на рубеже XIX–XX вв. (По материалам периодической печати). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(6), 160–167.
- Макутчев, А. В. (2014). Раздел сфер влияния между Россией и Англией в Персии в 1907 г. Как часть дипломатической подготовки к Первой мировой войне. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 11, 88–93.
- Медведик, И. С. (2006). Англо-российский конфликт в Персии в британской прессе (конец XIX начало XX в.). *Вестник Астраханского государственного технического университета*, 5, 69–77.
- Романова, Е. В. (2008). *Путь к войне: Развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг.* МАКС Пресс.
- Рыбачёнок, И. С. (2012). *Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX – XX вв.: Цели, задачи и методы.* РОССПЭН.
- Сергеев, Е. Ю. (2012). *Большая игра, 1856–1907: Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии.* Товарищество научных изданий КМК.
- Синегубов, С. Н., & Шилов, С. П. (2016). *Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: Альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг.* Остров.
- Сперанская, Н. М. (2015). Периодические издания на французском языке в России в первой трети XIX в. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 16(3), 332–347.
- Туманов, А. Г. (2010). Англо-бурская война 1899–1902 годов в оценке русских современников. *Запад-Восток. Научно-практический ежегодник*, 3, 43–50.
- Фарбетова, О. Е., Зайцев, В. А., & Баранов, Д. А. (2018). Ихэтуанское восстание: Позиция России. *Военно-исторический журнал*, 5, 33–40.
- Фролов, В. В. (2021). Образ Великобритании на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2, 129–132.
- Царёв, А. С. (2010). Англо-бурская война и позиция Германии. *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*, 1, 52–58.

References

- Antonova, L. (2021). “The Times” on Russian-German Relations on the Eve of World War I. *Rossiia – Germaniya v obrazovatel'nom, nauchnom i kul'turnom dialoge. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prosvetitel'skogo foruma* (Pskov, 16–17 sentyabrya 2021 g.), 10–15. <https://doi.org/10.37490/de2021/002> (In Russian).

- Antonova, L. V., & Dronova, N. V. (2020). British militarism and society: the experience of military exhibitions 1901 in London. *Herald of Humanitarian Education*, 4, 56–66.
<https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.049> (In Russian).
- Archive. (1900, 1908). The Times. <https://www.thetimes.co.uk/archive>
- Bannikova, N. V. (2016). Correspondent George Dobson (1854–1938): Life and Work in Russia. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 1, 28–38.
<https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-1-28-38> (In Russian).
- Blokhin, V. F. (2009). Iz istorii tsenzurnogo reformatorstva: Gosudarstvo i legal'naya pechat' Rossii v politicheskom kontekste (1865–1905 gody). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6, 34–44. (In Russian).
- Borkov, A. V., & Ilyin, A. V. (2012). Discussion of the Subject of the Turkish Straits in the Course of Russian-British Talks of 1906–1907. *Historical and Socio-Educational Thought*, 1, 21–25. (In Russian).
- Bridge, R., & Bullen, R. (2005). *The Great Powers and the European States System 1814–1914*. Pearson Longman.
- Davidson, A. B., & Filatova, I. I. (2000). Anglo-burskaya voyna i Rossiya. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1, 31–51. (In Russian).
- Farbetova, O. E., Zaytsev, V. A., & Baranov, D. A. (2018). Yihetuan uprising: position of Russia. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 5, 33–40. (In Russian).
- Frolov, V. V. (2021). The Image of Great Britain on the Pages of the Military Periodical “Chronicle of the War of 1914–1917” in the Early Years of the First World War (1914–1915). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2, 129–132. (In Russian).
- Guillen, P. (1971). *The Entente of 1904 as a Colonial Settlement In France and Britain in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule*, 333–368. Yale University Press.
- Kalyuzhnaya, N. M. (1978). *Vosstanie ikhetuaney (1898–1901)*. Nauka. (In Russian).
- Kapitonova, N. K., & Romanova, E. V. (2020). *Istoriya vneshney politiki Velikobritanii. Mezhdunarodnye otnosheniya*. (In Russian).
- Kent, K. S. (2013). Propaganda, Public Opinion, and the Second South African Boer War. *Inquiries Journal*, 5(10). <http://www.inquiriesjournal.com/articles/781/3/propaganda-public-opinion-and-the-second-south-african-boer-war>
- Krivosogova, S. A. (2011). The Anglo-Boer War and Evolution of an Image of England in the Russian Public Conscience. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 9, 31–33. (In Russian).
- Kutsenko, B. O. (2020). Motives and Forms of the British Empire's Participation in the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Manuscript*, 13(9), 44–50.
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.8> (In Russian).
- Lee, A. J. (1976). *The origins of the popular press in England, 1855–1914*. Croom Helm.
- Makarov, V. A. (2011). “Partition of China” in the Eyes of the British Authors (Based on the Periodicals). 1897–1901. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 5, 13–16. (In Russian).

- Makarov, V. N. (2012). 'Europe' and 'Non-Europe': Civilization Identity of Russia and Japan in the British Public Opinion (British Press in the XIX-XX Centuries). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 15(6), 160–167. (In Russian).
- Makutchev, A. V. (2014). The Partition of Influence Spheres Between Russia and Great Britain in Persia on 1907 in the Preparation of Great War. *Herald of Vyatka State University*, 11, 88–93. (In Russian).
- Medvedick, I. S. (2006). The Anglo-Russian Conflict in Persia in The British Press (The End of XIXth – The Beginning of XX th Centuries). *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 5, 69–77. (In Russian).
- Neilson, K. (1995). *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917*. Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198204701.001.0001>
- Romanova, E. V. (2008). *Put' k voyne: Razvitie anglo-germanskogo konflikta, 1898–1914 gg.* MAKSS Press. (In Russian).
- Rybachenok, I. S. (2012). *Zakat velikoy derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX – XX vv.: Tseli, zadachi i metody.* ROSSPEN. (In Russian).
- Sergeev, E. Yu. (2012). *Bol'shaya igra, 1856–1907: Mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii.* Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. (In Russian).
- Sinegubov, S. N., & Shilov, S. P. (2016). *Kayzerovskaya Germaniya – Velikobritaniya – Rossiya: Al'ternativy i realii voenno-morskikh vzaimootnosheniy v 1897–1906 gg.* Ostrov. (In Russian).
- Speranskaia, N. M. (2015). Francophone Periodicals in Russia in the Early XIX Century. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 16(3), 332–347. (In Russian).
- Temple, M. (2008). *The British Press*. Open University Press.
- The History of "The Times". The Twentieth Century Test. 1884–1912. (1947).* The Macmillan Company.
- Tsaryov, A. S. (2010). Boer War and the Position of German. *Bulletin of Ryazan State University Named for S.A.Yessenin*, 1, 52–58. (In Russian).
- Tumanov, A. G. (2010). Anglo-burskaya vojna 1899–1902 godov v otsenke russkikh sovremennikov. *Zapad-Vostok. Nauchno-prakticheskiy ezhegodnik*, 3, 43–50. (In Russian).
- Vestnik Evropy.* (1907). Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina. <https://www.prilib.ru/section/684601> (In Russian).

From Kimono to Big Mac: An Analysis of Russian Internet Queries as a Reflection of Stereotypes Forming Images of the Other

Rastyam T. Aliev

Astrakhan Tatischev State University. Astrakhan, Russia. Email: [rastaliev\[at\]gmail.com](mailto:rastaliev[at]gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2812-7655>

Received: 15 September 2023 | Revised: 14 December 2023 | Accepted: 27 December 2023

Abstract

The study addresses the analysis of the ethnic “Other” images in the stereotypes of Russians, utilizing data from internet searches in Yandex and Google search engines. The primary issue is to understand how frequently encountered queries reflect cultural representations and biases, shaping the collective perception of various ethnic groups. The aim of the article is to analyze and comprehend the dynamics of public opinions and views on various aspects of other cultures, including dietary, vestimentary, and sexual habits. The research focuses on identifying key markers that Russians associate with different ethnicities.

The results demonstrate that the analysis of internet search queries can reflect a comprehensive level of public interest, fears, and apprehensions towards the cultural “Other.” The study provides a detailed view of the various forms of societal response, ranging from interest and curiosity to fears and prejudices. The analysis also revealed significant moments of intensification of interethnic tensions and changes in public discourse, particularly in the context of perceiving and interpreting cultural differences.

The conclusions of the research emphasize the importance of an objective analysis of internet queries for understanding public views and opinions about different ethnic groups. The article will be useful for researchers in the fields of cultural studies, sociology, and for those interested in studying the dynamics of cultural interaction and the perception of the ethnic “Other” in contemporary society.

Keywords

Internet Queries; Ethnic Stereotypes; Cultural Perception; Image of the “Other”; Intercultural Interactions; Data Analysis; Russian Society; Cultural Perceptions; Social Prejudices; Evolution of Public Opinion

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

От кимоно до Биг-Мака: анализ интернет-запросов россиян как отражения стереотипов, формирующих образы Другого

Алиев Растям Туктарович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия.

Email: [rastaliev\[at\]gmail.com](mailto:rastaliev[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2812-7655>

Рукопись получена: 15 сентября 2023 | Пересмотрена: 14 декабря 2023 | Принята: 27 декабря 2023

Аннотация

Исследование обращается к анализу образов этнического «Другого» в стереотипах россиян, используя данные из интернет-запросов в поисковых системах Yandex и Google. Основной проблематикой является понимание того, как часто встречаемые запросы отражают культурные представления и предубеждения, формируя коллективное восприятие различных этнических групп. Целью статьи является анализ и осознание динамики общественных мнений и взглядов на различные аспекты других культур, включая пищевые, вестиментарные и сексуальные привычки. Исследование направлено на выявление ключевых маркеров, которые россияне ассоциируют с различными этничностями.

Результаты показывают, что анализ интернет-поисковых запросов может отражать комплексный уровень общественного интереса, страхов и опасений перед культурным «Другим». Исследование предоставляет детальный взгляд на различные формы ответной реакции общества, варьирующиеся от интереса и любопытства до опасений и предубеждений. Анализ также выявил важные моменты усиления межэтнической напряженности и изменения в общественном дискурсе, особенно в контексте восприятия и интерпретации культурных различий.

Выводы исследования подчеркивают значимость объективного анализа интернет-запросов для понимания общественных взглядов и мнений о различных этнических группах. Статья будет полезна исследователям в области культурологии, социологии, а также тем, кто заинтересован в изучении динамики культурного взаимодействия и восприятия этнического «Другого» в современном обществе.

Ключевые слова

интернет-запросы; этнические стереотипы; культурное восприятие; образ «Другого»; межкультурные взаимодействия; анализ данных; российское общество; культурные представления; социальные предубеждения; эволюция общественного мнения

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение: почему «Другой»?

Восприятие «Другого» занимает центральное место в культурном и социальном контексте российского общества, отражая глубоко укоренившиеся представления о сходстве и различиях между культурами. Это восприятие формируется на пересечении исторических, социальных и культурных траекторий, влияя на то, как россияне воспринимают и интерпретируют этническое многообразие (Berkovskiy & Tronina, 2019, p. 7). Концепция «Другого» в российском контексте включает в себя не только внешние характеристики, такие как язык, религия и культурные традиции, но и глубинные психологические и философские аспекты восприятия человека (p. 5). Этнические стереотипы, основанные на образе «Другого», часто опираются на давние исторические представления, которые передаются из поколения в поколение. Важность понимания этих стереотипов заключается в их способности формировать общественное мнение и влиять на межкультурные взаимодействия. Стереотипы о «Другом» в российском обществе несут в себе сложные импликации, которые могут способствовать как взаимопониманию, так и социальному отчуждению. Критический анализ этих стереотипов может раскрыть глубинные причины культурных напряжений и предубеждений. Восприятие «Другого» также важно для понимания собственной идентичности и места в глобализированном мире. Изучение этого явления способствует развитию культурологического и философского осмысления этнической разнообразности. Исторический и философский анализ концепта «Другого» открывает уникальную возможность понимания современных представлений о культурном разнообразии. Эта концепция, зародившаяся в древних философских традициях, развивалась на протяжении веков, приобретая новые оттенки и интерпретации (Борисенко, 2022, с. 92). В философии «Другой» часто рассматривается как фундаментальная противоположность «Я», что отражает глубокие размышления о природе самосознания и индивидуальности. Историческое изучение этой концепции демонстрирует, как в различные эпохи менялись взгляды на «Другого», отражающие изменения в социальных, политических и культурных установках. В контексте межкультурных отношений «Другой» выступает как зеркало, через которое общество смотрит на себя, оценивая и переосмысливая свои ценности и представления. Философские трактовки «Другого», начиная от Гегеля и заканчивая современными мыслителями, подчеркивают сложность и многогранность этого понятия (с. 91). «Другой» в философии часто ассоциируется с идеей альтерности, которая предполагает признание и уважение к различиям. Эта концепция играет важную роль в современных дебатах о культурном многообразии и толерантности. Анализ «Другого» позволяет исследовать, как культурные предрассудки и стереотипы формируются и поддерживаются в обществе. Философский подход к «Другому» подчеркивает необходимость диалога и взаимопонимания

в мультикультурном мире. «Другой» в философии выступает как катализатор для самопознания и критического осмысления собственных убеждений. Исторический аспект анализа «Другого» позволяет отследить, как со временем менялись взгляды на различия и как эти изменения отражаются в современном обществе.

Стереотипы о «Другом», как отмечает Бриско (Briscoe, 2005), в значительной степени формируются под влиянием образовательных и социальных дискурсов, что отражает их глубокую встроенность в структуры общественного сознания. В образовательной среде встречаются как явные, так и скрытые нарративы, которые способствуют созданию и укреплению определенных стереотипов о «Другом» (р. 39). Эти стереотипы могут быть основаны на исторических представлениях, культурных традициях и даже на популярных медиаобразах. Образовательные учреждения, как места передачи знаний, часто неосознанно способствуют распространению упрощенных и однобоких взглядов на «Другого». Социальные дискурсы, в свою очередь, формируются в широком контексте общественных отношений, включая медиа, литературу и публичные дебаты. В этих дискурсах «Другой» часто представляется как кто-то чужой, отличный от нас, что усиливает социальное разделение (р. 40). Стереотипы о «Другом» могут проявляться в различных формах, включая расовые, этнические, гендерные и классовые представления. Эти стереотипы часто являются результатом глубоко укоренившихся предрассудков и невежества. Образовательные системы играют ключевую роль в борьбе с этими стереотипами через просветительские программы и критическое мышление. Однако для эффективной работы необходимо осознавать и критически оценивать собственные предположения и предубеждения. Стереотипы о «Другом» часто служат механизмами социального и культурного исключения, укрепляя барьеры между различными группами. Изменение этих стереотипов требует осознанного подхода к образованию и социальной коммуникации.

Изучение «Другого» в рамках постколониальной философии, как отмечает Дричел (Drichel, 2012), позволяет глубже понять многоаспектное взаимодействие между культурами. Постколониальный подход раскрывает, как исторические колониальные отношения формировали и продолжают влиять на восприятие и представление «Другого». В этом контексте «Другой» часто олицетворяет маргинализированные группы, чьи голоса и идентичности были подавлены колониальной властью. Постколониальная философия подчеркивает необходимость переосмысления исторически сложившихся взглядов на «Другого». Это изучение раскрывает, как культурные, расовые и этнические различия использовались для оправдания политического и экономического доминирования. Постколониальный анализ «Другого» помогает выявить глубинные корни стереотипов и предрассудков в современных обществах (р. 40). «Другой» в постколониальной философии изучается не только как жертва колониализма, но и как активный участник культурного диалога.

Это изучение также подчеркивает важность восстановления историй и культурных практик, которые были уничтожены или искажены колониальной политикой. Постколониальная философия предлагает альтернативные способы понимания культурных взаимодействий, подчеркивая взаимное обогащение и сопротивление гегемонии. Она расширяет понимание культурной динамики за пределами простых двоичных оппозиций «мы» и «они».

Постколониальный подход к «Другому» призывает к критическому переосмыслению исторических нарративов и культурных иерархий. Изучение «Другого» в этом контексте способствует формированию более глубокого понимания культурной взаимозависимости и межкультурного взаимодействия. Методологические подходы к исследованию «Другого», как указывают Фосетт и Хирн (Fawcett & Hearn, 2004), требуют глубокого понимания эпистемологических и эмпирических аспектов, чтобы полноценно осмыслить эту концепцию. Важно осознавать, что «Другой» не является статичной категорией, а, скорее, отражает динамические процессы социального и культурного взаимодействия. Эпистемологические основы исследования «Другого» включают в себя вопросы о природе знаний, которые мы можем получить о «Другом». Эмпирический аспект предполагает, что понимание «Другого» требует учета личных и коллективных опытов, влияющих на восприятие. Методологии исследования должны быть гибкими и адаптивными, чтобы учитывать разнообразие перспектив и интерпретаций (p. 216).

Критический подход к исследованию «Другого» подразумевает необходимость анализа собственных предположений и предубеждений. Изучение инаковости влечет за собой переосмысление традиционных категорий идентичности и различия. Мультидисциплинарный подход обогащает исследование, внося вклад из различных областей знаний, таких как социология, антропология и культурология. Важно признать, что «Другой» может быть понят различными способами в зависимости от культурного и исторического контекста. Исследование «Другого» должно стремиться к глубокому пониманию и уважению к разнообразию опытов и точек зрения. Этический аспект в исследовании «Другого» подразумевает ответственное и чуткое отношение к изучаемым субъектам. Всё это может способствовать разрушению стереотипов и построению более справедливых и инклюзивных обществ.

Размышления о «Другом» в рамках континентальной философии, как подчеркивает Гаспарян (Gasparyan, 2014), открывают новые горизонты для анализа и понимания стереотипов в культуре. Континентальная философия предлагает углубленный взгляд на «Другого», рассматривая его не только как объект внешнего восприятия, но и как субъект, способный влиять на формирование самосознания. Этот подход позволяет осмыслить феномен как зеркало, в котором отражаются как культурные представления, так и индивидуальные предубеждения (p. 15). В контексте континентальной философии

«Другой» выступает как ключевой элемент в процессе конструирования идентичности, позволяя более глубоко понять механизмы стереотипизации. Анализ «Другого» через призму континентальной философии раскрывает сложные взаимосвязи между личным опытом, культурным контекстом и общественными нормами. Этот подход способствует критическому переосмыслению стереотипов, выявляя их глубинные корни и многогранность. Понимание «Другого» через призму личного опыта, как утверждают Гут и Вильчевски (Gut & Wilczewski, 2020), является критически важным для предотвращения эпистемического насилия и устранения предвзятости. Личный опыт позволяет осознать сложность и многогранность «Другого», преодолевая стереотипы и упрощенные представления. Этот подход способствует более глубокому и непосредственному пониманию, основанному на эмпатии и взаимном уважении. Признание и включение личного опыта в анализ «Другого» расширяет границы нашего понимания, делая его более человечным и реалистичным. Оно также помогает осознать собственные предрассудки и предубеждения, что является ключевым шагом к их преодолению (р. 457). Интеграция личного опыта в понимание «Другого» способствует более справедливому и объективному восприятию, минимизируя риски эпистемической несправедливости.

Авторское противостояние «обособлению», как отмечают Крумер-Нево и Сиди (Krumer-Nevo & Sidi, 2012), является мощным средством влияния на представления об этнических группах в общественном дискурсе. Через письменное выражение авторы могут активно бороться с распространенными стереотипами и предвзятыми взглядами, предлагая альтернативные нарративы. Это действие не только расширяет понимание разнообразия и сложности этнических идентичностей, но и способствует формированию инклюзивного восприятия культурных различий. Критическое осмысление и противостояние «обособлению» в литературе и журналистике способствуют разрушению устоявшихся мифов и предрассудков (р. 308). Антропология, как отмечает Лейстл (Leistle, 2016), предоставляет уникальную перспективу для изучения «инаковости» и её роли во взаимодействии культур. Эта дисциплина позволяет глубоко погрузиться в понимание того, как различные общества воспринимают и интерпретируют культурные различия. Антропологический подход к «инаковости» выявляет, как конструкции культурной идентичности формируются через диалог и взаимодействие с «Другим» (р. 27). Исследование культурных различий через призму «инаковости» способствует разрушению стереотипов и укреплению межкультурного понимания. Антропология раскрывает многообразие способов, которыми культуры взаимодействуют, адаптируются и обмениваются идеями, практиками и ценностями. Это изучение подчеркивает значимость эмпатии и открытости в процессе культурных взаимодействий. Современная философия и культурология, как указывает Отрешко (Otrreshko, 2020), играют ключевую роль в расширении и углублении понимания

концепций «Свой/Чужой». Эти дисциплины предлагают многоуровневый анализ, который позволяет раскрыть сложные процессы социальной и культурной идентификации. В рамках современной философии концепции «Свой» и «Чужой» исследуются не только с точки зрения идентичности и отличия, но и в контексте власти, влияния и взаимодействия. Культурология вносит вклад в понимание этих концепций путем изучения культурных практик, символов и нарративов, которые формируют представления о «Своем» и «Чужом» (р. 72). Такой подход способствует более глубокому осмыслению межкультурных взаимодействий и социальных отношений. Анализ концепций «Свой/Чужой» в современной философии и культурологии обогащает наше понимание динамики социального включения и исключения.

Экспериментальная философия открывает новые перспективы в изучении культурной специфики концепции «Другого». Этот подход сочетает философские размышления с методами эмпирических исследований, позволяя глубже понять, как различные культуры концептуализируют «Другого» (Pashler, 2013). Экспериментальная философия раскрывает, что представления о «Другом» значительно варьируются в зависимости от культурного контекста и социальных норм. Она позволяет исследовать, как культурные предрассудки и стереотипы формируются и поддерживаются на уровне коллективного сознания. Этот методологический подход обогащает традиционную философию новыми данными, делая её результаты более объективными и проверяемыми. Исследования в рамках экспериментальной философии помогают выявить скрытые механизмы восприятия и отношения к «Другому». Переосмысление «инаковости», как отмечает Петерсоо (Petersoo, 2007), является фундаментальным в процессе формирования национальной идентичности. Этот процесс включает в себя критический анализ и оценку различий, которые традиционно рассматриваются как определяющие элементы самоидентификации нации. Понимание «инаковости» в контексте национальной идентичности способствует более глубокому осознанию культурного многообразия и его роли в общественной жизни. Это переосмысление помогает преодолеть устоявшиеся стереотипы и предрассудки, часто связанные с национальным самосознанием. Сосуществование с «Другим», как обсуждают Петинаова и Ткаченко (Petinova & Tkachenko, 2022), оказывает значительное влияние на динамику личностных колебаний в обществе. Этот процесс подразумевает не только физическое присутствие различных культурных групп, но и глубокое взаимодействие и взаимопонимание между ними. Присутствие «Другого» способствует расширению границ собственного «Я», заставляя индивидов переосмысливать и адаптировать свои взгляды и убеждения. Взаимодействие с «Другим» может вызвать колебания в личностной идентичности, поскольку оно ставит под вопрос привычные нормы и ценности (р. 108). Эти колебания могут быть как источником личностного роста и самопознания, так и вызывать конфликт и напряжение

в процессе социальной адаптации. Сосуществование с «Другим» является ключевым элементом в процессе формирования открытого и многогранного общества, способствующего культурному обогащению.

Исследования концепции «Другого» имеют ключевое значение в рамках современных социокультурных реалий, поскольку они способствуют глубокому пониманию межкультурных взаимодействий и разнообразия. Они помогают раскрывать и преодолевать стереотипы и предрассудки, что является необходимым условием для развития толерантности и взаимоуважения в современном обществе. Анализ «Другого» вносит вклад в формирование более справедливых и инклюзивных социальных структур, подчеркивая важность культурного диалога и эмпатии. Таким образом, исследования «Другого» играют центральную роль в укреплении межкультурного понимания и содействии гармоничному сосуществованию различных культур в современном мире.

Цель данной статьи заключается в исследовании и анализе образов этнического «Другого» в стереотипах россиян, с использованием данных из интернет-запросов в поисковых системах Yandex и Google. Автор стремится понять, как часто встречаемые запросы отражают культурные представления и предубеждения, а также как они формируют коллективное восприятие различных этнических групп. Через комплексный анализ собранных данных, включая корреляцию запросов и визуализацию графов, наше исследование стремится к выявлению ключевых маркеров, которые россияне ассоциируют с различными этничностями. Это исследование предоставит ценные инсайты об этнических стереотипах в России и будет способствовать более глубокому пониманию взаимодействия культур в рамках современного общества.

Гипотеза исследования

В рамках предлагаемого исследования мы исходим из предпосылки, что анализ интернет-поисковых запросов способен отражать комплексный уровень общественного интереса, а также страхов и опасений перед культурным «Другим». Этот методологический подход дает возможность проникновения в более глубокие психосоциальные слои, которые лежат в основе отношения к различным аспектам других культур, включая пищевые, вестиментарные и сексуальные привычки. Анализ данных поисковых запросов позволит нам понять, как общество реагирует на встречу с неизведанными традициями, оценивая степень принятия или отторжения этих культурных элементов. Мы предполагаем, что такой анализ может выявить сложные отношения между знакомством с «Другим» и различными формами ответной реакции, варьирующимися от интереса и любопытства до опасений и предубеждений. Дополнительно анализ интернет-запросов может стать инструментом для выявления моментов усиления межэтнической напряженности в совре-

менном обществе. Изучение колебаний в динамике и содержании запросов предоставит возможность определения периодов повышенного интереса к некоторым этническим группам, что может быть индикатором социальных напряжений. Этот подход позволит нам отслеживать тенденции в общественном дискурсе, особенно в контексте восприятия и интерпретации культурных различий. Увеличение частоты указанных запросов может свидетельствовать о росте стереотипизации или недопонимания в отношении этнических меньшинств.

Таким образом, предложенная гипотеза исследования подразумевает, что интернет-запросы могут служить мощным инструментом для исследования общественных взглядов и отношений к культурному «Другому», предоставляя ценные данные для анализа межкультурных взаимодействий и социальных динамик.

Мы хотим подчеркнуть, что наша работа не направлена на оценку или поддержку определенных стереотипов, касающихся инаковых привычек изучаемых этнических групп. Главной целью нашего исследования является наблюдение и аналитический разбор интернет-запросов, а не формирование мнения о часто негативных представлениях этих культурных групп в плане их инакового поведения. Наша задача – объективно сравнить собранные данные с результатами прошлых лет, чтобы определить динамику и эволюцию общественных мнений и взглядов.

Методология и методы

Методология нашего исследования базируется на концепции триединной модели формирования образа «Другого», которая включает в себя сексуальные, вестиментарные (одежда и внешний вид) и алиментарные (пищевые привычки) аспекты инаковости. Эта концепция была разработана российским антропологом С. Н. Якушенковым в его работе «Образ Чужого – от деконструкции к конструкции», где он исследует механизмы формирования восприятия «Другого» (2012). Данная модель представляет собой попытку систематизировать наиболее распространенные и стереотипные маркеры, через которые субъект определяет «Другого». Она подчеркивает, что образ «Другого» в культурном и социальном контексте складывается не случайно, а является результатом взаимодействия определенных узнаваемых паттернов. Понимание этих паттернов позволяет глубже проникнуть в процесс формирования культурных стереотипов и их влияния на общественное сознание.

В ходе нашего исследования мы применили техники вебометрического анализа, что предоставило нам уникальную возможность сбора актуальных данных непосредственно из Интернета. Эти методы оказались эффективными в выявлении современных тенденций и анализе пользовательских реакций на разнообразные аспекты культурного «Другого», включая алиментарные

предпочтения, вестиментарные особенности и сексуальные ориентации. Использование этих методов позволило проникнуть в глубину динамики общественного сознания, раскрывая тонкие изменения в восприятии и отношении к различным культурным явлениям. Кроме того, вебометрический анализ предоставил ключевые инсайты для понимания способов, которыми цифровые отпечатки пользователей могут отражать их взгляды на текущие события, формируя обновленное представление о межкультурных взаимодействиях в современном мире. Этот подход оказался особенно полезным в контексте изучения культурных стереотипов и представлений, раскрывая сложные механизмы формирования общественного мнения в эпоху цифровых технологий.

Вебометрический анализ отличается от традиционных опросов тем, что он раскрывает непосредственное и неконтролируемое выражение человеческих взглядов и эмоций. В условиях обычных опросов люди часто склонны давать ответы, соответствующие социальным ожиданиям, в то время как анализ интернет-запросов открывает доступ к более глубоким и искренним проявлениям чувств, таким как страх, интерес или агрессия. В контексте изучения отношений к «Другому» интернет-запросы часто выражаются в формах, включающих ксенофобские и предвзятые высказывания, что подчеркивает социокультурные предубеждения. Вебометрика, таким образом, открывает уникальное окно в более тонкие и часто скрытые слои общественного сознания и культурных представлений. Этот метод позволяет уловить те аспекты мнений и отношений, которые обычно остаются закрытыми для более формализованных методов исследования.

В исследовании были применены статистические методы сбора данных из Интернета, что обеспечило создание корреляционных матриц для анализа взаимосвязей между разнообразными структурными маркерами. Мы использовали расчет парной корреляции по методу Пирсона для каждого из этих маркеров, что позволило выявить наиболее значимые взаимосвязи между ними. Этот подход не только количественно, но и качественно анализирует эти связи, обеспечивая глубокое понимание динамики взаимодействий между различными элементами данных. Визуализация этих корреляций стала ключевым инструментом для создания, структурирования и классификации моделей восприятия «Другого». Такой метод анализа позволяет не только определить количество и разнообразие этих моделей, но и глубоко изучить содержание и суть каждой из них, основываясь на их группировке и взаимосвязях. Благодаря этому, мы смогли углубить понимание о том, как формируются и взаимодействуют различные образы «Другого» в цифровой среде. Эти методы анализа, сочетая статистическую точность с визуальной наглядностью, раскрывают глубину социальных и культурных динамик, присущих онлайн-поведению и взаимодействиям пользователей.

Для более глубокого понимания примененных методов вебометрического анализа рекомендуется ознакомиться с нашими предыдущими исследованиями, где подробно описываются процедуры сбора и анализа данных, а также используемые статистические методы (Алиев & Якушенкова, 2021).

В практической части нашего исследования были применены статистические методики для сбора обширных данных из Интернета, благодаря чему мы смогли получить значимую информацию о запросах пользователей. Мы анализировали данные, собранные с использованием сервисов Wordstat от Яндекса и Google Trends, что предоставило уникальную возможность исследовать тенденции и объемы поисковых запросов в сети. Эти инструменты дали возможность отслеживать конкретные запросы пользователей в различные временные периоды и классифицировать их по географическим регионам. Использование этих сервисов оказалось решающим в выявлении и анализе широкого спектра интересов и поведения пользователей в интернете. Мы применили метод корреляционного анализа по Пирсону для каждой пары структурных маркеров, что привело к обнаружению значительных корреляционных связей и позволило более глубоко понять структуру данных. Для визуализации этих связей мы использовали метод графов с помощью программы Gephi, опираясь на семантические взаимосвязи, что дало нам возможность идентифицировать ключевые модели, отражающие разнообразные категории и темы и их влияние друг на друга. Это подход обеспечил не только структурирование больших объемов данных, но и интерпретацию сложных социокультурных процессов, лежащих в основе поисковых запросов и интернет-активности пользователей.

Наше исследование было внимательно спланировано и разбито на несколько ключевых этапов, начиная с отбора объектов исследования. Мы сфокусировались на десяти крупных этнических группах, включая китайцев, японцев, корейцев, французов, американцев, немцев, украинцев, казахов, азербайджанцев и армян. Этот выбор был продиктован двумя основными критериями. В первую очередь, особое внимание было уделено представителям стран, имеющих ключевое геополитическое значение для современной России, что предоставляет уникальную возможность анализировать межкультурные взаимодействия в контексте международных связей. Во вторую очередь, наш акцент был направлен на изучение представителей государств бывшего СССР, что позволяет освещать вопросы межэтнических отношений и исследовать влияние общей истории на современные культурные и социальные динамики.

На втором этапе нашего исследования была поставлена задача по разработке конкретных форм поисковых запросов, целью которых было выявление ключевых структурных маркеров, отражающих образ «Другого». Учитывая специфику нашего исследовательского объекта и опираясь на триединую структуру образа «Другого», мы разработали целенаправленные шаблоны

запросов. Эти шаблоны были оформлены в виде запросов типа «“представители этноса” едят...», «“представители этноса” носят...», «“представители этноса” женятся на / выходят замуж за...». Это позволило нам начать сбор данных, нацеленных на понимание культурных представлений о пищевых привычках, одежде и брачных обычаях различных этнических групп. Такой подход обеспечил эффективный сбор данных, которые были важны для дальнейшего анализа и создания образа «Другого» в различных культурных контекстах (см. Рисунок 1). Применение этих запросов оказалось решающим в выявлении особенностей и общественного восприятия различных этнических групп, особенно в отношении их пищевых и бытовых традиций. Это обеспечило основу для глубокого понимания разнообразия культурных образов и взаимоотношений в глобализированном мире.

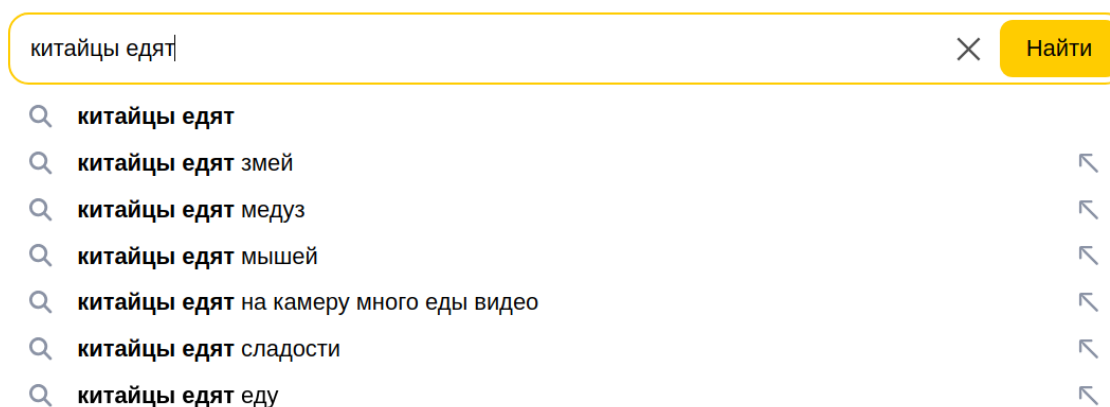

Рисунок 1. Пример формирования поисковых запросов в Яндексе

Figure 1. Example of search query generation in Yandex

В контексте нашего исследования процедура сбора данных охватывала аккумуляцию информации через сервисы <https://wordstat.yandex.ru/> и <https://trends.google.ru/>, что сделало возможным сформировать комплексную базу данных поисковых запросов, сделанных российскими пользователями (см. Таблица 1). В ходе создания этой базы особое внимание было уделено утвердительным формам запросов, таким как «китайцы едят рис», обеспечивая тем самым однородность и ясность собираемых данных. В то же время запросы вопросительной формы, такие как «едят ли китайцы рис», и высказывания отрицательного характера, например, «не едят гречку», были выделены для отдельного исследования, не включаясь в основной массив данных. Этот методологический подход позволил нам глубже исследовать и анализировать различные аспекты представлений и восприятий, выраженных в интернет-поисковых запросах.

Запрос	Китайцы	Японцы	Корейцы	Француз ы	Америка нцы	Немцы	Украинц ы	Казахи	Азербайд жанцы	Армяне
едят баранину	0	0	0	0	0	0	0	0	11	7
едят ежей	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
едят сырой фарш	0	0	0	0	0	487	0	0	0	0
едят сюрстрем минг	0	0	0	0	0	252	0	0	0	0
едят медуз	38	60	21	0	0	0	0	0	0	0
едят змей	86	7	11	10	0	0	0	0	0	0
едят сало	0	0	0	0	0	0	66	17	5	16
едят мышей	214	20	13	2	0	0	0	0	0	0
едят на камеру	3359	192	996	0	15	0	0	0	0	0
едят свинину	194	58	81	5	25	0	0	0	0	335
носят крестики	0	4	6	1	0	0	4	0	0	0
носят усы	0	0	0	0	0	0	0	0	9	8
носят русскую одежду	0	100	0	0	1	0	35	0	0	0
носят часы на правой руке	114	0	0	0	0	79	0	0	0	0
женятся на роботах	154	30	0	0	0	0	0	0	0	0
выходят замуж за русских	57	24	16	12	437	26	33	65	0	85
выходят замуж девственницами	97	3	0	0	0	0	0	0	0	12
выходят замуж за мусульман	0	0	0	25	0	0	0	0	0	0

Таблица 1. Пример части корреляционной таблицы

Table 1. Example of a part of correlation table

На последующем этапе нашего исследования был проведен анализ корреляций для каждой пары выявленных ранее маркеров. Этот процедурный шаг позволил нам измерить уровень взаимосвязей между различными марке-

рами, которые отражают уникальные аспекты восприятия и отношений к разнообразным этническим группам (см. Рисунок 2). Результаты данных расчетов корреляций предоставили ценное понимание о динамике и взаимных влияниях разнообразных культурных восприятий и представлений, выявляемых через поисковые запросы. Эти результаты оказались ключевыми для глубокого анализа сложных взаимодействий и переплетений культурных паттернов, проявляющихся в онлайн-поведении пользователей.

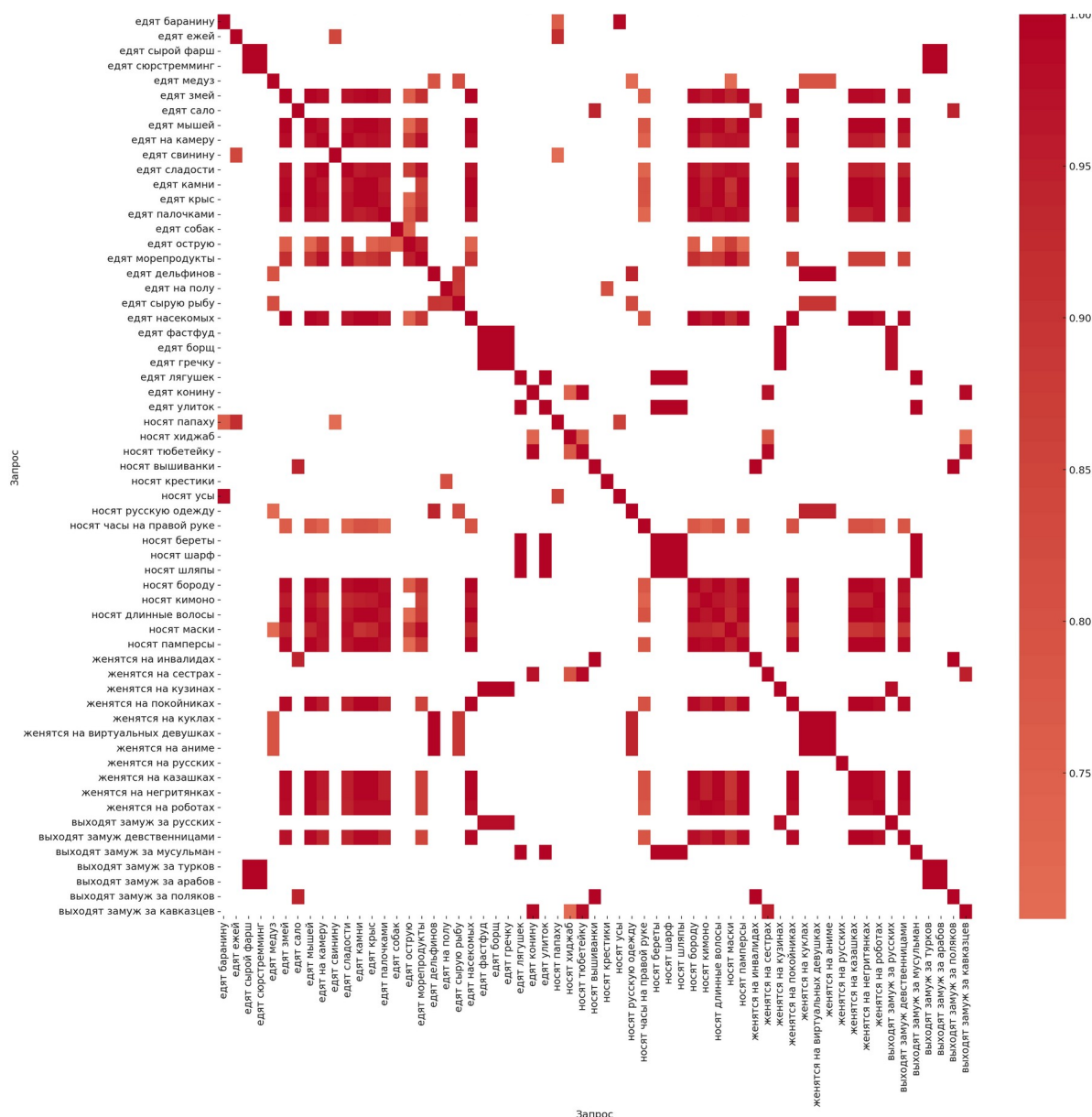
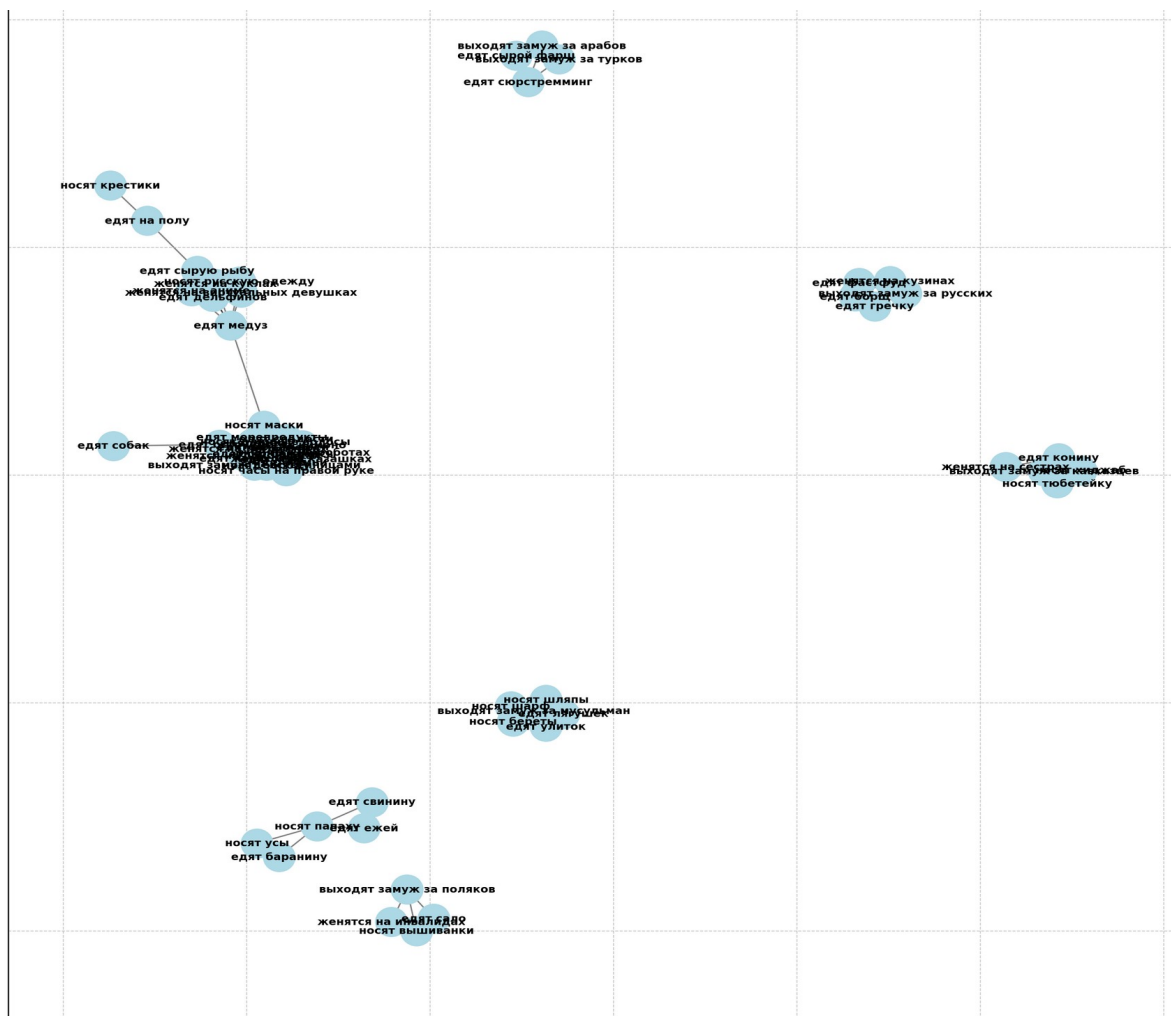

Рисунок 2. Пример корреляционной матрицы сильных связей между маркерами

Figure 2. Example of correlation matrix of strong correlations between markers

Рисунок 3 Карта сгруппированных между собой структурных маркеров инаковости

Figure 3. Map of the structural markers of the otherness grouped together

После того как были выявлены наиболее значимые корреляционные связи между структурными маркерами, мы приступили к использованию программного комплекса Gephi, предназначенного для сетевого анализа и визуализации данных, для создания графов на плоскости (см. Рисунок 3). В этих графах маркеры были организованы в отдельные кластеры, каждый из которых представлял собой уникальную структурную модель восприятия инаковости в контексте изучаемых нами этнических групп. Эти кластеры иллюстрировали многообразие и сложность представлений об инаковости, показывая, как разнообразные культурные и социальные факторы взаимодействуют при формировании образа другой этнической группы. Благодаря визуализации мы смогли наглядно демонстрировать и анализировать способы, которыми различные аспекты восприятия объединяются в цельную структуру представлений о каждой исследуемой группе. Таким образом, созданные кластеры

оказались ключевыми в понимании механизмов формирования и взаимодействия представлений о различных этнических группах в сознании общества.

Результаты

В процессе исследования мы выявили несколько моделей инаковости, которые были представлены на карте графов, как это иллюстрируется на Рисунке 3. Анализ позволил нам идентифицировать отдельные кластеры, каждый из которых отражает определенные аспекты восприятия и образа «Другого». Особое внимание заслуживает один кластер, выделяющийся своими размерами и охватывающий широкий спектр общепринятых структурных маркеров. В этом кластере собраны запросы такого характера, как «Едят медуз», «Едят сырую рыбу», «Едят собак», что указывает на интерес и возможные стереотипы, связанные с пищевыми привычками других культур. Кроме того, в этот кластер входят такие запросы, как «Носят русскую одежду», «Женятся на куклах», «Женятся на аниме», отражающие представления о вестиментарных и сексуальных аспектах инаковости. Эти данные позволяют глубже понять, как в сознании россиян формируются образы и представления о различных культурах. Этот кластер, характерный для азиатских народов, таких как китайцы, корейцы и японцы, выявляет высокий уровень бдительности и интереса со стороны российских интернет-пользователей к нетрадиционным или экстраординарным практикам. Особенно примечательно, что в рамках этого кластера образ китайцев выделяется благодаря значительному количеству запросов, насыщенных алертными маркерами. Интересно, что такие запросы отражают не просто любознательность, но и укоренившиеся стереотипы относительно традиций и обычаев других культур. Эти маркеры демонстрируют сложность и разнообразие в понимании культурных различий. Заметное в этих кластерах уклонение в сторону экстремальных или необычных практик других культур подчеркивает наличие глубоко укорененных культурных кодов, которые формируют восприятие «инаковости». Это свидетельствует о том, как в культурном сознании укрепляются определенные представления о «чужом» и «непривычном», указывая на глубокие культурные механизмы, обуславливающие отношение к другим этническим группам.

Примечательно, что образ Китая в России, как отмечает О. В. Бокавнева в своём исследовании (2021), является ярким примером исторической эволюции восприятия культурного «Другого». На протяжении веков отношения между Россией и Китаем претерпевали значительные изменения, выражая политические, экономические и культурные трансформации в обоих государствах. Изначально восприятие Китая в России было сформировано через призму экзотического и непознанного, что нашло отражение в литературе, искусстве и научных трудах. Со временем образ Китая начал ассоцииро-

ваться с конкретными политическими и экономическими характеристиками, что повлияло на формирование стереотипов и представлений о китайском народе. В период Советского Союза образ Китая подвергся ряду изменений, связанных с идеологическими и геополитическими факторами. После распада СССР и в условиях глобализации восприятие Китая в России стало более многогранным, отражая экономическое сотрудничество и культурный обмен. Современные отношения России и Китая характеризуются как стратегическое партнерство, что также оказывает влияние на общественное мнение (с. 173). Исследование Бокавневой подчеркивает, что изменение образа Китая в России сопровождается переосмыслением концепции культурного «Другого». Это переосмысление отражает общие тенденции в развитии межкультурных отношений и взаимовлияния глобальных процессов. Анализ образа Китая в России демонстрирует, как исторические, политические и культурные контексты формируют представления о других народах. Это исследование также подчеркивает важность критического осмысления стереотипов и предрассудков в международных отношениях. Тем не менее, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в повседневном восприятии пользователей Интернета образ китайцев продолжает ассоциироваться с экзотичностью и, до некоторой степени, экстремальностью, как это демонстрируется обнаруженными структурными маркерами. Эти маркеры указывают на то, что представления о китайской культуре в российском информационном пространстве остаются пропитанными идеями чуждости и необычности. В контексте культурного восприятия китайцы по-прежнему воспринимаются как носители далеких и загадочных традиций, что отражает устойчивые стереотипные представления. Этот образ, укоренившийся в сознании российских пользователей интернета, подчеркивает преобладание взглядов, основанных на экзотических и часто упрощенных представлениях о других культурах.

Анализируя образы «Другого-японца» и «Другого-корейца» в нашем исследовании, мы обнаружили, что характерные для них маркеры не столько связаны с алертностью или экстремальностью, сколько с наивностью или популярными интернет-трендами, такими как мокпан (еда перед камерой). Эти маркеры, такие как «Едят на камеру», отражают более широкие культурные явления и новые формы интернет-активности, которые становятся частью глобальной цифровой культуры. В контексте сексуальных маркеров, таких как «Женятся на куклах», «Женятся на аниме», прослеживается интерес и интрига, связанные с необычными аспектами японской и корейской культур. Эти маркеры иллюстрируют, как в современном обществе формируются образы «Другого», опираясь на уникальные и часто упрощенные интерпретации культурных особенностей. Таким образом, в восприятии российских пользователей интернета японская и корейская культуры проецируются сквозь призму интересных, но поверхностных явлений. Это подчеркивает тенденцию

к формированию образа «Другого» на основе наиболее заметных и легко узнаваемых, но не всегда глубоко понятых элементов. В целом, образы «Другого-японца» и «Другого-корейца» в российском интернет-пространстве раскрывают узоры восприятия, которые важны для понимания культурных взаимодействий и переплетений в современном мире. Эти маркеры не только отражают текущие интересы и представления, но и подсказывают существование более широких социокультурных динамик, присущих глобализированному информационному обществу.

Образы «Другого-немца», «Другого-француза» и «Другого-американца» не выявили наличие алертных маркеров, однако в них заметен характерный стереотипный фон формирования представлений об инаковости. Например, в отношении алиментарных привычек немцев среди российских пользователей преобладает представление о том, что немцы употребляют в пищу такие продукты, как сюрстремминг и сырой фарш. В сексуальной сфере образ немки ассоциируется с предпочтением выходить замуж за арабов или турков. С другой стороны, в образе «Другого-американца» присутствует стереотип о браках с кузинами, однако также обнаруживается интерес к тому, как американцы воспринимают и употребляют русскую еду, например, «Едят гречку». Эти маркеры показывают, что в образах этих этнических групп преобладают устойчивые стереотипы, отражающие культурные представления российских пользователей интернета. Они иллюстрируют, как культурные и национальные особенности идентифицируются и интерпретируются в общественном сознании. Образ «Другого-француза» в нашем исследовании также характеризуется стереотипными маркерами, причем они затрагивают не только алиментарные («Едят улиток») и сексуальные («Выходят замуж за мусульман») аспекты, но и вестиментарные («Носят шарф, шляпы, береты»). Это явление можно объяснить глубоко укоренившимися культурными представлениями о французской идентичности, которые распространены в массовом сознании. Французская культура идентифицируется с определенными атрибутами высокой моды и элегантности, отраженными в упоминании таких аксессуаров, как шарфы, шляпы и береты. Алиментарные маркеры, такие как употребление улиток, символизируют экзотическую и утонченную кухню, в то время как сексуальные маркеры, связанные с браками с мусульманами, могут указывать на восприятие французской культуры как открытой и мультикультурной. Эти стереотипы и маркеры выражают не только поверхностные представления, но и глубокие культурные взгляды на идентичность и образ жизни французов.

Образ «Другого-украинца» в нашем исследовании, хотя и содержит некоторые алертные маркеры, в целом демонстрирует заметное уменьшение их числа по сравнению с данными 2022 года. В настоящее время этот образ складывается вокруг устойчивых стереотипов, таких как «Едят сало», «Носят вышиванки», «Выходят замуж за поляков». Такие представления свидетельствуют

о стереотипизации, отражающей упрощенное восприятие украинской культуры. Наблюдаемое сокращение алертных маркеров и акцент на более традиционных стереотипах может указывать на процесс нормализации образа «Другого-украинца» в сознании российских пользователей интернета. Это изменение может быть интерпретировано как снижение степени негативного восприятия или предвзятости и переход к более-менее нейтральным или даже позитивным образам. Такая тенденция в восприятии украинской культуры отражает динамический характер культурных стереотипов и их взаимодействие с политическими и социальными контекстами. В целом это свидетельствует о том, что культурные образы и стереотипы не являются статичными и могут изменяться в зависимости от множества факторов, включая международные отношения и общественные настроения.

Анализ образа «Другого-казаха» в рамках нашего исследования выявил, что он является наименее наполненным алертными маркерами и в большей степени основывается на стереотипных представлениях. Такие маркеры, как «Едят конину», «Носят тюбетейку», и другие подобные, отражают упрощенное и узнаваемое восприятие казахской культуры, склонное к генерализации определенных культурных атрибутов. Отсутствие алертных маркеров в образе «Другого-казаха» указывает на низкий уровень негативного или конфликтного восприятия этой культуры в среде российских интернет-пользователей. Это может свидетельствовать о более гармоничных или нейтральных отношениях и представлениях в отношении казахской культуры, в которых преобладают традиционные и узнаваемые элементы. Так образ «Другого-казаха» раскрывает особенности взаимодействия и восприятия межкультурных связей, демонстрируя, как культурные стереотипы формируются и укрепляются в общественном сознании. В целом это подчеркивает важность осмысления и критического анализа стереотипных образов в контексте межкультурных отношений и восприятий.

Остальные образы «инаковости» не образуют отдельных, выделяющихся категорий, а, скорее, интегрируются в более широкие модели, представленные в крупных кластерах. Маркеры, характерные для этих образов, не выделяются как уникальные, сливаясь с общими тенденциями, присущими этим кластерам. Интересным является тот факт, что единственный структурный маркер, общий для всех исследуемых культурных образов, заключается в представлении о браках с русскими («женятся на русских»). Этот маркер можно интерпретировать как отражение определенной первобытной тревожности в российском обществе по отношению к «Другому», особенно в аспекте сексуального поведения. Такое восприятие может быть связано с глубоко укоренившимися культурными и историческими факторами, которые формируют образ «Другого» как потенциального «захватчика» или «интегратора» в российскую культуру. Этот маркер свидетельствует о сложных и многогранных отношениях между собственной идентичностью и восприятием чуждого, раскрывая

глубинные психологические механизмы, лежащие в основе межкультурных взаимодействий.

Выводы

Проведённое исследование раскрывает многослойность и сложность восприятия различных культурных образов в российском информационном пространстве. Анализ выявил несколько моделей инаковости, которые были представлены на карте графов, каждая из которых отражает уникальные аспекты восприятия и образа «Другого». В частности, образы, связанные с азиатскими культурами, такими как китайская, корейская и японская, демонстрируют высокую степень интереса со стороны российских интернет-пользователей к нетрадиционным или экстраординарным практикам. Это указывает на глубоко укорененные культурные коды, формирующие восприятие инаковости и раскрывает, как определенные представления о «чужом» и «непривычном» укрепляются в культурном сознании.

В контексте японской и корейской культур обнаруживается фокус на популярных интернет-трендах, таких как мокпан (еда перед камерой), что отражает более широкие культурные явления и новые формы интернет-активности. Это акцентирует внимание на том, как образы «Другого» формируются на основе уникальных и часто упрощенных интерпретаций культурных особенностей. Образы «Другого-немца», «Другого-француза» и «Другого-американца» также раскрывают устойчивые стереотипы, но без алертных маркеров. Это указывает на менее конфликтное восприятие этих культур, хотя и склонное к упрощению и генерализации определенных культурных атрибутов.

В целом, наше исследование показывает, что культурные образы и стереотипы не являются статичными и подвержены изменениям в зависимости от множества факторов, включая международные отношения и общественные настроения. Это подчеркивает сложность культурных взаимодействий и важность их глубокого понимания в контексте социокультурных динамик.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Астраханского государственного университета (Приоритет-2030).

This research was supported by the Astrakhan State University Development Program (Priority-2030)

Список литературы

- Berkovskiy, V. A., & Tronina, L. A. (2019). Social and Historical Aspect of Interaction of Ethnic Culture and Personality in the Context of Public Development. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*, 17(1), 3–9. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2019-17-1-3-9>
- Briscoe, F. M. (2005). A Question of Representation in Educational Discourse: Multiplicities and Intersections of Identities and Positionalities. *Educational Studies*, 38(1), 23–41. https://doi.org/10.1207/s15326993es3801_4
- Drichel, S. (2012). Face to Face with the Other Other: Levinas versus the Postcolonial. *Levinas Studies*, 7, 21–42. <https://doi.org/10.5840/levinas201274>
- Fawcett, B., & Hearn, J. (2004). Researching others: Epistemology, experience, standpoints and participation. *International Journal of Social Research Methodology*, 7(3), 201–218. <https://doi.org/10.1080/13645570210163989>
- Gasparyan, D. (2014). Mirror for the Other: Problem of the Self in Continental Philosophy (from Hegel to Lacan). *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 48(1), 1–17. <https://doi.org/10.1007/s12124-013-9247-x>
- Gut, A., & Wilczewski, M. (2020). Turning away from epistemic violence by capturing a lived experience of the other. *Theory & Psychology*, 30(3), 454–458. <https://doi.org/10.1177/0959354320922614>
- Krumer-Nevo, M., & Sidi, M. (2012). Writing Against Othering. *Qualitative Inquiry*, 18(4), 299–309. <https://doi.org/10.1177/1077800411433546>
- Leistle, B. (2016). *Anthropology and Alterity: Responding to the Other* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315616759>
- Otreshko, N. (2020). Own/Alien Concepts in Contemporary Philosophy and Cultural Studies. *The Culturology Ideas*, 17, 65–74. <https://doi.org/10.37627/2311-9489-17-2020-1.65-74>
- Pashler, H. (2013). Experimental Philosophy. In *Encyclopedia of the Mind*. SAGE Publications, Inc. <https://doi.org/10.4135/9781452257044.n121>
- Petersoo, P. (2007). Reconsidering otherness: Constructing Estonian identity. *Nations and Nationalism*, 13(1), 117–133. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2007.00276.x>
- Petinova, O., & Tkachenko, E. (2022). Co-existing with the Other in the Aspect of the Problem of Fluctuations of Personality in the Society. *Studia Warmińskie*, 59, 97–110. <https://doi.org/10.31648/sw.8329>
- Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2021). Образ Чужого в (пост)ковидный период: Анализ русскоязычных интернет-запросов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 163–190. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.237>
- Бокавнева, О. В. (2021). Образ Китая в России: История вопроса. *Концепт: философия, религия, культура*, 5(2), 161–174. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-161-174>
- Борисенко, Н. Н. (2022). Концепт «Другого» в историко-философской ретроспективе. *KANT*, 43(2), 89–93. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-43.16>
- Якушенков, С. Н. (2012). Образ Чужого – от деконструкции к конструкции. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 242–249.

References

- Aliev, R., & Yakushenkova, O. (2021). The Image of the Other in the (post-)Covid Period: Analysis of Russian-language Internet Queries. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 163-190. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.237> (In Russian).
- Berkovskiy, V. A., & Tronina, L. A. (2019). Social and Historical Aspect of Interaction of Ethnic Culture and Personality in the Context of Public Development. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*, 17(1), 3-9. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2019-17-1-3-9>
- Bokavneva, O. V. (2021). China's Image in Russia: Historical Background. *Concept: philosophy, religion, culture*, 5(2), 161-174. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-161-174> (In Russian).
- Borisenko, N. N. (2022). The concept of the "Other" in the historical and philosophical retrospective. *KANT*, 43(2), 89-93. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-43.16> (In Russian).
- Briscoe, F. M. (2005). A Question of Representation in Educational Discourse: Multiplicities and Intersections of Identities and Positionalities. *Educational Studies*, 38(1), 23-41. https://doi.org/10.1207/s15326993es3801_4
- Drichel, S. (2012). Face to Face with the Other Other: Levinas versus the Postcolonial. *Levinas Studies*, 7, 21-42. <https://doi.org/10.5840/levinas201274>
- Fawcett, B., & Hearn, J. (2004). Researching others: Epistemology, experience, standpoints and participation. *International Journal of Social Research Methodology*, 7(3), 201-218. <https://doi.org/10.1080/13645570210163989>
- Gasparyan, D. (2014). Mirror for the Other: Problem of the Self in Continental Philosophy (from Hegel to Lacan). *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 48(1), 1-17. <https://doi.org/10.1007/s12124-013-9247-x>
- Gut, A., & Wilczewski, M. (2020). Turning away from epistemic violence by capturing a lived experience of the other. *Theory & Psychology*, 30(3), 454-458. <https://doi.org/10.1177/0959354320922614>
- Krumer-Nevo, M., & Sidi, M. (2012). Writing Against Othering. *Qualitative Inquiry*, 18(4), 299-309. <https://doi.org/10.1177/1077800411433546>
- Leistle, B. (2016). *Anthropology and Alterity: Responding to the Other* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315616759>
- Otreshko, N. (2020). Own/Alien Concepts in Contemporary Philosophy and Cultural Studies. *The Culturology Ideas*, 17, 65-74. <https://doi.org/10.37627/2311-9489-17-2020-1.65-74>
- Pashler, H. (2013). Experimental Philosophy. In *Encyclopedia of the Mind*. SAGE Publications, Inc. <https://doi.org/10.4135/9781452257044.n121>
- Petersoo, P. (2007). Reconsidering otherness: Constructing Estonian identity. *Nations and Nationalism*, 13(1), 117-133. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2007.00276.x>
- Petinova, O., & Tkachenko, E. (2022). Co-existing with the Other in the Aspect of the Problem of Fluctuations of Personality in the Society. *Studia Warmińskie*, 59, 97-110. <https://doi.org/10.31648/sw.8329>
- Yakushenkov, S. N. (2012). The Image of the Alien: From Deconstruction to Construction. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 3, 242-249. (In Russian).

Grids: Re-considering Infrastructural Politics of Urban Space

Daria A. Kolesnikova

Herzen Pedagogical University. St. Petersburg, Russia. Email: [daria.ko\[at\]gmail.com](mailto:daria.ko[at]gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2111-0703>

Received: 30 October 2023 | Revised: 18 November 2023 | Accepted: 25 November 2023

Abstract

For many centuries, the principle of linear planning based on a grid pattern has played a significant role in the spatial organization of urban boundaries. Additionally, the grid principle has formed the basis for policies and practices related to the emergence of “disciplinary societies”, leading to the modern networked society. Drawing on the concept of the grid as a cultural technique by media philosopher Bernhard Siegert, this article examines the functioning of the grid as epistemic frameworks and the media of representation, order, and filtration. The article also provides insights into the manifestation of the grid principle in the context of the emerging field of social research on infrastructures, including the digital infrastructure of smart cities. This encompasses a wide spectrum, from smart devices and everyday communication to pervasive sensors and big data, from the sharing of images and impressions to advanced prosthetics, from the development of smart cities to the deployment of surveillance technologies and predictive algorithms. Through a range of case studies, from the study of structured territorial control of the Roman limitatio to the efficient grid patterns of pre-fabricated housing districts worldwide, the research examines the potential and transhistorical nature of the grid principle. The article is intended for media philosophers, anthropologists, urbanists and digital culture theorists.

Keywords

Grid Patterns; Cultural Techniques; Urban Grids; City Form; Surveillance Society; Urban Planning; Immunopolitics; Media of Control; Frontier Studies; Infrastructure Studies

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Принцип «решетки» в переосмыслении инфраструктурной политики городского пространства

Колесникова Дарья Алексеевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Санкт-Петербург, Россия. Email: [daria.ko\[at\]gmail.com](mailto:daria.ko[at]gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2111-0703>

Рукопись получена: 30 октября 2023 | Пересмотрена: 18 ноября 2023 | Принята: 25 ноября 2023

Аннотация

На протяжении многих веков принцип прямолинейного планирования на основе паттерна «решетки» играет важную роль в пространственной организации территорий и выстраивания городских границ. Механизмы регулирования и рационализации, основанные по принципу «решетки», широко используются в качестве организационной системы в архитектуре и градостроительстве. Они также легли в основу политик и практик наблюдения и контроля, связанных с появлением «дисциплинарных обществ» и современного сетевого общества. Опираясь на концепцию «решетки» как культурной техники (cultural technique) медиафилософа Бернарда Зигерта, в данной статье авторы рассматривают функционирование решетки в качестве эпистемической структуры и медиа репрезентации, порядка и фильтрации. Статья позволяет получить понимание проявления принципа «решетки» в контексте развития недавно оформившегося направления – социального исследования инфраструктур, в том числе цифровой инфраструктуры умного города. С помощью аналитики конкретных примеров, от изучения структурированного территориального контроля римского лимитацио до современных городских ландшафтов, в статье рассматривается потенциал и трансгисторическая природа принципа «решетки». Статья предназначена для медиафилософов, антропологов, урбанистов и теоретиков цифровой культуры.

Ключевые слова

паттерны «решетки»; техники культуры; городские решетки; городская форма; общество наблюдения; городское планирование; иммунополитика; медиа контроля; фронтирные исследования; исследования инфраструктуры

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Introduction

For centuries, the grid has had a significant impact on human spatial navigation, the interpretation of images, text and maps, and the facilitation of trade and energy exchange. Entire cities have been structured on the basis of the rectangular division of space. While the grid is often associated with modernity and Western civilisations, it is worth noting that there are examples of pre-modern, non-Western cities that used grid-like layouts, serving as potential prototypes for today's urban environments (Pannekoek & Dankert, 2019).

The prevalence of grids in various cultures illuminates their universal language of order. Grids embody a fundamental human effort to impose order on disorder, to weave complex designs from potential threads, and to steer both physical and abstract creations towards a common goal of coherence and direction.

The grid, which has served as a powerful tool for governance and coordination, has a dual nature, as it has also been used for oppressive purposes. In today's networked society, these organisational structures permeate both physical and abstract realms, encompassing railway networks, electrical grids and telecommunications systems. The term "critical infrastructure" has gained prominence in recent years, highlighting the crucial role of such basic supply structures and networks (Folkers & Lemke, 2014; Folkers, 2018) in the context of a critique of the modern security paradigm. This is because when we consider the political dimension of security, especially when it is viewed through a state-centric lens, there is a potential risk of transforming the infrastructure of the welfare state into a mechanism of *immunopolitics* (Esposito, 2021). This "immunological concept of security" seeks to protect against perceived external threats. However, this approach can inadvertently produce "figures of the Other", accompanied by racialisations, genderings and social exclusions (Loick & Thompson, 2022).

Therefore, as we explore the concept of grid, a crucial consideration arises: is complete disconnection from the grid still a viable option given the pervasiveness of surveillance, data pipelines and information accumulation?

Grids became the crucial media of control, linking "the concept of place" to "the notion of order" (Siegert, 2015, p. 97). Building on the concept of the grid as a cultural technique, this article examines how the grid functions as epistemic frameworks at the intersection of immunopolitics and infrastructure studies.

Grids as a Cultural Technique

Grids, as a fundamental tool for organization, play a pivotal and ubiquitous role in shaping human environments and expressions throughout varied cultures and historical eras. Their systematic configuration of intersecting lines serves as a fundamental framework for establishing order, structure, and coherence in both tangible constructs and abstract concepts.

The invention of the grid represents a significant pre-modern advancement that continues to shape contemporary conceptions and manipulations of space. Whether extended to cover vast continents or condensed within the confines of individual tenements, grids have emerged as a powerful cultural technique, serving as a principal means for comprehensive spatial regulation in various domains of our existence.

The emergence of rational space division embodied by the grid, and the establishment of zero as the center of a numerical system, facilitating virtual calculations, have given rise to contemporary standardized, technical, and interconnected spaces. The fusion of the matrix grid and GPS technology has enabled a global presence of operationalized deixis, transforming how we navigate and understand the world around us.

Bernhard Siegert, in his book “Cultural Techniques: Grids, Filters, Doors and Other Articulations of the Real”, examines the role of cultural techniques, particularly the grid, as epistemic frameworks that interact with imaging technologies and diverse forms of knowledge such as mathematics, topography, geography, and governance. According to Siegert, a cultural technique is more than a mere tool or instrument; it is a fundamental mode of human interaction with the world: “operative chains that precede the media concepts they generate” (Siegert, 2013, p. 58). In this context, the grid serves as a prime example of a cultural technique that has three fundamental functions: as a grid of imaging, a grid of order, and a grid of filtering.

The grid operates as an imaging technology, employing algorithms to “project a three-dimensional world onto a two-dimensional plane” (Siegert, 2015, p. 98). Within this process, objects go through a series of abstractions necessary for their classification within the grid scheme. Essentially, the grid is a type of representation that presupposes an existing geometric space for object placement and integrates the representation of these objects within a framework influenced by theories of subjective vision.

Besides, the grid is a broad diagrammatic process utilizing particular addresses for storing and manipulating data, which can be applied both in tangible reality and in symbolic contexts. Grids can take on various forms, such as two-dimensional, three-dimensional, or combinations of both.

Finally, the grid plays a role in shaping a world of objects that exists in the imagination of a subject. This process draws on Heidegger’s concept of “Gestell” or “enframing” focused on making things available and controllable, linking deictic procedures with symbolic operations that have tangible real-world effects (Siegert, 2015, p. 98). In visualizing the concept of “Gestell”, it resembles a grid-like structure where humans perceive the surrounding world as passive and ripe for manipulation and exploitation. Conversely, this framework helps illustrate how a system or hierarchy can operate as a grid, often leading to the elimination of

interconnections and categorization of all elements under more specific forms of control and surveillance.

The ontological consequence of the grid is the modern concept of *place* and *being-in-one's-place*, founded on the media-theoretical distinction between data and addresses. In simpler terms, it presupposes the ability to represent absence effectively, meaning it can adeptly deal with both occupied and vacant spaces. This concept of place is intricately intertwined with the idea of order, and the modern concept of order cannot be conceived without a corresponding understanding of place. The universality of this concept of order is evident in its impact on the interplay between imaging technologies and mathematical, topographical, geographical, and governmental knowledge. This interplay, in essence, turns the grid into a cultural technique (Siegert, 2015, p. 97–98).

The grid occupies a unique position, straddling the boundaries between antiquity and modernity, signifying the transition from political to economic governance, and representing the shift from symbolically organised space to graphically coded surfaces. While we continue to grapple with the complex interplay of grids and cultural techniques, their influence on shaping our environments, perceptions and actions remains profound and far-reaching.

To further explore this concept, a historical exploration will be undertaken from Ancient Greece to the 20th century, encompassing the diverse applications of the grid.

Grids in Urban Planning and Architecture

Historically, it so happened that when creating a living space, humans sought to give it a distinct geometric shape in plan, preferably a rectangular one. This preference for rectangular spaces is primarily due to their alignment with inherent biological characteristics. The fact that the rectangle remained the foundation for planning in numerous structures of varying sizes and purposes, erected at different times, is supported by scientific research, including archaeological excavations.

In this regard, a tiny megaron from Troy and a huge palace of Crete, Babylon or Dur Sharrukin are related to each other. However, while the megaron is simple and understandable due to its elementary character, the combination of several megarons, as seen, for example, in the Knossos palace and placed without a defined system, is perceived as a chaotic labyrinth.

In the same way cities could be formed. The builders of the vast majority of ancient cities favored structured layouts over chaotic designs whenever possible. They gave priority to a rectilinear tracing of streets dividing city area into square of rectangular quarters. Before the modern period it's hard to find evidence that the “organic” non-grided, non-geometrical city form was considered a rational

choice. Designing cities, as a conscious exercise, often involved incorporating a degree of geometric order.

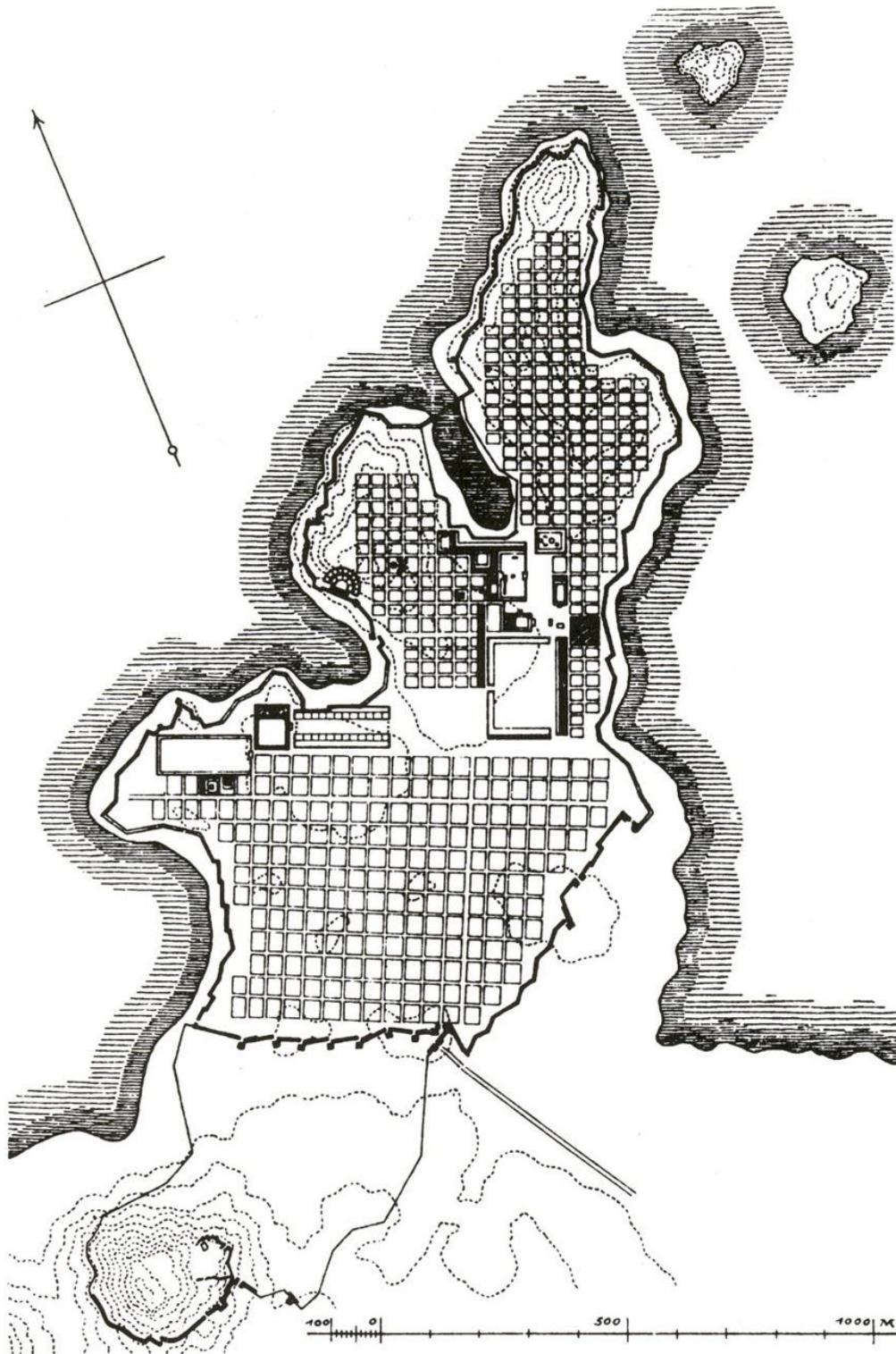
However, human settlements were, and still are located in various natural and climatic conditions and zones: along riversides, coastlines, islands, hilly or mountainous terrains, deserts, and tundra. Therefore, builders needed to account for these differences. In many cases, there was a need to abandon strictly geometric plans in favor of a more flexible arrangement of individual structures, including those with regular prismatic volumes.

The aesthetic perception of a settlement largely depends on its overall layout configuration. A distinct (regular) planning system tends to make a city or village appear “disciplined”, with a clear spatial organization. Conversely, the lack of regularity enhances the picturesque aspects of the layout, saturating the city with contrasts, revitalizing its appearance, and to a greater extent, complicating its perception and understanding as a cohesive entity.

From a historical research perspective, both of these artistic languages often coexisted without significant interference. This is exemplified by the heritage of Ancient Greece, where the practice of architectural composition governed by the strict rules of the classical order, was born, solidified, and subsequently widely adopted (Lisovsky, 2019, p. 41).

In Ancient Greece, the importance of the grid was closely connected to the rationality of democratic rule, as demonstrated through the geometric division *dihairesis* and the fair distribution of space *isonomia* within the polis. The grid pattern facilitated a feeling of structure, egalitarianism, and practicality when allocating urban space (Klose, 2015).

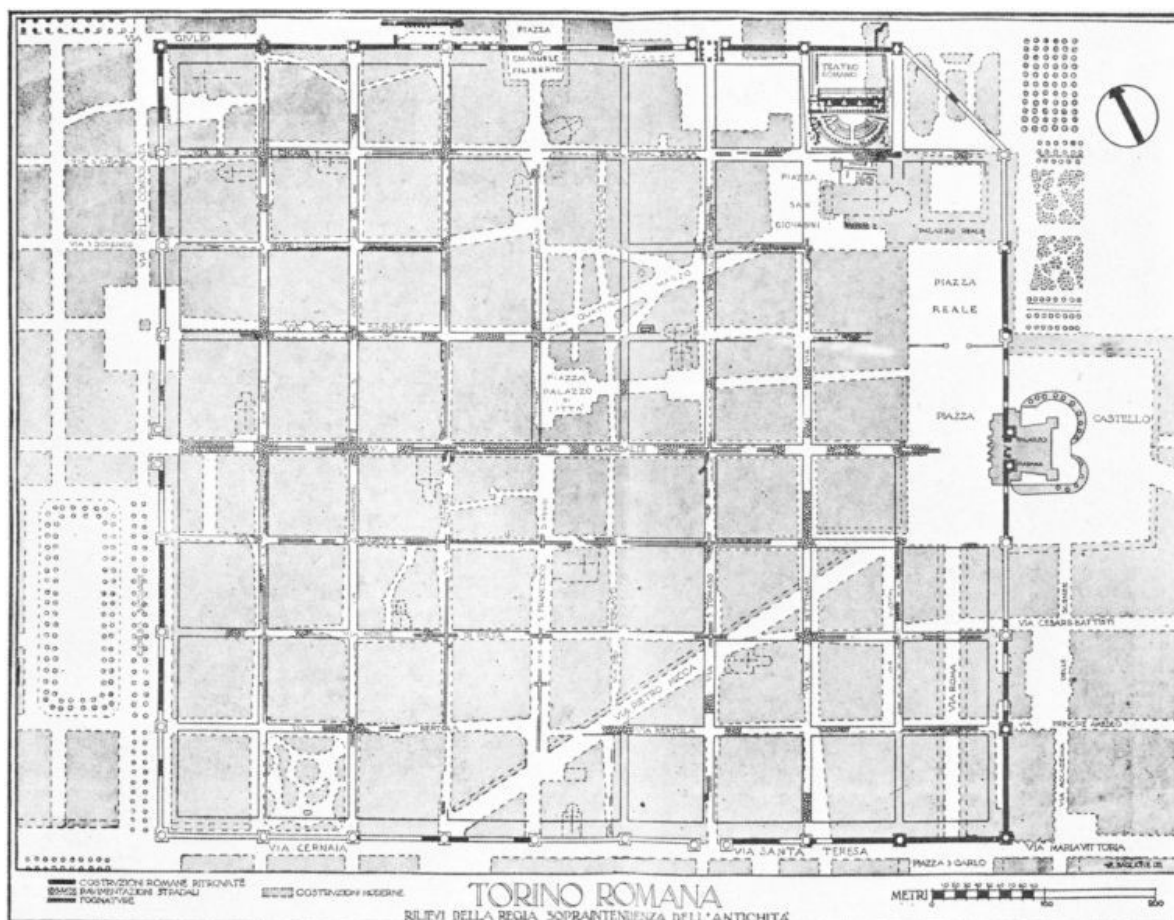
Additionally, the grid remains significant as a means of utopian and idealistic city planning. This concept has its origins in historical examples such as Milet and Thourioi, which were both planned cities attributed to Hippodamos of Miletus, a Greek urban planner from the 5th century B.C. Hippodamos' grid was made up of regular squares created by the intersection of streets at right angles, illustrating the notion that urban order is closely related to political order. However, archaeological evidence indicates that previous designs to the Hippodamian plan may have been inspired by Greek colonies established in the 7th and 8th centuries B.C. or earlier traditions stemming from Italianate cultures dating back to the pre-Indo-European migration era. Aristotle, however, viewed Hippodamus less as a pioneer of new urbanism but more as the innovator of a population segregation concept based on skilled workers, farmers, and a defense force (Aristotle, 1992, p. 134).

Figure 1. The grid plan of Miletus in the Classical period

The Roman civilization further refined the use of grid patterns in urban planning through the concept of the “castrum”. The castrum was a military camp that

served as the foundation for many Roman settlements, characterized by a strict grid layout that provided an organized framework for both defensive purposes and civilian life. This grid system often featured two main intersecting streets: the *cardo* (running from north to south) and the *decumanus* (running from east to west), subsequently separating the city into four quadrants.

Figure 2. The Augustan colony of Turin is a classic example of Roman city planning

The Roman castrum reflects the practice of centuriation, which involves dividing land into square units known as centuries. This was carried out by Roman land surveyors called *agri mensores*. As Rome expanded its dominance in Italy, there was a growing need to partition public lands and establish new colonies. The primary measuring tool used was the *groma*, employed for creating straight lines, right angles, and squares. Land surveyors would divide the land, allot land-holdings by drawing lots, guide settlers to their fields, and create maps and registers. The rule of the grid takes precedence over the demarcation of the *ager limitatus*, the limited territory. The system is first physically established on the land, and only afterward is it transposed onto a map, referred to as *forma*. This *forma* serves as a cadastral map, documenting the concrete and systematic execution of

the colonization plan. It's important to note that this isn't a mere representation but rather a form of mapping.

This mapping process remains open and incomplete in its definition; it extends far beyond being a mere figure. It embodies an all-encompassing, non-figurative *forma mentis*, a mental framework. The *forma* includes various elements: the *subsiviva* – this pertains to leftover land that remains at the periphery of the *ager*, situated between its outer boundaries and the end of orthogonal plots; the *ager extra clauses* – this category is applied when the available land surpasses the demand, resulting in excess land beyond the subdivided and assigned plots; and the *loca exceta e relictia* – these are plots that have not yet been allocated, but their boundaries are documented in the *forma*. In essence, the *forma* comprises both the grid and the irregular residues that emerge from its implementation. The orthogonal order and the external delimitation remain two distinct elements, existing separately or potentially separable due to uncontrolled or uncontrollable spaces (Stoppani, p.260).

The emergence of Spanish-American cities most likely resulted from the attempts during the medieval and early modern eras, to adapt the layout of Roman military camps. This adaptation is illustrated in a medieval Spanish urban planning manuscript, specifically in the “Regiment de Princeps” by the Catalan Franciscan Francesc Eiximenis (circa 1340–1409), which outlines the characteristics of an ideal grid-shaped city.

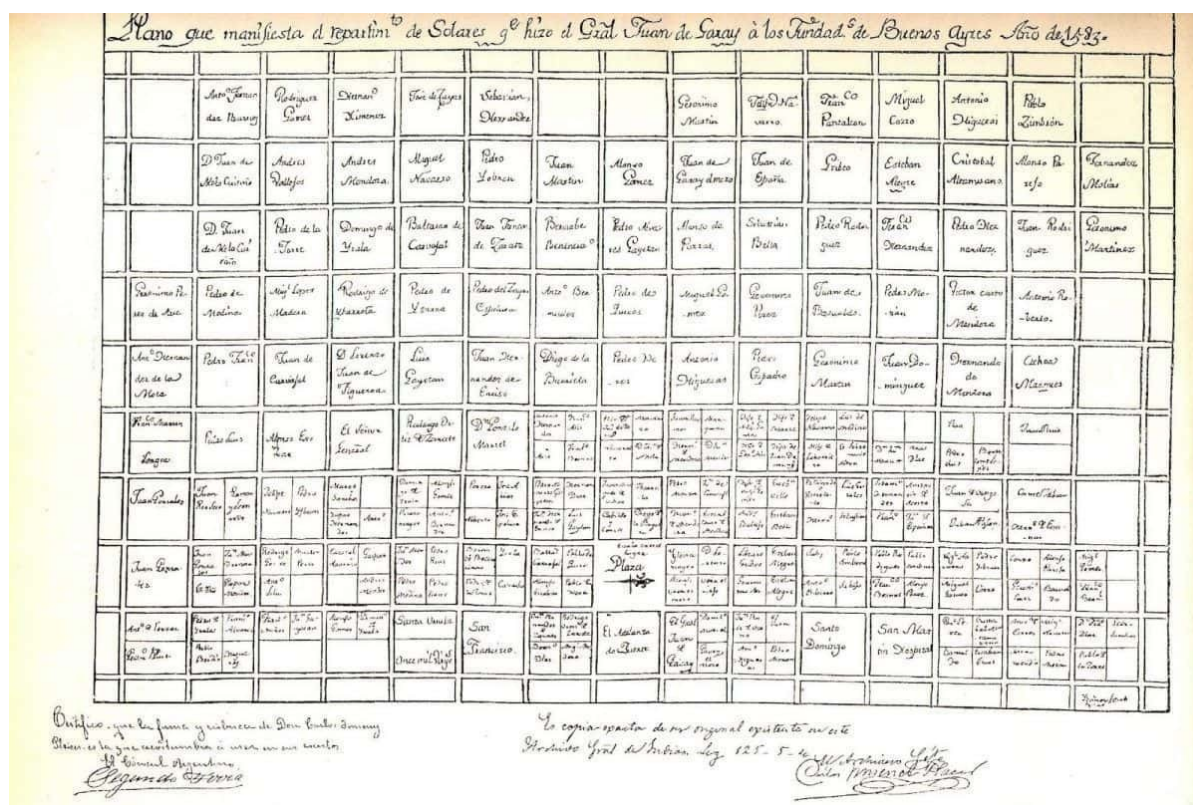
However, there's a noticeable distinction between the Roman *castrum*'s square shape with gates at the ends of the *decumanus maximus* and *kardo maximus* and the infinite expansion sought in planned colonial heterotopias. The gridiron pattern in cities like Lima, Santiago de León de Caracas, or San Juan de la Frontera, is reminiscent of Greek cities designed by Hippodamus of Miletus.

The grid, with its ability to seamlessly merge an imaging process with a topographical planning procedure, is prominently exemplified in the colonial settlement of Latin America. The integration of the representational concept with the urban grid during the era of colonialism reveals and activates the utopian social possibilities inherent in the grid-shaped heterotopias of Latin America. This process, which involves placing people and objects in specific locations, aligns with Heidegger's concept of “*repraesentare*”. Three key dimensions of this superimposition include the ability to document the absent, the distinction between data and addresses, and the potential for limitless expansion in both time and space. These elements emphasize the grid's capacity as a tool for representing, structuring, and governing space, information, and ideas within the framework of colonialism and beyond (Siegert, 2015, p. 98).

The newly founded Latin American cities were not constructed based on the actual number of settlers or property distribution, but rather rooted in a settlement fantasy, allowing for the inscription of vacant spaces. This concept

A prime example of this is the 1583 city plan of Buenos Aires, which takes the form of a register but also functions as a city plan and cadaster. In these newly founded Latin American cities, individuals are both residents in a physical space and entries in a technological memory. The grid, with its implied boundlessness, exemplifies this duality.

In contrast to the 16th-century South American grid, the late-18th-century North American grid had a different purpose. It wasn't primarily a governmental technique but rather a scheme for capitalizing on federal land. The grid-shaped survey of the lands ceded by the states allowed the United States to acquire territory as a public domain, which could then be auctioned off in standardized plots at set prices. This rectangular survey, initially covering territories between the Appalachians and the Mississippi, later became the model for the entire continent's appropriation and colonization.

196

influenced by the idea that cities were hubs of vice and rural areas were virtuous, aimed at transforming America into a nationwide suburb (Carstensen, 1988, 39).

While Roman centuriation and Spanish colonialism grids expanded from their centers, often in a haphazard manner, the North American grid of parallels and meridians covered the entire territory. It was inspired by the Ptolemaic grid of latitudes and longitudes. The township became the base unit for various governmental purposes such as taxation, census, electoral districts, and road construction (Siegert, 2015, p. 104). This approach also meant that U.S. cartography relied not only on maps but also on contiguous survey plans. The rectangular system left no land unclaimed, ensuring that every piece of land was assigned its place within the grid.

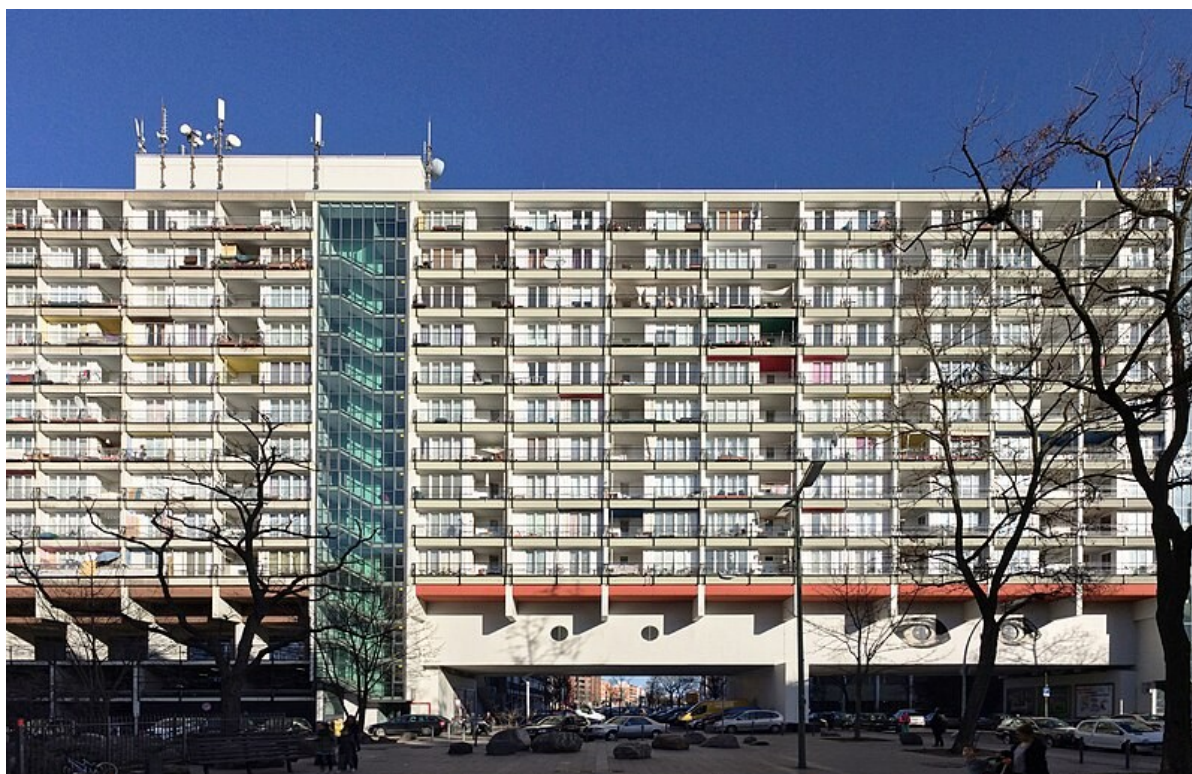
In the early 20th century, advances in materials and technologies empowered the grid to transcend its role as a mere delineator of architectural space; it essentially became the architecture itself. This transition in modernist architecture reinterprets and evolves the earlier grid of colonial topography inherited from antiquity. Characterized by regularly intersecting streets forming squares, the grid's structure embodies a commitment to order and balance, ensuring equitable resource distribution while maintaining stability through well-defined boundaries. When this geometric arrangement unfolds into the third dimension, it results in a repetitive array of rectangular forms, exemplifying modernist architecture's fixation on box-like structures. This fascination with boxes can be methodically organized into a hierarchical system of nested grids, creating a complex pattern of boxed configurations (Le Corbusier, 1991).

Within the realms of architecture and urban planning, grids function as versatile solutions for both temporary construction and manifestations of contemporary architectural principles. These principles encompass industrial prefabrication, modularity, mobility, and flexibility. Influential proponents of this perspective, including Le Corbusier and Gropius, endorsed the "cell" as the fundamental unit of habitation.

A prominent figure in Bauhaus architecture and a student of Gropius, Ernst Neufert, envisioned architecture as an additional dimension of grids and advocated for complete standardization and universalization of grid systems across various scales (Siegert, 2015). His ideas were succinctly presented in the influential "*Bauordnungslehre*" ("Architects' Data"), which gained importance with a preface written by Albert Speer, a key figure in the Nazi regime. Neufert conceived an expansive grid that could interconnect all buildings within a construction site, potentially extending infinitely to encompass the entire globe, similar to a worldwide navigation system (Neufert, 1961, p. 95). This concept, resembling today's GPS technology, would enable precise geospatial information for buildings worldwide. Moreover, being applied to the proportions of individual buildings and rooms, the grid would determine the size and placement of each element within the edifice, akin to the functionalities of contemporary CAD (Computer Aided Design) programs.

Aligned with modernism's principles, the grid emphasizes efficiency, rationality, and harmony with technological advancements. The clear and logical structure of this grid embodies the principles of modernist design, marked by functionality, visual harmony, standardization, and geometrical order.

During the modernist era of architecture, the grid became one of the most successful facade designs. The non-load-bearing facade provided opportunities for diverse design possibilities. The Bauhaus utopia further influenced the adoption of this design approach. The grid facade's popularity was due to practical and financial considerations, as concrete plates for the facade could be mass-produced in factories. This led to the German term "*Plattenbauten*", used to describe buildings made from prefabricated slabs. The aesthetic appeal of the grid facade was derived from its ability to visually depict the internal structure of the modern building. The horizontal and vertical arrangement of the grid mirrored the standardized cell accumulation within the building's interior. The grid facade, therefore, served as a manifestation of the modernist principles of rationality, order, and standardization.

Figure 4. Pallasseum/ Wohnen am Kleistpark /Sozialpalast/ Sozialpallast, 1973–1977, Jürgen Sawade

One of the most significant spatial endeavors of the 20th century was the aspiration to create dignified living conditions for every member of society. This vision led to the development of prefabricated concrete elements that could be assembled

into highly rational compounds, forming a mechanized living environment. The aim was to liberate humanity from its darker inclinations, which had led to conflicts and oppression.

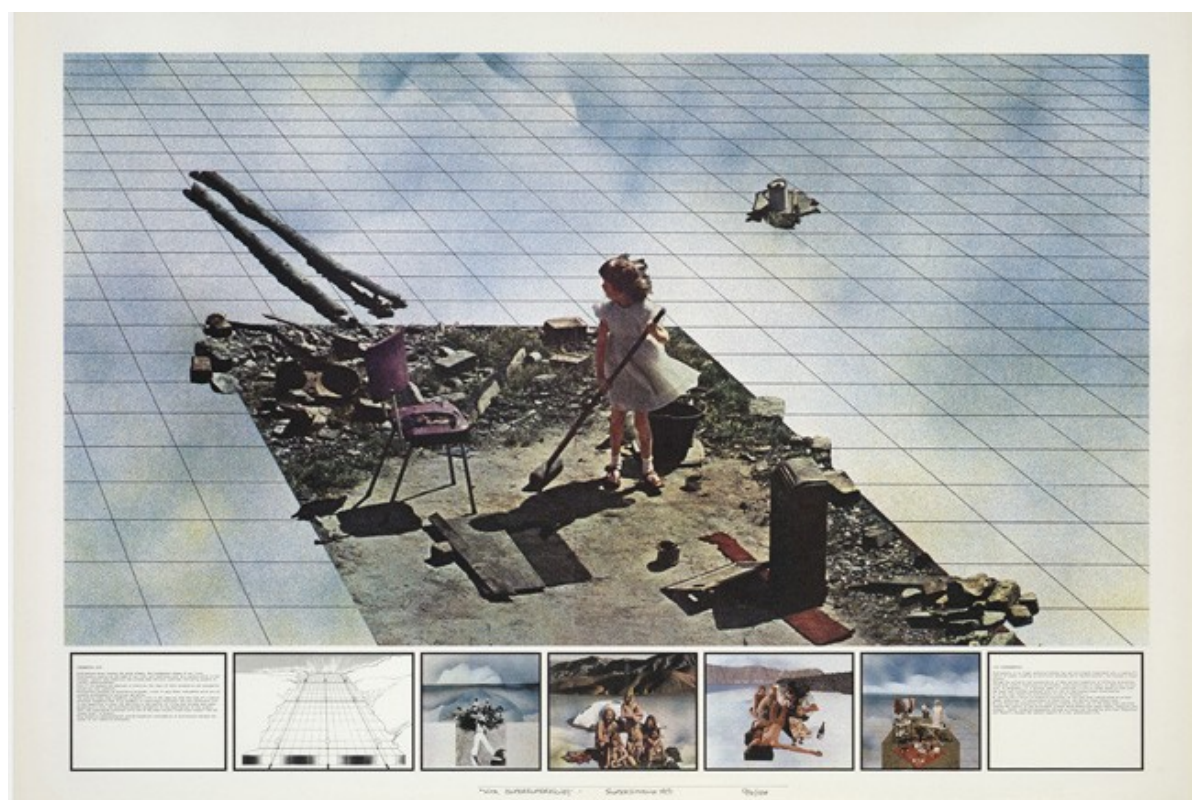
While notable examples such as Tiergarten in Berlin or Weissenhofsiedlung in Stuttgart stand as testaments to this vision, they are often overshadowed by countless imitations of the same principles applied elsewhere. Regrettably, the caricatured notion of dignity in today's context is often associated with poverty, deterioration, and social isolation. In the contemporary urban landscape, a substantial portion of the population resides in prefabricated housing blocks. The efficient grid patterns of modernism have given rise to these prefabricated housing districts worldwide. However, these prefabricated housing districts are not typically regarded as aesthetically pleasing environments. Instead, nowadays they merely tend to encapsulate zones of alienation, exclusion, and deterioration.

The concept of a smart city has become an extension of the modernist project. Its promotion is deeply rooted in rationality, supported by conceptual explanations, texts, diagrams, and visual representations. The idea of a smart city has been heavily influenced by imagery, including the utopias of the 1960s, such as *Superstudio*, which have left a noticeable mark on the work of emerging architects worldwide. *Superstudio* became widely known thanks to the project "Continuous Monument: An Architectural Model for Total Urbanization". The idea behind the project was to demonstrate how grid-like megastructures extend across global capitals and untouched natural landscapes, encompassing the Earth and even outer space. Among the most famous images is an unprecedented view of Manhattan covered by a horizontal monolith.

Figure 5. Continuous Monument II, designed by Superstudio, New York, 1969, lithograph.@Fondazione MAXXI

One of *Superstudio's* non-architectural utopias from the 1970s reintroduces the “perfect” grid, a geometric construct that carries a sense of social liberation. In their work “Supersurface”, the concept of the superurban supernomad explores an infrastructure that is territorially invisible, rejecting notions of domesticity, rootedness, and individual control. The grid, like a thin layer of glass covering the earth, doesn’t offer conventional architectural solutions; instead, it hovers above them. Its significance primarily lies in the realm of ideology rather than in practical architectural application.

Figure 6. Superstudio, Fundamental Acts: Life, Supersurface, 1972

However, it’s important to acknowledge that the works from that era, especially those of *Superstudio*, were marked by profound pessimism. Creations like the “Continuous Monument” and the “Supersurface” exude a sense of gloom, but this aspect is often overlooked by younger generations who are captivated by the visually striking aspects of these works and may not fully grasp the depressive context in which they were conceived.

It’s worth noting that the subsequent careers of nearly all members of *Superstudio* serve as a telling example. They didn’t wholeheartedly embrace new technologies, or celebrated every societal transformation, and some even adopted radical conservative views (Frolov, 2019, p. 26).

This demonstrates that the grid is fundamentally an ideological construct, rather than a purely architectural one. It exists independently of traditional spatial considerations in architectural design. While it boasts qualities of geometry, regularity, modularity, visibility, and organization, it remains detached from the intricate complexities of physical space.

To comprehend the far-reaching influence of the grid on architecture and territorial organization, one must shift the focus from these specific domains and explore the broader context. This investigation must encompass a diverse array of aspects, counting alienation and appropriation, inclusion and exclusion, politics of affects, forms of governance, and their intersections.

Infrastructural Politics of Grids

Throughout history, cartographers have employed the grid as a spatial ordering tool. Eventually, the first one to do so was Eratosthenes (III B.C.). Ptolemy, in the 2nd century, was a pioneer in projecting spherical surfaces onto plane surfaces, introducing a lattice of latitudes and longitudes. His work “Geography” was expanded by Byzantine scholars and later translated into Latin in 1406. Ptolemy’s geographical treatise featured coordinates for approximately three hundred cities based on time measurements. Longitudes were determined relative to the Alexandrian meridian, with each hour equating to fifteen degrees of longitude, while latitudes were based on the length of the longest day, varying with distance from the equator (Siegert, 2015, p. 101).

Figure 7. A Byzantine Greek world map according to Ptolemy' first (conic) projection
(From Codex Vaticanus Urbinas Graecus 82, Constantinople c. 1300. Parchment 575×418 mm)

Edward Wright's map (1599) emphasized the precise Euclidean relationships among points, lines, and surfaces. It employed the enhanced Mercator projection, representing longitudes as parallels. This map replaced the medieval rhumb system with latitudes and longitudes, effectively converting the grid into a diagram – a geometrical space where objects are organized in columns and rows without considering their interactions. This innovative concept turned a three-dimensional world into a two-dimensional, flat surface (Siegert, 2015, p. 98). This adaptation allowed for the representation of both spatial and temporal sequences, unveiling time as a spatial function.

Figure 8. Edward Wright's "Chart of the World on Mercator's Projection" (c. 1599), otherwise known as the Wright-Molyneux map

The central perspective concept, first formalized by Filippo Brunelleschi, enhanced further the representation of space and depth. By tying an object's identity to its specific location within the perspective framework, the grid became a powerful tool that implied specific mechanisms of including our perception of the visual world into the order and shapes. This representation, organizing, and controlling of space and information culminated in the grid's incorporation into governance practices. Grid's distinguishing characteristic lies in its capacity

to blend operations intended for the representation of individuals and objects with those associated with governance.

During the period from the 16th to 18th century, grid-shaped control became a prevalent practice, serving as the fundamental principle of modern “disciplinary societies”. The following passage from Foucault’s “The Order of Things” alludes to the significant implications of the use of the grid as a specific technique to combine the representation of both individuals and objects with governing practices:

Order is, at one and the same time, that which is given in things as their inner law, the hidden network that determines the way they confront one another, and also that which has no existence except in the grid created by a view, an attention, a language; and it is only in the blank spaces of this grid that order manifests itself in depth as though already there, waiting in silence for the moment of its expression (Foucault, 2002, p. 21).

In Michel Foucault’s works, we can delve into the formation of modern subjectivity, which assumes the physical manifestation of a gridded structure. Foucault describes the demand for autonomy as an effect of the internalization of mechanisms of power and surveillance. This critical genealogy points to the dark foundation of the shining ideals of the liberal Enlightenment.

The term “biopolitics”, as articulated by Foucault, encompasses the control and exclusion of specific forms of life: “[b]iopolitics, generally speaking, describe the calculus of costs and benefits through which the biological capacities of a population are optimally managed for state or statelike ends” (Foucault 1978, p. 38). This concept plays a significant role in discussions related to immunological biopolitics. The key insight here is that as urban populations become more densely concentrated, the management of life takes on greater importance and becomes increasingly intertwined with political considerations of disciplinary society.

Foucault conducted a thorough analysis of the conceptual framework for enclosed environments, highlighting factories as a notable case in point. These spaces were designed to centralize individuals, spatially distribute them, impose a temporal order, and synergize their productive capacities to yield results surpassing the sum of individual efforts. However, Foucault astutely acknowledged the impermanent nature of this model. It marked a departure from the preceding sovereign societal structure which pursued distinct objectives, such as taxation, rather than production organization and governance over matters of life and death rather than life administration.

Foucault’s exploration of the historical shifts in systems of knowledge and categorization, as presented in “The Order of Things” laid the groundwork for Gilles Deleuze’s analysis of changing societal structures. Deleuze’s concept of control societies can be seen as a response to Foucault’s ideas regarding the dynamics of power, knowledge, and subjectivity. In 1990, Deleuze introduced “Postscript on the Societies of Control”, a groundbreaking philosophical work that delved into

culture, economics, and evolving technology. This essay, concise and speculative, is divided into three sections. The first outlines the emergence and historical context of the control society by contrasting it with the preceding disciplinary society. The second section delineates the logic of the control society in terms of premises, behaviors, and concepts. The final section initiates a program for living in a society of control.

Another notable aspect of the concept of the grid, as emphasized in Deleuze's essay, is his comparison of textiles with a gridded pattern structure to a network of adaptable threads, constituting the fundamental logic of the control society. He characterizes it as "a sieve whose mesh will transmute from point to point", offering flexible control over "dividuals" (human subjects) within a landscape defined by fob keys, Internet protocols, and passwords (Deleuze, 1992, p. 3). In contrast, Michel Foucault's notion of the disciplinary society aligns with a production model where machines and humans collaborate in a coordinated fashion, adhering to explicit patterns. This society functions through tectonic joints or a mode of binding discrete thread-like elements, often represented through the grid pattern, which conveys a sense of order, repetition, and division (Smith, 2014).

The control society, on the other hand, operates differently, functioning like a sieve. In late-capitalist societies, with their flexible work models, the textile metaphor is reimagined as an operative potential – something adaptable and flexible. The figure of the sieve's mesh becomes a representation of the Net with its complex connections and protocols. The "mesh" here denotes a way of distilling data into increasingly malleable threads and binding or knotting off sections. In this societal model, textiles transition from material goods produced on machines and bought and sold to an underlying logic of "the fold" signifies infinite work or a process that never truly concludes but continuously modulates, spanning from corporate boardrooms to social media platforms (Deleuze, 2006, p.39). It becomes an abstraction of an abstraction.

The grid, which has been a potent instrument for governance and coordination, possesses a dual nature, having also been employed for oppressive purposes. In today's interconnected society, these organizational structures extend their influence into both physical and abstract realms, encompassing railway networks, electrical grids, and telecommunications systems. The term 'infrastructure studies' has gained prominence in recent years, underscoring the pivotal role of supply structures and networks within the context of critiquing the modern security paradigm.

This heightened emphasis on security is especially pertinent when viewed through the lens of a state-centric approach. It carries the potential risk of transforming the infrastructure of the welfare state into a mechanism of immunopolitics (Esposito, 2021). This "immunological concept of security" is designed to safeguard against perceived external threats. However, this approach can inadvertently lead

to the creation of “figures of the Other” often accompanied by processes of racialization, gendering, and social exclusion.

Infrastructure is a bustling nexus where numerous processes unfold. It's a space where economic trade flourishes, interconnectivity between people and places thrives, physical capabilities are harnessed, social reproduction occurs, and where a wide spectrum of emotions is stirred. Infrastructure can engender sensations of freedom and mobility, but it can also lead to experiences of impasse and stagnation. It contributes to carbon emissions, perpetuates unequal access to resources, transcends the local to engage with the global, and reflects the concept of planetarity.

Infrastructure is intentionally designed to blend into the backdrop of everyday life, drawing its essence from the spaces in between that shape the everydayness of our existence. However, this subtle presence doesn't imply that it's distant or insignificant. Quite the contrary, infrastructure is omnipresent, and this ubiquity holds significant importance for the types of ideas, issues, and critiques that cultural analysis can introduce to the examination of infrastructure (Diamanti, 2019, pp. 222-223).

The increased focus on infrastructure in the fields of social sciences and humanities has been a gradual development, with its roots traceable to the earlier emergence of the sociology of technology. Pioneering work by scholars such as Susan Leigh Star and Geoffrey C. Bowker during the 1990s and 2000s laid the foundation for this exploration. More recently, the concept of the “energy humanities” as coined by Imre Szeman and Dominic Boyer in “Energy Humanities: An Anthology” has further elevated the prominence of infrastructure in academic discourse.

Anthropology has long held an interest in studying both the material and discursive aspects of infrastructure due to their capacity to shape cultural practices. In the field of science and technology studies, the influential work of Bruno Latour has provided a comprehensive framework for examining networks of actors, encompassing not just human agents but also the materiality of infrastructure.

Within the humanities, there is a convergence of interests between historical materialism and new materialism when it comes to the forces and relationships inherent in infrastructure. For instance, scholars like Jane Bennett in her work “Vibrant Matter”, highlight how the grid exemplifies the vitality of nonhuman actors, including entities like electrons, trees, wind, fire, and electromagnetic fields (Bennet, 2001).

Information technologies are increasingly penetrating the objects and buildings that surround us, forming what is commonly referred to as a smart environment. The smart city concept encompasses various elements, including network structures, information technologies, ecology, green construction, energy efficiency (with technologies like Smart Grid for intelligent energy supply networks), alternative energy sources, and smart mobility. Its primary goals can be summarized

as the “three Cs”: comfort, control, and commercialization. These programs aim to improve the quality of life for urban residents while simultaneously exerting control over aspects like mobility, production, consumption, and redistribution. Furthermore, they seek to derive economic benefits from these efforts. It’s important to note that these objectives can either align or conflict with each other (Lobanov, 2019, p. 33).

There is no doubt that the primary driving force behind the concept of the smart city is rationalization and humanity’s desire to organize the inhabited world as efficiently as possible. Achieving this goal often requires the influence of military and disciplinary state systems. The history of architecture offers compelling evidence of this phenomenon. Equally significant is the endeavor to master the domain of the irrational, the natural, and the non-human, which has manifested in various historical periods. The distinctive features of today’s technologically advanced urban environment began to emerge as early as the 19th century, with the influential urban planner Baron Haussmann, who rationalized Paris through a concept that philosopher Paul Virilio later termed “dromocracy” – the rule of speed realized through an infrastructure of roads. It is noteworthy that Haussmann applied this concept to a picturesque and organic old city (Virilio, 1986). Today, we find ourselves revisiting this experience and adapting it to the future in modern megacities.

When it comes to infrastructure grids, a critical perspective is essential. Criticizing infrastructure should extend beyond condemnation and involve integrating critique into the infrastructure itself. This approach goes beyond repetitive accusations, like highlighting the biases in civil engineering, which often only reinforce pre-existing beliefs. Instead, a more innovative and historically grounded materialism is required, one that deeply engages with the intricate dynamics that make infrastructure both bewildering and remarkable. Such a perspective allows us to explore the multifaceted nature of infrastructure and understand its complex workings.

Conclusion

As a fundamental means of spatial organisation, the grid has played a central and ubiquitous role shaping human environments and expressions across different cultures and historical eras. Its systematic configuration of intersecting lines serves as a foundational framework for establishing order, structure and coherence in both tangible constructs and abstract concepts.

The grid has proven to be a useful tool for governance and organization, yet it has also been utilized for oppressive purposes. The concept of grid is closely intertwined with environments and infrastructures, formalized by means of cables, ports, pipelines, roads, and refineries. In today’s networked society, these forms of organizational structures seem to be everywhere, both in material and immaterial

forms. In response to this, an increasing number of people in the Western world are seeking ways to live outside the hegemonic grid, to regain control over their lives¹.

On the contrary, achieving an off-grid lifestyle may appear unattainable for only an exclusive group. In various regions of the world, obtaining grid access remains a challenge for individuals, who require it for fundamental necessities such as educating their children, commuting to school or work, heating their homes, or staying connected with family members residing far away. In certain locations, such as favelas, inhabitants opt to link their personal cables to electricity pylons, thereby directly connecting to the grid they have been barred from and simultaneously subverting and manipulating the system.

Taking these modes of interaction seriously requires us to closely examine them from a dual perspective infrastructural politics, to identify pivotal areas that enable us and our allies to strategically intervene, both theoretically and materially.

This article attempts to delve into these and other questions by examining how the grid functions as an operator of epistemic sanitation; so it was grappled with the media anthropological approach in researching the grid as a cultural technique: an imaging grid, a grid of order and a filtering grid. To explore the potential and enduring nature of the “grid effect” in various cases are examined. These cases range from the empirically structured tool of territorial domination seen in Ancient Greece and Roman civilization to the efficient grid patterns of prefabricated housing districts worldwide. The use of grid structures in urban design not only emphasizes the efficient arrangement of space, but also mirrors the socio-cultural values and administrative principles of these societies. Utilizing the grid in both urban and territorial contexts liberates it from its conventional constraints. This means that it reveals and enacts the grid’s operations, extending beyond its mere visual form.

Instead of viewing it solely as a form or a tool for representation, this article proposes that the grid operates as a spatial organizer. This perspective emphasizes its operational state rather than merely its figurative representation as a grid pattern.

In essence, the urban grid, which encompasses various scales from architecture to territorial planning, unveils the space that exists between the representation of the grid and its practical implementation. It distinguishes the figure of the grid-iron as a given form from the effects produced by the grid as an ongoing process. This perspective challenges and questions the fixed form of the grid.

---

1 The term “off-the-grid” characterizes buildings and a lifestyle that have been intentionally designed in a self-reliant manner, without dependence on one or more public utilities. Typically, this concept is primarily associated with the disconnection from the electrical grid, but it can also encompass independence from other utilities such as water, gas, and sewer systems. This approach can be applied to a range of settings, from individual residential homes to small communities. Living off the grid affords the capacity for buildings and their occupants to achieve self-sufficiency, which proves advantageous in remote areas where conventional utilities are inaccessible. Additionally, it appeals to individuals who seek to minimize their environmental footprint and reduce the cost of living (Vannini & Taggart, 2014).

Acknowledgments

The publication was prepared as part of the project “Visual Ecology in Theory and Practice of Contemporary Media Culture,” supported by a competition for the implementation of promising fundamental research by candidates of sciences at Herzen University.

References

- Aristotle. (1992). *Politics* (J. A. Sinclair, Trans.). Penguin.
- Bennett, J. (2001). *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Duke University Press.
- Carstensen, V. (1988). Patterns on the American Land. *Publius: The Journal of Federalism*, 18(4), 31–39.
<https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a037752>
- Corbusier, L. (1991). *Precisions on the present state of architecture and city planning*. MIT Press.
- Deleuze, G. (1992). Postscript on the Societies of Control. *October*, 59, 3–7.
- Deleuze, G. (2006). *The Fold: Leibniz and the Baroque* (T. Conley, Trans.). London.
- Diamanti, J. (2019). Afterword. *Soapbox: Journal for Cultural Analysis*, 1(2), 222–223.
- Esposito, R. (2021). *Immunitas. Schutz und Negation des Lebens [Immunity. Protection and negation of life]*. Diaphanes Verlag. (In German).
- Folkers, A. (2018). *Das Sicherheitsdispositiv der Resilienz. Katastrophische Risiken und die Biopolitik vitaler Systeme [The security apparatus of resilience. Catastrophic risks and the biopolitics of vital systems]*. Campus. (In German).
- Folkers, A., & Lemke, T. (Eds.). (2014). *Biopower. A Reader*. Suhrkamp.
- Foucault, M. (1978). *The History of Sexuality, Vol 1: An Introduction* (R. Hurley, Trans.). Pantheon.
- Foucault, M. (2002). *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences* (2nd ed.). Routledge Classics.
- Frolov, V. (2019). The Smartization of the City. Interview with Hans Ibeling. *Project Baltia*, 34, 26–31. (In Russian).
- Klose, A. (2005). From Grid to Box – the Containerization of Modern Architecture. Workshop „City – Media – Space“. http://www.containerwelt.info/pdf/Prague_Lecture.pdf
- Lisovsky, V. (2019). Urban Space: Picturesque Freedom or Distinc Organization? *Project Baltia*, 34, 40–45. (In Russian).
- Lobanov, E. (2019). Smart City: Between Utopia and Dystopia. *Project Baltia*, 34, 32–39. (In Russian).
- Loick, D., & Thompson, V. E. (2022). *Abolitionismus: Ein Reader [Abolitionism: A Reader]*. Suhrkamp Verlag. (In German).
- Neufert, E. (1961). *Bauordnungslehre: Handbuch für rationelles Bauen nach geregelter Mass [Building regulations: Handbook for rational building according to regulated standards]*. Frankfurt/M. and Berlin. (In German).
- Pannekoek, L., & Dankert, Z. (2019). Editorial. *Soapbox: Journal for Cultural Analysis*, 1(2), 7–9.

- Siebert, B. (2015). *Cultural techniques: Grids, filters, doors, and other articulations of the real*. Fordham University Press. <https://doi.org/10.5422/fordham/9780823263752.001.0001>
- Smith, T. (2014). Binding Economies: Tectonics and Sieve. *Versäumnisse. Texte Zur Kunst*, 24(94), 167-170.
- Stoppani, T. (2009). Grid Effects. *ARQ Architecture Research Quarterly*, 12(3-4), 255-262. <https://doi.org/10.1017/S1359135508001188>
- Szeman, I., & Boyer, D. (2017). *Energy Humanities: An Anthology*. Johns Hopkins University Press. <https://doi.org/10.56021/9781421421889>
- Vannini, Ph., & Taggart, J. (2014). *Off the Grid: Re-Assembling Domestic Life*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/978020374406>
- Virilio, P. (1986). *Speed and Politics: An Essay on Dromology*. Semiotexte.

Список литературы

- Aristotle. (1992). *Politics* (J. A. Sinclair, Trans.). Penguin.
- Bennett, J. (2001). *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Duke University Press.
- Carstensen, V. (1988). Patterns on the American Land. *Publius: The Journal of Federalism*, 18(4), 31-39. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a037752>
- Corbusier, L. (1991). *Precisions on the present state of architecture and city planning*. MIT Press.
- Deleuze, G. (1992). Postscript on the Societies of Control. *October*, 59, 3-7.
- Deleuze, G. (2006). *The Fold: Leibniz and the Baroque* (T. Conley, Trans.). London.
- Diamanti, J. (2019). Afterword. *Soapbox: Journal for Cultural Analysis*, 1(2), 222-223.
- Esposito, R. (2021). *Immunitas. Schutz und Negation des Lebens [Immunity. Protection and negation of life]*. Diaphanes Verlag. (In German).
- Folkers, A. (2018). *Das Sicherheitsdispositiv der Resilienz. Katastrophische Risiken und die Biopolitik vitaler Systeme [The security apparatus of resilience. Catastrophic risks and the biopolitics of vital systems]*. Campus. (In German).
- Folkers, A., & Lemke, T. (Eds.). (2014). *Biopower. A Reader*. Suhrkamp.
- Foucault, M. (1978). *The History of Sexuality, Vol 1: An Introduction* (R. Hurley, Trans.). Pantheon.
- Foucault, M. (2002). *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences* (2nd ed.). Routledge Classics.
- Klose, A. (2005). From Grid to Box – the Containerization of Modern Architecture. Workshop „City – Media – Space“. http://www.containerwelt.info/pdf/Prague_Lecture.pdf
- Loick, D., & Thompson, V. E. (2022). *Abolitionismus: Ein Reader [Abolitionism: A Reader]*. Suhrkamp Verlag. (In German).
- Neufert, E. (1961). *Bauordnungslehre: Handbuch für rationelles Bauen nach geregelter Mass [Building regulations: Handbook for rational building according to regulated standards]*. Frankfurt/M. and Berlin. (In German).
- Pannekoek, L., & Dankert, Z. (2019). Editorial. *Soapbox: Journal for Cultural Analysis*, 1(2), 7-9.

- Siebert, B. (2015). *Cultural techniques: Grids, filters, doors, and other articulations of the real*. Fordham University Press. <https://doi.org/10.5422/fordham/9780823263752.001.0001>
- Smith, T. (2014). Binding Economies: Tectonics and Sieve. *Versäumnisse. Texte Zur Kunst*, 24(94), 167–170.
- Stoppani, T. (2009). Grid Effects. *ARQ Architecture Research Quarterly*, 12(3–4), 255–262. <https://doi.org/10.1017/S1359135508001188>
- Szeman, I., & Boyer, D. (2017). *Energy Humanities: An Anthology*. Johns Hopkins University Press. <https://doi.org/10.56021/9781421421889>
- Vannini, Ph., & Taggart, J. (2014). *Off the Grid: Re-Assembling Domestic Life*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/978020374406>
- Virilio, P. (1986). *Speed and Politics: An Essay on Dromology*. Semiotexte.
- Лисовский, В. (2019). Городское пространство: Живописная свобода или четкая организация? *Проект Балтия*, 34, 40–45.
- Лобанов, Е. (2019). Умный город: Между утопией и дистопией. *Проект Балтия*, 34, 32–39.
- Фролов, В. (2019). Смартизация города. Интервью с Хансом Ибелингом. *Проект Балтия*, 34, 26–31.

The Mythological Frontier as a Key to Understanding the Other: A Review of the “Myths from A to Z” Book Series

Sofya A. Rezvushkina¹ & Kirill E. Rezvushkin²

South Ural State University. Chelyabinsk, Russia

Received: 7 September 2023 | Revised: 15 December 2023 | Accepted: 27 December 2023

Abstract

The authors employ the concept of the “mythological frontier” for analyzing the mythology of small communities, acknowledging that geographic and linguistic borders often do not coincide with mythological boundaries. Using philosophical anthropology, the mythological frontier helps to define the limits of the Other, enabling engagement with myth and the mythological from the periphery of contemporary consciousness.

This paper aims to critically assess the “Myths from A to Z” series published by Mann, Ivanov, Ferber. This series covers a wide range of mythologies, including Scandinavian, Egyptian, Celtic, Indian, Greco-Roman, Sumerian, Japanese, Korean, Romanian, Slavic, Volga, and Karelian-Finnish. Myths are crucial for understanding the environment and drawing upon our cultural legacy, playing a significant role in helping individuals find meaning in the world and establish shared cultural and personal identities.

The authors adopt various approaches to analyze the mythology of specific communities, focusing on the relationships between myth and culture, myth and fairy tale, or myth and epic. They also attempt to reconstruct comprehensive mythological systems or the historical pasts of the communities under study. A common theme across most books in the series is the self-construction and understanding of the Other (a different culture) through the “mythological frontier”, although this is not always explicitly stated.

Keywords

Mythological Frontier; Myth; Mythological; National Myth; Culture; Other; Mass Culture; Demythologisation; Tradition; Cultural Stereotype

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: [finntundra\[at\]gmail.com](mailto:finntundra[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6208-2950>

² Email: [kirus2002\[at\]mail.ru](mailto:kirus2002[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3610-6871>

Мифологический фронтир как ключ к пониманию Другого: обзор серии книг «Мифы от и до»

Резвушкина Софья Александровна¹, Резвушкин Кирилл Евгеньевич²

Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия

Рукопись получена: 7 сентября 2023 | Пересмотрена: 15 декабря 2023 | Принята: 27 декабря 2023

Аннотация

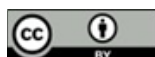
Авторы опираются на концепцию «мифологического фронтира», применяемую при изучении мифологии малых сообществ, поскольку географические и языковые границы могут не совпадать с границами мифологического. С позиций философской антропологии, мифологический фронтир позволяет очертить границы Другого и вывести миф и мифологическое с периферии современного сознания.

Целью статьи является обзор серии «Мифы от и до» издательства «Манн, Иванов, Фербер»: скандинавских, египетских, кельтских, индийских, греко-римских, шумерских, японских, корейских, румынских, славянских, волжских, карело-финских. Мифы создают основу для понимания окружающего мира и позволяют приобщиться к культурному наследию. Мифы важны, потому что позволяют людям находить смысл в мире и создавать общее чувство культуры и идентичности.

Авторы книг различным образом подходят к анализу мифологии тех или иных сообществ, делая акцент на соотношении мифа и культуры, мифа и сказки, мифа и эпоса, попытках реконструкции целостной мифологической системы или исторического прошлого анализируемого сообщества. Сквозной темой большинства книг является самоконструирование и понимание Другого (иной культуры) через «мифологический фронтир», не всегда выраженное эксплицитно.

Ключевые слова

мифологический фронтир; миф; мифологическое; национальный миф; культура; Другой; массовая культура; демифологизация; традиция; культурный стереотип

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [finntundra\[at\]gmail.com](mailto:finntundra[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6208-2950>

2 Email: [kirus2002\[at\]mail.ru](mailto:kirus2002[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3610-6871>

Введение

Для современного общества характерна ситуация, в которой миф и мифологическое вытеснены на периферию сознания. Таким образом формируется условное пространство метафизического «мифологического фронта», который абсорбирует и защищает наиболее референтные для национального самосознания культурные коды и прескрипции. Метафора «мифологического фронта» в данном исследовании выбрана не случайно. Конвенциональное понимание фронта как некой не вполне чёткой, проницаемой, но всё же границы для различающихся сообществ, которая маркирует место встречи культур, органично соотносится с пространством мифологического. Сам по себе миф маркирует онтологическую, гносеологическую и аксиологическую экзистенциальную матрицу той или иной культуры. Однако в процессе кросс-культурной коммуникации эти мифотворимые матрицы могут дополнять или поглощать друг друга. Для мифов, как и для любых иных фронтальных территорий, сложно установить конкретные географические границы «от сих до сих», это всегда приблизительная область. В этой связи метафора «мифологического фронта» становится вполне правомочной, и миф, прочитанный через призму топологического образа, позволит увидеть границы не государства, но глубинной культуры в её синхроническом и диахроническом обликах.

При этом современные исследования в области мифа и мифологии отказываются от модернистского подхода к мифологическим нарративам как условной протонауке и предлагают их мультикультуралистское прочтение с целью встречи с Другим. «Мифологический фронт» как метафора хороша тем, что он показывает границы этого Другого как мифологически гомогенного сообщества вне зависимости от геополитических, языковых и любых иных границ. Таким образом, внутри некой глобальной общности (допустим, британской) мы увидим множество более мелких культурных фракций, отделённых друг от друга мифологическими фронтами (например, кельтские, аквитанские, белгские сообщества) и имеющих иной культурный код. Таким образом, обращение к мифу как к не просто культурному, но и темпоральному фронту современности позволит точнее очертить границы каждого микрообщества. За счёт этого станет возможным увидеть корни национального и культурного самосознания тех или иных микрообществ, инкорпорированных в глобальную культурную общность. В условиях нынешних глобализационных процессов и массовой кросс-культурной диффузии понимание «мифологического фронта» позволит сохранять границы индивидуальной «Другости», не разрушая при этом социальных связей между отдельными сообществами.

Данный подход также хорошо накладывается на доминирующую концептуальную базу для современных работ в области изучения мифа и мифологического. Она представлена переосмыслением работ К. Леви-Стросса в русле

акторно-сетевой теории и постструктурализма. Такая оптика позволяет предложить принципиально иную методологию для изучения метафизики традиционных сообществ. Удачнее всего, на наш взгляд, методологические основания изучения «мифологического фронта» были эксплицированы Э. В. де Кастру, который предложил использовать при изучении мифологии малых сообществ «дизъюнктивный синтез антропологии, понимаемой в качестве экспериментальной метафизики или полевой геофилософии и философии, понимаемой в качестве этноантропологической практики *sui generis*, которая заключается в создании концептов» (де Кастру, 2017, с. 57). Предложенный им трансверсальный подход к антропологии и философии выводит исследуемую проблематику в русло философской антропологии, концентрируя научную мысль не на отдельных практиках, но на процессе деколонизации мысли с целью понимания культуры Другого. Это, в свою очередь, позволяет понимать «мифологический фронт» как нечто обуславливающее, а не выражающее. Мифологические прескрипции помещают акторов в единое коммуникативное поле, которое «онтологически гетерогенно, но социологически непрерывно» (2017, с. 88-91).

Современные авторы указывают, что, будучи секуляризированными, мифы и мифические образы обнаруживаются везде в культуре человека. За счёт модернистского вытеснения их на периферию сознания и формирования пространства «мифологического фронта» мифологические прескрипции проявляют себя в форме политического мифа и способствуют укоренению человека в истории народа, формируя тем самым национальное самосознание. Особенно ярко эта идея прослеживается в серии «Мифы от и до» издательства «Манн, Иванов, Фербер». Она объединяет ряд исследований, посвященных мифологическим системам разных народов и их отображению в массовой культуре. Авторы полагают важным предложить читателю краткий обзор вышедших на сегодня книг серии. Конечно, некоторые работы более удачны с позиций философской рефлексии, некоторые менее. Однако их наличие маркирует существование в научно-популярном дискурсе запроса на описание «мифологического фронта» учеными. Это также позволяет увидеть, как репрезентируется мифологическое в современном научном сообществе и какие запросы и темы являются наиболее референтными для авторов. Для избежания «спойлеров» авторами было принято решение рассказывать о каждой книге серии предельно кратко, чтобы читатель смог при обращении тому или иному источнику открыть для себя как можно больше нового, не будучи при этом интеллектуально ангажированным позицией авторов настоящего обзора.

Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов»

Первая книга серии «Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов»» была посвящена системному обзору скандинавской мифологии, основанному на классических текстах Снорри Стурлусона и Саксона Грамматика и их трансформации в германские предания раннего Средневековья (Ларрингтон, 2021, с. 28). К. Ларрингтон приходит к выводу, что этот корпус мифологических мотивов до сих пор прослеживается в современной массовой культуре, например, в произведениях Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина и игровых фильмах компании «Marvel». Она подчеркивает, что за счет «огромной популярности сериалов «Игры престолов»» (где постоянно присутствует угроза Фимбульветра – Великой Зимы) и удостоенных множества наград «Викингов»... скандинавские мифы и легенды продолжают жить, хотя христианство вытеснило их из сердец и умов жителей Севера» (2021, с. 212–222). Несмотря на то, что книга содержит незначительное количество философских и культурологических обобщений, ее несомненной ценностью является демонстрация экспликаций скандинавского «мифологического фронта» в современной массовой культуре. Этот шаг автора позволяет увидеть включение скандинавской идентичности в глобальный процесс мифотворчества. Так, супергерой комиксов, мультфильмов и фильмов корпорации «Marvel» Тор, его злокозненный брат Локи, Мьельнир, Асгард, другие имена и феномены скандинавской мифологии перестали ассоциироваться исключительно с сагами Снорри Стурлусона и интегрировались в современную массовую культуру. Это, в свою очередь, повлекло за собой интерес к аутентичной скандинавской культуре у подростков, которые являются основными потребителями данных медиапродуктов.

Египетские мифы. От пирамид и фараонов до Анубиса и «Книги мёртвых»

Г. Шоу в книге «Египетские мифы. От пирамид и фараонов до Анубиса и «Книги мёртвых»» ставит задачу предложить читателю целостное изложение древнеегипетской мифологии, объединяя фрагменты сказаний, содержащихся в «Текстах пирамид», «Текстах саркофагов» и «Книге мертвых». Автор считает, что «анализ мифов помогает нам отчасти понять психологию древнего человека и воспринять мир новым – хоть и очень древним – способом» (Шоу, 2021, с. 15). Здесь следует отметить, что представления о древнеегипетской мифологии являются реконструкцией, базирующейся на компиляции порой противоречащих друг другу текстов. Данная проблема обусловлена внутри- и внешнеполитической ситуацией Древнего Египта: деление страны на номы приводило к тому, что внутри каждого из них в центр мифологического повествования ставилось конкретное локальное божество. На эту и без того пеструю

мифологическую картину накладывались кросс-культурные контакты со средиземноморскими и дальневосточными обществами, привнося новые сюжеты и новых персонажей (Шоу, 2021, с. 12). Очевидным достоинством этой работы является попытка Г. Шоу придать целостность разрозненным мифологическим нарративам, объединяя их в единый, логически выстроенный сюжет. Однако такой подход имеет объективные недостатки в виде европоцентрического взгляда и искусственной реконструкции системы, которая, возможно, никогда и не была сведена воедино. Здесь мы видим попытку искусственного конструирования пространства «мифологического фронта», посредством объединения мифологий отдельных номов. Изначальная дисперсность древнеегипетской культуры, прочитанная через призму метафоры «мифологического фронта», маркирует неправомерность такого решения. Возможно, более честным исследовательским подходом была бы попытка реконструкции мифологических систем отдельных номов, с целью поиска общего и уникального. Такая оптика позволила бы сохранить «мифологический фронт» Древнего Египта и при этом продемонстрировать существование внутри него отдельных микросообществ, связанных между собой некими универсальными сюжетами.

Кельтские мифы. От короля Артура и Дейрдре до фейри и друидов

«Кельтские мифы. От короля Артура и Дейрдре до Фейри и друидов» М. Олдхаус-Грин посвящены исследованию мифологии и строящейся на ней самоидентификации кельтских племён. Автор отмечает, что раннесредневековые источники имеют тенденцию к обобщению кельтской, аквитанской и белгской культуры в рамках общебританской, тем самым стирая различия в их культурном наследии и мировоззрении. Однако такое слияние, по мнению М. Олдхаус-Грин, является не вполне легитимным, поскольку «мифологические тексты принадлежат главным образом Уэльсу и Ирландии, тогда как основная масса археологических свидетельств “кельтского” язычества найдена на территории современной Англии и в западных регионах континентальной Европы. Таким образом, существует некоторое географическое несоответствие между железным веком и римскими свидетельствами с одной стороны и местом письменной фиксации кельтской мифологической литературы – с другой» (Олдхаус-Грин, 2022, с. 13–15). Помимо этого, ирландские объекты, которые были описаны в мифах, типологически относятся к раннесредневековому, а не доисторическому типу. Исходя из этого, М. Олдхаус-Грин утверждает, что мифология кельтов не может подтверждать археологические находки железного века и описывает культуру, отличную от общебританской. Лишь с приходом христианских миссионеров в I тысячелетии н. э. кельтские, белгские и аквитанские племена начали консолидиро-

ваться на ценностно-религиозном уровне, формируя единую культурную платформу. При этом традиционные языческие образы синкретически встроились в христианство, воспроизводясь в нём вплоть до настоящего времени (2022, с. 224–228). Значимость данной книги, по мнению авторов настоящего обзора, заключается в тонкой дифференциации локальной культуры и выделении ее из общебританского культурного субстрата. Это позволяет точнее очертить границы «мифологического фронта» кельтской культуры и увидеть общие паттерны, характерные для ее носителей.

Индийские мифы. От Кришны и Шивы до Вед и Махабхараты

Еще одна книга серии – «Индийские мифы. От Кришны и Шивы до Вед и Махабхараты». Д. Паттанаика. Она является скорее традиционалистской по духу, поскольку автор исходит из глубинных положений культуры, утверждая статус мифа как имманентной человеку истины (Паттанаик, 2022, с. 11). Д. Паттанаик пишет, что «миф по сути своей неотделим от конкретной культуры, это общее видение мира, которое объединяет отдельных людей и общины». Однако вслед за этим он предлагает вполне постмодернистское разделение современных мифологов на религиозные, в которые входят идеи и символы перерождения, понятия греха и судьбы, и светские, примерами которых являются идеи суверенитета, прав человека, прав гомосексуалистов и так далее. Такой ход позволяет ему возвести понятие мифа до абсолютной идеи, движущей силой которой является мифология. Идеиный уровень мифа и мифологии позволяет им оказывать основополагающее влияние на культуру. Но также он указывает, что «культура, в свою очередь, оказывает основополагающее влияние на миф и мифологию. Люди перерастают миф и мифологию, когда те перестают отвечать их культурным нуждам» (Паттанаик, 2022, с. 13). Таким образом, автор постулирует диалектическое единство мифа и культуры. Исследование индуистской мифологии, по мнению автора, позволит пролить свет на одно из множества возможных пониманий субъективной и иррациональной истины. В работе Д. Паттанаика в большей степени, чем в остальных книгах серии, выражено понимание глубинной сути феномена «мифологического фронта» и его значимости в бытии современного человека. Так, другая его монография (уже не относящаяся к перечню рецензируемых книг) демонстрирует, как традиционные мифологические модели определяют политику, социальную структуру и сохраняют культурную самобытность Индии (Паттанаик, 2017).

Греческие и римские мифы: От Трои и Гомера до Пандоры и «Аватара»

Сходной точки зрения на миф как фронтирное пространство, которое в силу своей имманентности детерминирует культурные стереотипы сообщества на протяжении всей его истории, придерживается Ф. Матышак в работе «Греческие и римские мифы: От Трои и Гомера до Пандоры и «Аватара»». Для него мифы представляют собой не воплощение культурной парадигмы, а точку зрения древних людей на мир (Матышак, 2023, с. 9). Избрав в качестве объекта изучения корпус древнегреческих и древнеримских мифов, Ф. Матышак стремится продемонстрировать их идейное и идеологическое единство, избегая дифференциации по языковому или этническому принципу. Он пишет, что «есть только один классический миф – в широком смысле слова. Это история, которая строилась в течение целого тысячелетия или даже дольше. Она началась до 800 года до н.э. с народных преданий и историй в Греции и была закончена римскими авторами во II веке н.э.» (2023, с. 10). Ф. Матышак выделяет в едином греко-римском мифе начало, середину и конец. Начальной точкой мифологии греков и римлян он называет космогонические мифы и идею Хаоса в его античном понимании. В качестве середины понимается основной массив мифологических сюжетов – теогонические повествования и мифы о сотворении людей и деяниях героев. Однако наиболее интересной находкой автора является идея конечной точки мифологии. Ф. Матышак полагает, что 21 апреля 753 года до н.э. одновременно с основанием Рима кончилось время мифов и началось время истории (Матышак, 2023, с. 252). Такой подход приближает автора к первому античному прочтению термина «мифос», как рассказа о чем-то реальном, что произошло до исторических времён (Резвушкина, 2022, с. 67). Позиция Ф. Матышака помогает гораздо яснее увидеть механизмы кросс-культурной диффузии, происшедшей между греческой и римской мифологией и приведшей к формированию общего античного «мифологического фронта», а не воспринимать этот процесс как единовременную абсорбцию.

Шумерские мифы. От всемирного потопа и эпоса о Гильгамеше до бога Энки и птицы Анзуд

«Мифологический фронт», оставшийся от цивилизации шумеров, исследует в своей работе «Шумерские мифы. От всемирного потопа и эпоса о Гильгамеше до бога Энки и птицы Анзуд» Ю. Чмеленко. Она пишет, что на сегодняшний день «науке не известно ни одного документа, где полно и систематически была бы изложена философская концепция шумеров относительно зарождения Вселенной, общего устройства миров и роли человека в нём» (Чмеленко, 2023, с. 19). Сходная ситуация, как было описано ранее, имеет место и для древнеегипетской мифологии. Однако причиной

дисперсности шумерской мифологии является не геополитическая специфика региона, а отсутствие единства внутри ассириологии как науки (2023, с. 15). Собирая воедино результаты расшифровки клинописных текстов, осуществленные такими учеными, как Г. Роулинсон, Дж. Смит, Э. Хинкс, Ю. Опперт и многими другими, Ю. Чмеленко предлагает некий компендиум, на основании которого возможно системно реконструировать мифологические воззрения народов Месопотамии. Реконструкция шумерской мифологии, в свою очередь, позволяет обнаружить множество легенд, которые позже нашли свое отображение в библейских текстах (2023, с. 182–184). Таким образом, Ю. Чмеленко подтверждает и развивает концепцию Дж. Фрэзера о двухчастности Библии и древневосточном происхождении Ветхого завета (Фрэзер, 1990, с. 85). Этот ход позволяет увидеть, как конкретные паттерны и сюжеты интегрируются в христианский «мифологический фронтир», приобретая тем самым глобальное для иномифических сообществ измерение.

Японские мифы. От кичунэ и ёкаев до «Звонка» и «Наруто»

Процесс интеграции «мифологического фронта» в качестве духовной основы в современную культуру отображен в книге Д. Фридмана «Японские мифы. От кичунэ и ёкаев до “Звонка” и “Наруто”». Эта работа выделяется среди прочих тем, что для Японии мифы не являются чем-то прошедшим. Напротив, «мифология остаётся во многом источником силы, питающим японское общество» (Фридман, 2022, с. 10). Фридман указывает, что для корректной дескрипции японской мифологии необходимо предельно четко разграничивать доминирующие в Японии религиозные учения: синтоизм, буддизм и оказавшие влияние на духовную сферу в результате политических и культурных контактов с Китаем конфуцианство и даосизм. В этой связи, указывает автор, справедливо говорить о синкретичности японской мифологии, равно как и об ее тесной связи с идеологией и теологией. Современная Япония сохраняет выраженную преемственность с прошлым, не только в области культуры, политики, искусства, но и в сфере мифа. «Городские легенды современного Токио восходят к легендам о призраках эпохи Эдо, а те – к средневековому фольклору, берущему начало далеко в эпохе Хэйан. На каждом из этапов в легендах появлялось нечто новое, но сохранялось основное ядро и элементы – хоть и переработанные, но относящиеся к тому, что можно назвать традицией» (2022, с. 29). Понятие традиции очень значимо для человека, являющегося носителем японской культуры – даже в условиях глобализации японцы стремятся сохранить нормы поведения и формы культуры, унаследованные от предыдущих поколений (Семёнова, 2016, с. 87). В этой связи обращение к корпусу японских мифологических нарративов позволит понять современную поп-культуру этой страны и то, как она воспроизводится западными странами (2022, с. 264).

Корейские мифы. От Небесного Владыки и принцессы Пари до королей-драконов и духов-хранителей

Этой же позиции, но уже относительно корейских мифов, придерживается К. Ли в работе «Корейские мифы. От Небесного Владыки и принцессы Пари до королей-драконов и духов-хранителей». Он пишет, что «мифы по-прежнему играют значимую роль в современном обществе и служат мостом – только теперь он объединяет представителей не одной группы, а, напротив, способствует укреплению взаимопонимания между культурно отличными группами, с разным историческим прошлым и проживающих в совершенно разных природно-климатических условиях. Миф становится ключом к пониманию иной культуры, более не “чужой”» (Ли, 2022, с. 14). Ценность работы К. Ли, по мнению авторов, заключена в том, что он показывает, как посредством приобщения к «мифологическому фронтиру» иной культуры может быть снято потенциально конфликтное измерение «Чуждости», сохраняя при этом необходимое для конструктивной коммуникации присутствие «Другости». Учитывая современный тренд на корейскую культуру (феномен популярности жанра и визуальной эстетики К-Поп, рост доли корейских дорам на мировом сериальном рынке), работа К. Ли является значимым ключом для ее корректной дескрипции и онто-антропологического фундирования моды на «корейскость».

Румынские мифы. От вырколаков и фараонков до Мумы Падурий и Дракулы

Увлечение культурой Другого и её последующая трансляция в контексте глобальной массовой культуре может, однако, привести к искажению и воспроизведению ошибочных форм отдельных мифологем. На это указывает Н. Осояну в своей книге «Румынские мифы. От вырколаков и фараонков до Мумы Падурий и Дракулы». По её мнению, румынский фольклор для большинства современных людей свелся к образу Дракулы и вампиров, понимаемых не как румынские стригои, а как европейские умертвия, украшенные голливудскими сценаристами. За счет этого современный человек не учитывает, что в сущности своей румынская мифология представляет собой сложный пласт народной традиции, которая сложилась на перекрестке трех культур и синтезировала в себе «как минимум три мифологические эпохи: фракийскую, римскую и христианскую» (Осояну, 2023, с. 8). Н. Осояну указывает, что для корректного понимания Другого необходимо знать не «глобалистский» образ его мифологии, а внутренний. Это знание позволит избавиться от стереотипов и поможет отследить взаимодействие мифа с другими областями, сопряженными с ним в концептуальном смысле (2023, с. 229–230). Здесь мы видим, что отсутствие феноменологического и трансверсального подхода к «мифологическому фронтиру» потенциально способно привести

к некорректному пониманию Другого и его метафизического бэкграунда. В этой связи работа Н. Осоюну может (и должна) быть понята как форма деми-фологизации неверных европоцентристских представлений о румынском Другом и предложение более релевантных мифологических оснований для его понимания.

Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы

Ориентация на конструирование «мифологического фронта» изнутри культуры присутствует и в работе А. Л. Барковой. В книге «Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы» она пишет о том, что славянское язычество – одна из наименее изученных мифологических систем. Причиной этому является отсутствие прямых источников, посвящённых духовной картине мира славянских племён, и большое количество поздних фальсификаций, породивших феномен неоязычества. Таким образом, она постулирует необходимость реконструкции мифологической системы славянских племён с опорой на вторичные и косвенные источники, в качестве которых могут быть использованы фольклорные записи, древнерусские литературные источники, археологические изыскания, данные сравнительной мифологии и лингвистики (Баркова, 2023, с. 7–12). Первые два типа источников, по мнению автора, являются наиболее полезными для исследования славянского язычества, поскольку сказки и эпические повествования опираются на предшествующий им миф. А. Л. Баркова считает, что если мифология призвана описать и объяснить картину мира, то функцией эпоса было отображение идеального прошлого народа. «Пока эпос жив, в него верят, но верят совершенно не так, как в миф... Когда вера иссякает, эпос легко превращается в сказку...» (2023, с. 229–230). Сказка же представляет собой предельно десакрализованный и служащий развлекательной цели миф, который утратил элемент веры, но сохранил ключевые образы и архетипы. Данные, полученные в результате исследования древнерусских эпических произведений и сказок, А. Л. Баркова сопоставляет с археологическими и лингвистическими материалами, а также с мифологией других народов. Такой скрупулезный подход к источникам позволил ей предложить наиболее корректную реконструкцию «мифологического фронта» славянских племён.

Мифы Поволжья. От Волчьего Владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья

Исследование внутреннего образа «мифологического фронта» также осуществляет и Т. Муравьева в книге «Мифы Поволжья. От Волчьего Владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья». Она рассматривает мифологическую систему внутри отдельного региона, разграничивая легенды и

предания разных народов: марийцев, удмуртов, мордвы, чувашей, татар, башкир и калмыков. Несмотря на то, что они не включены в славянскую мифологическую систему за счёт языковой разницы, эти народы оказали влияние на возникшую во время складывания единого государства общую русскую мифологию (Муравьева, 2023, с. 11). При этом христианизация, исламизация и распространение буддизма в Калмыкии не слишком пошатнули позиции национального мифа. Т. Муравьева отмечает, что языческие представления у этих народов сохранялись не только в христианскую эпоху, но и в советские времена (2023, с. 14). В этой работе можно увидеть перспективы использования метафоры «мифологического фронта» в культурологическом и философском исследовании нарративов региона. Будучи объединенными по региональному признаку и утратив генетическую гомогенность, каждый из этих народов является носителем национального мифа, который детерминирует *modus operandi* культуры. Понимание же мифологических оснований этого модуса позволяет в полноте осмыслить его проявления в различных сферах и аспектах народного бытия.

Карело-финские мифы. От «Калевалы» и птицы-демиурга до чуди и саамов

Ещё одним исследованием, посвященным «мифологическому фронтиру» отдельного региона и отдельной языковой группы, является работа В. Петрухина «Карело-финские мифы. От “Калевалы” и птицы-демиурга до чуди и саамов». Он изучает мифы уральской языковой семьи, носители которой и по сегодняшний день проживают вокруг Уральского хребта. В качестве периода формирования самостоятельных культурных и мифологических традиций этих народов В. Петрухин полагает рубеж I и II тысячелетий до н.э. (Петрухин, 2023, с. 14). Такая периодизация обусловлена наличием яркого сходства между мифологическими мотивами финно-угорских народов с индоарийскими. При этом известно, что арии отделились от иранцев и ушли в Северную Индию во II тысячелетии до н.э. Это позволяет автору предположить, что мифологическая система финно-угорских и самодийских народов восходит к периоду индоиранской общности (2023, с. 28). Изучение этого «мифологического фронта» помогает увидеть общие экзистенциальные основания для финноугорских народов, интегрированных в разные геополитические структуры. Финляндия и Россия имеют разные парадигмальные основания, однако обладают общим мифологическим субстратом, понимание которого может способствовать улучшению качества межкультурной и политической коммуникации.

Выводы

Обзор серии книг «Мифы от и до» издательства «Манн, Иванов и Фербер» через призму метафоры «мифологического фронта» позволил показать, как более точная дифференциация культур способствует их корректному восприятию в контексте глобальных событий. Авторы выражают надежду, что настоящий обзор окажется полезным читателям, которые затрагивают в своей деятельности проблемы мифа и мифологического, их экспликацию как в событиях прошлого, так и в современной массовой культуры. На наш взгляд, мифологический фронт – то исследовательское поле, которое в текущих социокультурных условиях нуждается в более пристальном внимании ученых. Подходя с уважением к «Друговости» иной культуры и корректно понимая ее мифологические основания, мировое сообщество станет способно выстроить эффективную и продуктивную стратегию дальнейшего со-бытия.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Список литературы

- Pattanaik, D. (2017). *Culture. 50 Insights from Mythology*. HarperCollins Publishers.
- Баркова, А. (2023). *Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы*. Манн, Иванов и Фербер.
- Кастру, Э. В. де. (2017). *Каннибальские метафизики. Очерки постструктурной антропологии*. Ad Marginem Press.
- Ларрингтон, К. (2021). *Скандинавские мифы: От Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов»*. Манн, Иванов и Фербер.
- Ли, К. (2022). *Корейские мифы. От Небесного Владыки и принцессы Пари до королей-драконов и духов-хранителей*. Манн, Иванов и Фербер.
- Матышак, Ф. (2023). *Греческие и римские мифы: От Трои и Гомера до Пандоры и «Аватара»*. Манн, Иванов и Фербер.
- Муравьева, Т. (2023). *Мифы Поволжья. От Волчьего Владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья*. Манн, Иванов и Фербер.
- Олдхаус-Грин, М. (2022). *Кельтские мифы. От короля Артура и Дейдрэ до фейри и друидов*. Манн, Иванов и Фербер.
- Осоюну, Н. (2023). *Румынские мифы. От вырколаков и фараонов до Мумы Падурий и Дракулы*. Манн, Иванов и Фербер.

- Паттанаик, Д. (2022). *Индийские мифы. От Кришны и Шивы до Вед и Махабхараты*. Манн, Иванов и Фербер.
- Петрухин, В. (2023). *Карело-финские мифы. От «Калевалы» и птицы-демиурга до чуди и саамов*. Манн, Иванов и Фербер.
- Резвушкина, С. А. (2022). Мифологическое в парадигме постмодерна: Историографический этюд. *Социум и Власть*, 4, 67–78. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-4-67-82>
- Семёнова, А. В. (2016). Роль традиций в современной Японии. *Культура и Цивилизация*, 1(3), 83–87.
- Фридман, Д. (2022). *Японские мифы. От китунэ и ёкаев до «Звонка» и «Наруто»*. Манн, Иванов и Фербер.
- Фрэзер, Дж. Дж. (1990). *Фольклор в Ветхом Завете*. Политиздат.
- Чмеленко, Ю. (2023). *Шумерские мифы. От всемирного потопы и эпоса о Гильгамеше до бога Энки и птицы Анзуд*. Манн, Иванов и Фербер.
- Шоу, Г. (2021). *Египетские мифы. От пирамид и фараонов до Анубиса и «Книги мёртвых»*. Манн, Иванов и Фербер.

References

- Barkova, A. (2023). *Slavyanskije mify. Ot Veesa i Mokoshi do ptitsy Sirin i Ivana Kupaly*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Chmelenko, Yu. (2023). *Shumerskie mify. Ot vseirnogo potopa i eposa o Gil'gameshe do boga Enki i ptitsy Anzud*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Frazer, J. J. (1990). *Fol'klor v Vetkhom Zavete*. Politizdat. (In Russian).
- Fridman, D. (2022). *Yaponskie mify. Ot kitsune i ekaev do "Zvonka" i "Naruto"*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Kastru, E. V. de. (2017). *Kannibal'skie metafiziki. Ocherki poststrukturnoy antropologii*. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Larrington, K. (2021). *Skandinavskie mify: Ot Tora i Loki do Tolkina i "Igry prestolov"*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Li, K. (2022). *Koreyskie mify. Ot Nebesnogo Vladyki i printsessy Pari do koroley-drakonov i dukhov-khraniteley*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Matyshak, F. (2023). *Grecheskie i rimskie mify: Ot Troi i Gomera do Pandory i "Avatara"*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Murav'eva, T. (2023). *Mify Povolzh'ya. Ot Volch'ego Vladyki i Mirovogo dreva do kul'ta zmey i ptitsy schast'ya*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Oldkhaus-Grin, M. (2022). *Kel'tskie mify. Ot korolya Artura i Deyrdre do feyri i druidov*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Osoyanu, N. (2023). *Rumynskie mify. Ot vyrkolakov i faraonok do Mumy Paduriy i Drakuly*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Pattanaik, D. (2017). *Culture. 50 Insights from Mythology*. HarperCollins Publishers.

- Pattanaik, D. (2022). *Indiyskie mify. Ot Krishny i Shivy do Ved i Makhabkharaty*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Petrukhin, V. (2023). *Karelo-finskie mify. Ot "Kalevaly" i ptitsy-demiurga do chudi i saamov*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Rezvushkina, S. A. (2022). The Mythological in the Postmodern Paradigm: A Historiographic Study. *Society and Power*, 4, 67–78. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-4-67-82> (In Russian).
- Semenova, A. V. (2016). The Role of Traditions in Modern Japan. *Culture and Civilization*, 1(3), 83–87. (In Russian).
- Show, G. (2021). *Egipetskie mify. Ot piramid i faraonov do Anubisa i "Knigi mertvykh"*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).

The Rural Borderland House: Functional-Spatial and Ritual-Symbolic Specificities

---

Anna Yu. Kazakova

Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. Email: [kazakova.a.u\[at\]yandex.ru](mailto:kazakova.a.u[at]yandex.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8685-9515>

Received: 21 July 2023 | Revised: 25 September 2023 | Accepted: 30 September 2023

Abstract

This publication reviews the monograph by Polish researcher and PhD in Architecture Magdalena Sulima, which addresses the topics of architectural and ceremonial specifics of traditional rural housing in border territories. under-studied in Russia: Sulima, M. Dom pogranicza w kulturze wsi podlaskiej. – Białystok: Oficyna Wydawnicza Politechniki Białostockiej, 2018. – 277 p. The novelty of the work lies in identifying the specific features of the borderland from the perspective of preserving archaic elements in house-building, structuring of home space, and its use in calendar and family rituals. The monograph may interest Russian-speaking readers not only due to its interdisciplinary approach to studying the house and dwelling but also for defining the specifics of border identity and developing its typology. Further studies of dwellings in zones of intensive ethno-cultural contact can broaden the relatively scarce domestic tradition of understanding and conceptualizing the dwelling as a frontier topos.

Keywords

House; Dwelling; Household; Ceremony; Holiday; Ritual; Borderland; Self-Identification

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Дом сельского пограничья: функционально-пространственная и обрядово-символическая специфика

Казакова Анна Юрьевна

Институт научной информации по общественным наукам РАН. Москва, Россия.

Email: kazakova.a.u[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8685-9515>

Рукопись получена: 21 июля 2023 | Пересмотрена: 25 сентября 2023 | Принята: 30 сентября 2023

Аннотация

Данная публикация представляет рецензию на монографию польской исследовательницы, кандидата архитектуры Магдалены Сулимы, которая посвящена слабо изученным в России темам архитектурной и обрядово-ритуальной специфики традиционного сельского жилья, расположенного на приграничных территориях: Sulima, M. Dom pogranicza w kulturze wsi podlaskiej. – Białystok: Oficyna wydawnicza Politechniki Białostockiej, 2018. – 277 s. Новизна работы заключается в выявлении специфических особенностей пограничья с точки зрения сохранения архаичных черт домостроения, структурирования домашнего пространства и его использования в календарной и семейной обрядности. Монография может быть интересна русскоязычному читателю не только междисциплинарным подходом к изучению дома и жилища, но и определением специфики пограничной идентичности, а также построением ее типологии. Дальнейшие исследования жилища, расположенного в зоне интенсивных этнокультурных контактов, могут расширить все еще довольно скудную отечественную традицию понимания и концептуализации жилища как пограничного топоса.

Ключевые слова

дом; жилище; домохозяйство; обряд; праздник; ритуал; пограничье; самоидентификация

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

И дом, и окружающие его пространства давно перестали анализироваться в жесткой оппозиции материальной и духовной культуры, в отрыве от социальных отношений населяющих этот дом людей. Социальная проблематика жилищных и архитектурных исследований постоянно расширяется. Публикуются работы о трансформациях социальной и жилищной стратификации, об отражении в поселенной и архитектурной структуре жилища социального статуса владельца (Старикова, 2018). «Этос дома» реконструируется через его геометрические пропорции, интерьер и экстерьер (Малахов & Репина, 2018; Маргарян, 2021), и проектировщики все чаще стремятся преодолеть средствами архитектуры и градостроительства недостатки социальной среды (Хёгай, 2013).

Но вышедшая в 2018 году очень малым тиражом (45 экз.) в издательстве Белостокского политехнического университета монография Магдалены Сулимы «Дом пограничья в культуре полесской деревни» заслуживает внимания, поскольку и на фоне успехов отечественных жилищных исследований обладает рядом признаков научной новизны.

Прежде всего, это комплексное исследование на стыке наук, хорошо обоснованное эмпирически. На платформе Научной библиотеки Междисциплинарного центра математического и вычислительного моделирования Варшавского университета (<https://bibliotekanauki.pl/>) работа М. Сулимы отнесена одновременно к трем рубрикам: инженерные и технические науки, область «Архитектура и городское планирование»; общественные науки, область «Социология»; гуманитарные науки, область «Культурология и религиоведение». Для М. Сулимы принципиальна такая стратегия анализа «связи дома и его осмысления в современной культуре ..., поскольку (дом – А.К.) включает в себя и материальные компоненты (строительные), и психические (эмоциональные)» (2019, р. 104), в силу чего значительную часть работы занимает выделение элементов архитектуры, оборудования, интерьера дома, которые приобретают дополнительные символические функции в контексте ритуально-магических и ритуально-религиозных обычных практик трех типов: «связанных с поддержанием повседневной деятельности в сфере домашнего хозяйства; ... со значимыми семейными событиями (рождение, свадьба, похороны); ... определённых православным церковным календарем» (2018, р. 12). Профессионализм автора позволяет в полной мере раскрыть в работе все три направления анализа современного деревенского дома.

Автор преподает на факультете архитектуры Белостокского политехнического университета, где сама получила высшее образование, в дальнейшем дополненное педагогическими, культурологическими, урбанистскими курсами. Последние представляли собой инновационную программу аспирантуры Института исследований общественного пространства «Города и метрополии. Как действовать в публичном пространстве» под эгидой Национального центра культуры в Варшаве при Академии изящных искусств. Характерная для

западных университетов традиция междисциплинарных городских исследований, образцом которой являлась указанная программа (Miasta ..., 2013), отразилась в выборе темы кандидатской диссертации, защищенной в 2013 г. на факультете архитектуры Варшавского политехнического университета: «Жилой дом в усадьбе этнического пограничья как архитектурно-культурное явление (на примере полесской деревни)»¹. «Нетехническое» название – результат осознанной, продекларированной в интервью, установки автора показать «значение архитектурного творчества в развитии культуры и искусства» (Grzęda-Zajkowska, 2023) и гуманистический смысл архитектурной профессии. В переработанном и дополненном виде диссертация легла в основу рецензируемой монографии.

Уже больше десяти лет исследования М. Сулимы связаны с польской частью Полесья по границе с Беловежской пушей. Беловежская пуца как эмпирический объект представлена широким рядом русскоязычных работ, но практически все они изучают ее биоразнообразие, экологию, режим правовой охраны, а не этнокультурную специфику. Это также определяет новизну монографии, примыкающей к немногочисленным российским и белорусским исследованиям истории социального использования данной территории, ее роли в общественно-политическом развитии наших стран (Сороко, Салахова, Судакова, 2009; Гресь, Людко, 2015; Давыденко, Максимчук, 2017; Федотова, 2022). Сельские муниципалитеты в границах Подлясского воеводства граничат с Республикой Беларусь и представляют собой зону множественных контактов и взаимовлияния с белорусской, литовской, украинской и русской культурами. Сама исследовательница склонна рассматривать эти контакты в цивилизационном масштабе «латинско-византийского» фронта, подчеркивая, что религиозная самоидентификация здесь доминирует над этнической. Жители ареала «называют себя “местными”, “православными”, “русскими” или “белорусами»» (Sulima, 2019, s. 104). Временной период рассмотренных М. Сулимой культурных трансформаций определен охватом памяти старожилов и доступностью источников. Здесь также выделены «фронтирные», переломные моменты национально-государственной истории: рубеж XIX–XX веков, межвоенное двадцатилетие и первые годы после II Мировой войны.

Концептуализация дома как фронтирного топоса нехарактерна для российской науки. Много этнографических исследований жилищ народов с традиционным кочевым или маятниково-кочевым укладом (Бадмаева, Батыров, 2023; Зиятдинов, 2018). Имеются архивные и археологические исследования городов-крепостей и гарнизонных жилищ (Давыдов, 2008; Татуров, Тихонов & Черная, 2021). Есть социологические исследования, посвященные трансграничному домашнему укладу и образу жизни. Но при этом – особенно

1 В оригинале “Dom mieszkalny w zagrodzie pogranicza etnicznego jako zjawisko architektoniczno-kulturowe (na przykładzie wsi podlaskiej).”

в случае с исследованиями мигрантских жилищ и «второго жилья» – в анализе всегда прочитывается трактовка исследователем жизни «на чемоданах» (Винокурова, 2018), в воспоминаниях об утраченном в стране исхода доме (Протасова, Резник, 2020), «между домом и ... домом» (Аверкиева и др., 2016) как лиминального состояния. Иными словами, за таким укладом исследователь ищет и обнаруживает социальную проблему и даже патологию, индивидуальную (например, дромомания) или общественную (например, эскапизм). Работ, где фронтирность предстает как культурная норма, практически нет.

Монография насчитывает шесть глав.

В первой, методологической, главе «Тематический и географический контур», автор намечает базовые понятия работы («граница и пограничье»), определяет и классифицирует пограничье, уделяя особое внимание его этническому и конфессиональному измерению, а также приводит интересные зарисовки исторического развития ареала исследования, лежащего между реками Нарев и Нужец на западе, Бебжа на севере, Буг на юге. Экскурс в историю автор завершает подробной характеристикой современного состояния национально-религиозной идентификации жителей пограничья. Опираясь на исследования Анджея Садовского, Сократа Яновича, Зигмунта Глогера, М. Сулима выявляет специфику пограничной идентичности, связанной с исторической подвижностью государственных границ, религиозной автономией, безразличием к национально-государственной принадлежности и острой чувствительностью к местным корням, говору, кухне, нравам и манерам, к локальной референтной группе «местных», выраженно закрытой и ксенофобной. Большой интерес представляет восходящая к исследованиям А. Садовского 1970-х г. г. типология населения пограничных территорий с точки зрения самоидентификации, которой придерживается автор. Первый тип – православные поляки с сильной гражданственностью и ослабленной ввиду миграции из деревни в город религиозностью, что позволяет им ассимилироваться, но при условии сохранения религиозной и этнической общности. Поляки белорусского происхождения демонстрируют сильную приверженность польской религии, языку, системе обычаев, но декларируют свою «белорусскость», которую, по их мнению, в государстве следует охранять как этнографическую достопримечательность. Польские белорусы, у которых есть и польские, и русские, и белорусские корни, стремятся быть поляками в повседневной жизни, но представляются белорусами в знак национального достоинства, поскольку этничность, с их точки зрения, – данная при рождении константа. Белорусы в Польше – группа с осознанно белорусской этнической, исторической, культурной самоидентификацией, которая в результате перекраивания политических границ, недобровольно, оказалась на территории Польши.

Во второй главе – «Пограничная деревня» – М. Сулима предпринимает разбор пространственного членения деревни восточного пограничья на фоне

аграрных преобразований и вызванных ими изменений пространственной планировки приусадебных участков начиная с XVI века, через стадии образования особого бельско-хайновского типа удлиненной усадьбы, ее модернизации в межвоенный период, в том числе после т. н. комасации (создание хозяйств на основе ранее раздробленных земельных наделов) в период II Речи Посполитой, включившей в себя земли Западной Украины и Западной Белоруссии, которая отчасти преодолела типичную для Полесья проблему крестьянского малоземелья и вызванного ею массового отходничества.

Третья глава книги – «Дом пограничья» – демонстрирует местную специфику домостроительства, касающуюся пропорций здания, размещения отопительной системы, которое, в свою очередь, привело к нетипичной для остальной Польши организации внутреннего пространства. Интересно, что эта специфика носила надсословный характер: исследовательница обнаружила ее не только в крестьянских домах, но и в шляхетских усадьбах.

М. Сулима типологизирует полесские жилые здания следующим образом. Широкофронтальная хата с двумя входами, предназначенная для двух отдельных семей, где отопительные системы располагались на пересечении внутренних стен, обеспечивая оптимальный обогрев сразу всех помещений. Такие «центростремительные» типы коттеджей широко распространены не только в Полесье, но и на Мазовии, а в также в центральных районах Польши. Старейший и потому специфичный для полесского пограничья тип – строение с одним проходом (при этом одна из крайних комнат часто разделена стеной), отапливаемое русской печью и покрытое общей с помещениями для скота крышей. Наконец, с 1940-х годов распространяется дом с расширенной системой отопительного оборудования. На всех этапах развития жилищного домостроения используются исключительно местные деревянные стройматериалы, причем М. Сулима отмечает, что для всей Польши характерен потребительский стереотип: дома из дерева Беловежской пуши – гарантия фундаментального качества и долговечности. Описывая конструктивные элементы жилых зданий, автор приводит ряд их специфических диалектных названий; дифференцирует элементы обустройства и оформления зданий в зависимости от места размещения (например, только ромбовидные осветительные отверстия на нежилых частях дома типа сеней и только прямоугольные или треугольные на хозяйственных постройках), иллюстрируя их полевыми фотографиями. Особое внимание уделено уникальному, не встречающемуся больше нигде на территории Польши, резному орнаменту, единому для жилых домов, православных храмов, придорожных часовен и малых архитектурных форм. Специалисты называют его «лобзиковым», «русским» или «белорусским». Изобилие орнаментальных форм, тонкость и симметричность резьбы и тенденция к декорированию абсолютно всех элементов застройки, всех частей и сторон дома – характерные черты бельско-хайновской архитектуры.

Четвертая и пятая главы – «Домашнее пространство» и «Домашний интерьер» – посвящены отражению мистических и религиозных представлений, свойственных православной народной традиции, с учетом ее давнего двоеверия, в структурировании внутренней среды жилых зданий, их оборудования, мебели, утвари, предметов быта. Подробный анализ символики мест, предметов, их повседневного утилитарного и ритуального, праздничного, обрядового использования приводит автора к выводу о неизменности круговорота бытия как главной идее традиционного жилища:

«Время и пространство в народной культуре делились на ряд качественно различных отрезков, пересечение которых каждый раз соответствовало схеме включения-исключения относительно домашнего сообщества. Празднества и празднования, повторяемость определенных действий в календарном и семейном цикле раскрывали смысл символики дома – идею его постоянного “творения” по образу и подобию дома Божьего» (2018, р. 245).

Поскольку православная культура определяла правила организации и использования пространства жилища по отношению к его обитателям как в этом мире, так и в ином мире, любое пересечение тесных границ дома одновременно означало и выход в область трансцендентного.

Заключительная глава – «Домашнее пространство в праздничных торжествах» – рассматривает два вида праздников: ежегодные календарные и праздники, связанные с включением чужаков в домохозяйство, построенные на символическом представлении дома как второго тела человека. И на польских, и на белорусских землях существует ряд одинаковых обычаев: например, обмывание стен дома (чтобы дети всегда были чистыми), протаскивание ребенка через специально проделанную дырку в заборе перед крестинами, которое символизирует его переход из мира потустороннего в мир живых.

Специфика пограничья, по мнению автора, определяется сохранностью множества древних, архаичных элементов обрядности, отраженных и в практиках домостроительства. Важно и то, что наиболее последовательно, регулярно эти элементы и практики воспроизводят именно идею границы – и как перехода с одного этапа человеческой жизни на другой, и как оформляющего этот переход пространственного барьера в виде окон, дверей, стен, крыши, порога, устья печи, а также специальных защитно-отгонных действий и предметов. Сравнивая типы жилищ в одном культурно-географическом ареале, принадлежащих людям с разным типом этнической и гражданско-политической идентификации, исследовательница убеждает нас, что выявленная специфика производна именно от фронтирности, а не от этничности. Именно этим наиболее интересна и нова работа М. Сулимь.

Вместе с тем прямых доказательств того, что сам статус жителей пограничных территорий способен видоизменять традиционную обрядность, связанную с жилищем, модифицировать семиотику ритуала и собственно способы домостроительства, на взгляд рецензента, в работе нет. Возможно,

усиление отгонно-магической функции декоративных и утилитарных предметов экстерьера и интерьера таких жилищ обусловлено не столько трансгранничностью этого места, сколько его заповедностью, невозможностью интенсивного хозяйственного использования, которая препятствует процессам модернизации и тем консервирует архаические пласты культуры. Лучшим способом проверки было бы проведение компаративного исследования данного культурного ареала по обе стороны политико-административных границ.

Монография содержит богатый эмпирический материал, визуальный и текстуальный. Это фотографии жилищ и выдержки из проведенных исследовательницей за период с 2009 по 2011 годы интервью. Их список приводится с разбивкой по различным административным районам Полесья и насчитывает 90 информантов. Библиография работы состоит из 352 наименований. Она не ограничивается темами архитектуры и культуры жилища и уводит в область социологии пространства, феноменологии и социологии религии, фольклора и этнолингвистики, диалектологии и семиотики. Это преимущественно польские источники, дающие возможность досконально проследить не только историю изучения вопроса традиционного жилищного строительства и сельского домашнего уклада за рубежом, но и польско-белорусских связей, а также специфики польской национальной идентичности как в составе империй, так и на разных этапах становления государственности.

Список литературы

- Grzęda-Zajkowska, M. (2023, June 16). *Magdalena Sulima: Architektura to sztuka kształtowania przestrzeni* [Magdalena Sulima: Architecture is the art of Shaping Space]. Property Design. https://www.propertydesign.pl/wywiady/109/magdalena_sulima_architektura_to_sztuka_kształtowania_przestrzeni.43856.html (In Polish)
- Miasta i metropolie. Jak działać w przestrzeni publicznej [Cities and metropolises. How to work in public space]. (2013, June 13). *Studia Podyplomowe | Narodowe Centrum Kultury*. <https://www.nck.pl/badania/aktualnosci/miasta-i-metropolie-jak-dzialac-w-przestrzeni-publicznej-studia-podyplomowe> (In Polish)
- Sulima, M. (2018). *Dom pogranicza w kulturze wsi podlaskiej* [Border House in Podlaskie village culture]. Oficyna Wydawnicza Politechniki Białostockiej. (In Polish).
- Sulima, M. (2020). Houses of the Polish-Belarusian borderland as areas of value. *Budownictwo i Architektura*, 18(4), 103–116. <https://doi.org/10.35784/bud-arch.1423>
- Аверкиева, К. В., Антонов, Е. В., Кириллов, П. Л., Махрова, А. Г., Медведев, А. А., Неретин, А. С., Нефедова, Т. Г., & Трейвиш, А. И. (2016). *Между домом и... Домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. Новый хронограф*. <https://doi.org/10.15356/ВНАН2016>

- Амиргазин, К. Ж., & Амиргазин, Е. К. (2019). Казахская традиционная юрта – шедевр кочевой цивилизации. *Мир науки, культуры, образования*, 6, 228–231. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10098>
- Бадмаева, Е. Н., & Батыров, В. В. (2023). Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды. *Научный диалог*, 12(5), 409–426. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426>
- Винокурова, А. В. (2018). Повседневность и «домашние» практики семей трудовых мигрантов. *Ойкумена. Региональные исследования*, 2, 40–45. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-2/40-45>
- Горбачук, Г. Н. (2016). Сельский приход в контексте социально-исторических процессов: На примере Западнобелорусского православного прихода. *Теории и проблемы политических исследований*, 4, 211–223.
- Гресь, С. М., & Людко, П. Ш. (2015). Беловежская пуца в конце XVIII-первом десятилетии XIX века. *История и археология*, 1, 48–51.
- Давыденко, Л. Н., & Максимчук, А. (2017). Трансграничный потенциал еврорегионов в развитии международного туризма. *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*, 3, 93–101.
- Давыдов, Б. Б. (2008). Военные поселения и Гвардия в оценках современников. *Вестник архивиста*, 1, 40–43.
- Зиятдинов, З. З. (2018). Второе жилище в первобытном мире. *Архитектон: известия вузов*, 2, 12–12.
- Малахов, С. А., & Репина, Е. А. (2018). Альтернативные сценарии обитания (АСО)—*Nos est vivere bis, vita posse priore frui. Innovative Project*, 3(9), 84–110. <https://doi.org/10.17673/IP.2018.3.09.6>
- Маргарян, Г. С. (2021). Когда дом становится крепостью. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 1, 151–171. <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-151-171>
- Протасова, Е. Ю., & Резник, К. Л. (2020). Функции мигрантского дома: Русскоязычные в Финляндии. *Исторический курьер*, 4, 204–216. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-4-17>
- Сороко, С. М., Салахова, Ю. Ш., & Судакова, А. С. (2009). Памятники Всемирного наследия в национальной культуре Беларуси. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*, 1, 59–62.
- Старикова, М. М. (2018). Жилищное неравенство в городах как форма социального расслоения: Критерии выделения жилищных классов и страт. *Урбанистика*, 3(3), 71–98. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955>
- Татауров, С. Ф., Тихонов, С. С., & Черная, М. П. (2021). Исследования в историческом центре города Тары в 2021 году. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*, 27, 674–677. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0674-0677>
- Федотова, А. А. (2022). «За убитую в Беловежской пуце зубрицу запрещена пастьба скота»: Выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке. *Крестьяноведение*, 7(3), 55–88. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2022-7-3-55-88>

Херай, И. В. (2013). Градостроительные приемы формирования социально-интегрированных комплексов жилой застройки. *Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета*, 1, 91–98.

References

- Amirgazin, K. Zh., & Amirgazin, E. K. (2019). Kazakh Traditional Yurt as a Masterpiece of Nomadic Civilization. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 6, 228–231. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10098> (In Russian).
- Averkieva, K. V., Antonov, E. V., Kirillov, P. L., Makhrova, A. G., Medvedev, A. A., Neretin, A. S., Nefedova, T. G., & Treyvish, A. I. (2016). *Between home and ... home. Recurrent spatial mobility of the Russian population*. New Chronograph. <https://doi.org/10.15356/BHAH2016> (In Russian).
- Badmaeva, E. N., & Batyrov, V. V. (2023). Transformation of Kalmyk Dwellings during Their Transfer to Settled Life in Imperial and Soviet Periods. *Nauchnyi dialog*, 12(5), 409–426. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426> (In Russian).
- Davydenko, L. N., & Maksimchuk, A. (2017). Transboundary potential of euro-regions in the development of international tourism. *Vesti BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filosofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya*, 3, 93–101. (In Russian).
- Davydov, B. B. (2008). Military Settlements and Guards in Estimates of Contemporaries. *Herald of an archivist*, 1, 40–43. (In Russian).
- Fedotova, A. A. (2022). “Cattle Grazing is Prohibited after the Bison Was Killed in Białowieża Forest”: Woodland Grazing as a Traditional form of the Peasant Forest Management in the long 19th Century. *Russian Peasant Studies*, 7(3), 55–88. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2022-7-3-55-88> (In Russian).
- Gorbachuk, G. N. (2016). [A rural parish in the context of socio-historical processes: in the case of the Western Belarus Orthodox Parish. *Theory and Problems of Political Studies*], 4, 211–223. (In Russian).
- Gres, S. M., & Ludco, P. S. (2015). Belovezhskaya Pushcha at the end of XVIII – the first decade of the Nineteenth Century. *History and archeology*, 1, 48–51. (In Russian).
- Grzęda-Zajkowska, M. (2023, June 16). Magdalena Sulima: Architektura to sztuka kształtowania przestrzeni [Magdalena Sulima: Architecture is the art of Shaping Space]. *Property Design*. https://www.propertydesign.pl/wywiady/109/magdalena_sulima_architektura_to_sztuka_kształtowania_przestrzeni.43856.html (In Polish)
- Khegay, I. V. (2013). Urban Planning Techniques of Formation of Socially Integrated Complexes of Residential Development. *News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 1, 91–98. (In Russian).
- Malakhov, S. A., & Repina, E. A. (2018). Alternative Scenarios of Habitat (ASH) – Hoc Est Vivere Bis, Vita Posse Priore Frui. *Innovative Project*, 3(9), 84–110. <https://doi.org/10.17673/IP.2018.3.09.6> (In Russian).
- Margaryan, G. S. (2021). When a House Becomes a Castle. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1, 151–171. <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-151-171> (In Russian).
- Miasta i metropolie. Jak działać w przestrzeni publicznej* [Cities and metropolises. How to work in public space]. (2013, June 13). *Studia Podyplomowe | Narodowe Centrum Kultury*.

- <https://www.nck.pl/badania/aktualnosci/miasta-i-metropolie-jak-dzialac-w-przestrzeni-publicznej-studia-podyplomowe> (In Polish)
- Protasova, E. Yu., & Reznik, K. L. (2020). Functions of the Migrant Home: Russian-Speakers in Finland. *Historical Courier*, 4, 204–216. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-4-17> (In Russian).
- Soroko, S. M., Salakhova, Yu. Sh., & Sudakova, A. S. (2009). Pamyatniki Vsemirnogo naslediya v natsional'noy kul'ture Belarusi. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*, 1, 59–62. (In Russian).
- Starikova, M. M. (2018). Housing inequality in cities as a form of social stratification: criteria for distinction of housing classes and strata. *Urban Studies*, 3(3), 71–98. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955> (In Russian).
- Sulima, M. (2018). *Dom pogranicza w kulturze wsi podlaskiej* [Border House in Podlaskie village culture]. Oficyna Wydawnicza Politechniki Białostockiej. (In Polish).
- Sulima, M. (2020). Houses of the Polish-Belarusian borderland as areas of value. *Budownictwo i Architektura*, 18(4), 103–116. <https://doi.org/10.35784/bud-arch.1423>
- Tataurov, S. F., Tikhonov, S. S., & Chernaya, M. P. (2021). Research in the Historical Center of Tara in 2021. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 27, 674–677. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0674-0677> (In Russian).
- Vinokurova, A. V. (2018). The Daily Life and “Home” Practices of Migrant Workers’ Families. *Ojkumena. Regional researches*, 2, 40–45. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-2/40-45> (In Russian).
- Ziyatdinov, Z. Z. (2018). Second Home in the Prihistoric World. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2, 12–12. (In Russian).

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from 07.04.2015

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050

Editor-in-Chief: Doctor Habilitatus, professor Serguey N. Yakushenkov

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
editorialboard.jsf@jfs.today

or editorialboard.jsf@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2

Главный редактор: д.и.н., профессор Сергей Николаевич Якушенков

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по Email:
editorialboard.jsf@jfs.today или editorialboard.jsf@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225